

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»

**WORLDS
OF ROGER
ZELAZNY**

Volume twenty nine

FOREVER AFTER

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Том двадцать девятый

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

*Издание осуществлено совместно
с частным предпринимателем Секачевым В.Ю.*

**Миры Роджера Желязны Том 29 / Пер. с англ. —
Полярис, 1997. — 375 с.**

Эту книгу составил мозаичный роман-фэнтези «После победы», написанный по сценарию, под руководством и при непосредственном участии Роджера Желязны.

**Произведения, включенные в данное издание,
охраняются законом об авторском праве. Перепечатка
отдельных романов и всего издания в целом запрещена
без разрешения издателя и переводчика. Всякое
коммерческое использование данного издания возможно
исключительно с письменного разрешения издателя.**

Forever After
Copyright © 1996 by The Bill Fawcett Associates

После победы
© Н. Ибрагимова, перевод, 1997
© Издательство «Полярис»,
оформление, составление,
название серии, 1995

ISBN 5-88132-334-3

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

**И ОНИ ЖИЛИ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО
ПОСЛЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ПОБЕДЫ
НАВСЕГДА СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ**

*Меня просили посвятить эту книгу,
последнюю работу Роджера, тем,
кто любил его.
Я так и делаю.*

Джейн Лингсколд

ПРЕЛЮДИЯ ПЕРВАЯ

Принц Рэнго стоял на балконе и наблюдал за парой комет, висящих в ночном небе.

Парой?

Он прищурился, глядя на странное пятнышко света низко над горизонтом на западе. Еще вчера вечером его там не было. Оно выглядело почти так же, как те, что появились несколько ночей назад. Похоже, на подходе еще и третья комета. Говорят, что подобные вещи предвещают смерть монарха, смену администрации, социальные взрывы, природные катаклизмы, отмену благоприятной ценовой политики на продукцию, производством которой ведает родственник, плохую погоду, эпидемию чумы или потерю лотерейного билета. Рэнго улыбнулся. Он не нуждался в знании небес, он и так знал, что перемены носят-ся в воздухе. Он сам был их частью.

Внезапно раздирающий уши вопль наполнил ночной воздух. Это был звук струнного инструмента, только сила его в сотни раз превышала звук любого струнного инструмента, когда-либо звучавшего в этих краях. По крайней мере, до прошлой ночи. Он регулярно раздавался по ночам вот уже около недели, и как только звучание

приобретало размеренный ритм, к нему присоединялись другие инструменты, столь же мощные. Да. Вот вступил басовый... А теперь лихорадочная дробь ударных. Скоро незримый певец начнет выкрикивать непонятные стихи на неизвестном языке.

Высокий, смуглый красавец Рэнго поднял кубок с вином, сделал глоток, и в то же мгновение откуда-то с востока донесся сотрясающий землю топот.

Он вздохнул и повернул голову в направлении шума. Странно было эти последние два месяца жить в стране, не раздираемой гражданской войной, в местности, которая более чем на десяток лет превратилась в декорации, фон для убийств, черной магии, вооруженных стычек, подвигов, погонь, побегов, вендетт, дуэлей, предательств, деяний великого мужества и великого предательства. И все они в конце концов привели к войне, в которой был подведен окончательный итог, Добро и Зло, Свет и Тьма, Порядок и Хаос и все прочие антонимы встретились лицом к лицу в последней схватке — сталь против стали, заклинание против заклинания, темные боги и богини против своих более светлых сородичей, нос к носу и стенка на стенку, пустив в ход зубы, когти и прочие воинственные причиндалы. Когда осела пыль, Добро — собственной персоной и в лице своих приверженцев — еле-еле доползло до победы.

Рэнго опустил кубок и улыбнулся. В конце битвы они были на волосок от поражения, и в конечном счете все произошло не так гладко, как хотелось бы, но зато теперь он стоит в императорском дворце Калтуса, столицы Фолтейна, и менее двух месяцев отделяет его от дня бракосочетания и коронации. Наконец-то все невзгоды остались позади и он женится на своей суженой — высокой, черноволосой Риссе.

Топот на востоке раздавался все громче — даже странная музыка не могла полностью заглушить его, — а он перебирал в памяти годы, полные приключений, которые стремительно завершились кульминацией минувшим летом...

Накануне последней битвы казалось, что все складывается в пользу Каларана — полубога, сбившегося с пути праведного, Падшей Птицы-Солнца из высокой обители богов, Валлады Таханы. Четыре предмета перевесили чашу весов не в его пользу: амулет, перстень, меч и свиток — Анакрон, Сомбризио, Молебой и Гвайкандер.

Гар Квитник, перебежчик и мастер хингу, пустился на поиски затерянного амулета и добился успеха. Он спас оборонявшихся от гнева Каларана, разрушил его злые чары и защитил их. Сомбризио, перстень, обладающий мощной смертоносной силой, привезенный из города мертвых, Антуруса, Риссой и ее светловолосой, ширококостной спутницей Джэнси Гейн, нанес физический вред Каларану и заставил его снизойти до рукопашной схватки с принцем. Даже в этом случае он без труда справился бы со смертным героем, какими бы развитыми мускулами тот ни обладал, да только в этой мускулистой руке был зажат Молебой — меч, способный разить богов. Принц вместе со своим напарником, Крапчатым Гуликом, привез его из своего героического похода. И наконец был еще свиток Гвайкандер, содержащий слова древнего могущественного ритуального заклятия. Его добыли со дна озера, где обитает чудовище, и привезли в Фолтейн как раз вовремя. Вместе с остальными волшебными орудиями он оказался там, когда был особенно необходим. Оглядываясь назад, принц думал обо всех совпадениях и просто чистом везении — ведь все четыре орудия были доставлены в нужное место и в нужное время, один за другим в течение

всего нескольких минут. Воистину исход сражения висел на волоске.

Белая линия медленно прочертила небосвод, расширяясь после предмета, за которым она тянулась следом. Вскоре над головой раздался далекий гулкий удар, за которым последовало нечто вроде раскатов.

Рэнго покачал головой. Было понятно, что это не метеорит и не комета, но он не имел представления, что же это такое. Это его немало тревожило. За последние два года неизвестность достаточно часто оставляла свои грязные следы на тропе его жизни.

И все же, хоть он и не понимал природу этого явления, но имел довольно точное представление, что его породило, и даже признавал, что сам отчасти несет за него ответственность. Оно было из того же ряда, что и недавние кровавые дожди, жабы, крысы и пронзительная пародия на музыку, которая сейчас раздирала воздух, и та тварь, что сотрясала землю все приближающимися тяжелыми шагами. И конечно, оно было связано с недавним всплеском патологий при родах, появлением на свет двухголовых овец и телят.

Рэнго вздохнул и улыбнулся. Это все поправимо. Он придумывает способ справиться с этим, как придумывал в последние годы способы справляться со всем остальным, от незначительных досадных мелочей до неотвратимого рока. Он всегда соображал очень быстро.

Внезапно маленькое озеро у подножия одного из холмов на севере покрылось серебристой рябью и начало мелеть у восточного конца, словно местность неожиданно приобрела наклон в одну сторону. Он кивнул. И это тоже. В последнее время местность приобрела тенденцию меняться. Куда именно уходит вся эта вода, не совсем понятно. Утром на месте озера останется грязная лужа. Возможно, там постепенно образуется болото.

Или, может, к следующей ночи снова вернется озеро. Поскольку в окрестностях Калтуса грани между реальностями несколько истончились, вполне возможно, что откуда-то сюда потечет новый ручей и вновь наполнит озеро.

Предстоит совещание. Безусловно. С его главными советниками. Утром. Они обсудят ситуацию. Он уже заранее видел, как все становится на свои места. Да.

Повинуясь еще нерастроченному любопытству, Рэнго подождал, пока появится источник приближающихся шагов — огромная рептилия с тяжелыми ногами, длинной шеей и длинным хвостом, которая медленно топала по центру города, обрывая листья различных деревьев и прихватывая по дороге куски крестьянских домишек. Он смотрел, как она удаляется на запад в косых лучах восходящего осколка луны. Допил вино, пока рептилия не скрылась из виду, потом повернулся и ушел в свои покои.

На следующий день после обеда, когда принц Рэнго пошел проверить новую грязевую яму на северной стороне озера и осматривал пересекающую ее длинную полосу следов динозавра, по некогда живописной тропинке к нему подошла принцесса Рисса.

— Рэнго, что, черт возьми, происходит? — спросила она.

— По-видимому, еще один участок перенапряженной реальности не выдержал... — начал он.

Она бросила взгляд на мокрый буро-коричневый откос и покачала головой.

— Я не это имела в виду, — сказала она, коротко махнув рукой в ту сторону, и на ее руке блеснул серебряным блеском перстень. — Я говорю об утреннем совещании, на которое меня не пригласили.

Рэнго поморщился и отступил.

— На нем обсуждались почти исключительно технические детали, — ответил он. — Я думал, что тебе это будет не интересно.

— И я даже не узнала бы о нем, если бы не Джэнси, — продолжала она. — Она только что пришла ко мне, чтобы сообщить, что ты забираешь Сомбризио и отсылаешь ее обратно к злым духам.

Словно в ответ на ее сердитый жест в центре ямы раздалось низкое бульканье, как будто кто-то прочищал горло. Оба обернулись туда и увидели, как втягивается внутрь громадный лопнувший грязевой пузырь. Через мгновение откуда-то из глубины донесся короткий грохот. Затем из ямы стремительно вырвалась струя дымящейся жидкости, взлетев футов на тридцать—сорок вверх.

Повеяло запахом серы.

— Вот часть причины, — сказал принц. — Или скорее часть этого эффекта — причина совещания, на котором мы как раз и обсуждали сам эффект.

— Она мне сказала, что ты приказал ей отвезти перстень обратно в Антурус и как можно лучше спрятать его там, где мы его нашли.

— Это правда.

— И ты посылаешь Гара Квитника на поиски затерянного города Джелфейт, чтобы вернуть туда амулет, Анакрон?

— И это верно.

— ...а Крапчатого на север, в Пендаггенз, чтобы избавиться от Молебоя?

— Правильно.

— А Домино Блейд собирается отвезти свиток Гвайкандер обратно к проклятому озеру, который служил ему библиотекой?

Он кивнул:

— Да, все это так. Это люди крепкие, умелые — и они, вероятно, страшно скучают теперь, когда

грянул мир. Идеальные кандидатуры на то, чтобы спрятать эти артефакты в безопасные места, пока они вновь не понадобятся.

— В их умении я не сомневалась, Рэнго, — возразила она; желтое облако с запахом тухлых яиц тем временем проплывало мимо. — Меня удивляет сама идея убрать артефакты подальше от всех именно сейчас. Не понимаю, как ты сможешь вынести разлуку с Молебоем, мечом, который спас столько жизней и так много раз. Мне, например, идея расстаться с Сомбризио и тем могуществом, которое она дает, очень не по душе. Сомбризио тоже нас спасла.

— Я испытываю те же чувства, что и ты. Однако ситуация неожиданно изменилась. Хотя все они оказали нам неоценимую помощь в прошлом, сейчас представляют собой серьезную опасность.

— Ты уверен, что это правда? — спросила она, а земля снова затряслась, и гейзер взметнулся еще выше.

Им пришлось поспешно отступить вправо, когда порыв ветра окатил их дождем горячих капелек.

— В разумных пределах — уверен, — ответил он, протягивая ей носовой платок. — Мне придется полагаться на мнение экспертов, и лучшие колдуны, с которыми мы имели возможность проконсультироваться, пришли к общему мнению, что собрать все четыре магических орудия в одном месте было перебором. Это означает, что их объединенная сила все время растет, и прямым результатом этого являются все те странные и опасные события, которые начали происходить здесь. Они рвут ткань реальности, и дальше все может пойти еще хуже. Колдуны говорят, именно по этой причине такие мощные орудия обычно спрятаны в отдаленных местах. И как правило, в

одном и том же месте не прячут больше одного орудия. Это делается не для того, чтобы затруднить жизнь людям, отправившимся на их поиски. Эти предметы обладают такой ужасной мощью, что, если держать их поблизости друг от друга слишком долго, их комбинированная сила вызывает неестественное напряжение в том месте, где они находятся. Здесь, в Калтусе, мы собрали четыре таких предмета, и все сходятся во мнении, что их присутствие является причиной всех магических возмущений, которые мы наблюдаем. И пока все они вместе, положение будет только ухудшаться.

— Не знаю, — сказала она, а у нее за спиной снова послышалась отрывка гейзера. — Предположим, что кое-кто из злобных чудищ Каларана, уцелевших во время войны, появятся здесь, напрашиваясь на неприятности. Против некоторых из них очень полезно было бы иметь под рукой Молебой, или Сомбризио, или Анакрон. То есть я хочу спросить, не лучше ли проконсультироваться с кем-нибудь еще по этому поводу?

Рэнго покачал головой.

— Я созвал самых лучших волшебников, которых только смог найти, — ответил он, — и, как я уже говорил, они пришли к консенсусу. Откладывать дальше и искать еще нескольких — это подвергаться реальной опасности ради сомнительной цели. Скорее всего они все согласятся со своими братьями и сестрами по Искусству Магии. Нет, чем быстрее мы отправим артефакты к местам их хранения, тем быстрее здесь все придет в норму.

— Возможно, ты мог бы сохранить один из них, — сказала она. — Например, Молебой, или Сомбризио. Тогда уже не будет такого сочетания могучих сил. Ни один предмет сам по себе не оказывал такого воздействия, как сейчас все они

вместе. Давай просто отошлем два или три из четырех и посмотрим, не стабилизируется ли ситуация.

— Это тоже обсуждалось, — ответил Рэнго. — Подобные рассуждения правильны, и, вероятно, все бы получилось, если бы мы просто доставили, скажем, пару таких орудий в чистый район. К несчастью, здесь вред уже частично нанесен. Если магическое давление уже свершилось, любой магический объект или действие может лишь ухудшить положение, или по крайней мере вызвать проявления магических сил. Да, присутствие здесь одного предмета оказало бы меньшее влияние, чем всех четырех. Но все равно это рискованно.

— В таком случае, — предложила Рисса, — почему ты не можешь просто отослать их из города по четырем различным направлениям так далеко, чтобы их влияние уменьшилось до нуля?

Рэнго вздохнул и отвернулся, фонтан у него за спиной снова забулькал. Из пролетающей мимо стаи начали валиться вниз одна за другой птицы и падать без чувств на землю вокруг них.

— Физически то, что ты предлагаешь, должно прекрасно сработать, — наконец отозвался он. — Тем не менее следует учесть вопрос безопасности. Если мы спрячем их в легкодоступных местах, они могут попасть в руки врагов, которые используют их против нас. Так же, несомненно, думали древние, когда в свое время скрыли их в потайных местах. Их первым соображением было разнести предметы на большое расстояние друг от друга; вторым — заставить рисковать всякого, кто захочет их отыскать. Вот почему всегда приходилось отправляться за ними в героические походы и почему они всегда были такими дьявольски трудными.

Рисса подошла поближе.

— Похоже, твои эксперты действительно все продумали... — медленно произнесла она.

— Мне кажется, каждое поколение должно заново открывать для себя эти основные истины, — ответил он. — Когда начинаешь понимать их, то находишь объяснение сходству стольких литературных произведений о героических подвигах. Моралисты и литературные критики всегда с готовностью утверждали, что, заставляя героев и героинь взбираться в горы, пересекать пустыни, переплывать бушующие потоки и сражаться со свирепыми хищниками или сверхъестественными чудовищами, авторы создавали внешние символические аналогии внутренним, духовным подвигам, чтобы показать своего рода испытание на зрелость и ритуальное очищение, которые делают этих героев достойными того великого блага, которое они несут своим народам. Теперь мы видим, что это просто еще один пример патристической белиберды, используемой в целях прославления своих ценностей за счет отдельной личности — не говоря уже о других культурах. Реальная же причина — чисто физическая. Опасно держать волшебные орудия слишком близко друг от друга слишком долго.

Рисса во все глаза смотрела на него сквозь желтые испарения. Потом сказала:

— Никогда не слышала, чтобы ты говорил так... так философски — раньше, когда мы путешествовали или жили в походном лагере во время войны.

Принц слабо улыбнулся.

— У меня было много времени на размышления после окончания войны, — ответил он. — Я обдумывал свои недавние свершения и решал, где я сделал самые серьезные ошибки. Настало время задуматься над разными вопросами, о которых раньше у меня не хватало времени поразмыслить.

Рисса еще ближе подошла к нему.

— Возможно, ты слишком много времени провел в размышлениях, — заметила она, кладя ладонь на его руку. — Только размышления и никакого действия — состояние, столь же далекое от равновесия, как и противоположное ему, дорогой.

Внезапно она оказалась очень близко и тесно прижалась к нему. Мышцы на его челюстях напряглись, затем расслабились. Он обнял ее и прижал к себе.

— Ты права, разумеется, — ответил он. — Просто я хочу обо всем позаботиться, все расставить по местам, ради нас с тобой. Хочу, чтобы жизнь здесь текла гладко, когда мы наконец подойдем к сказочному «потом они жили долго и счастливо до самой смерти».

— Конечно, — сказала Рисса. — Я понимаю твою озабоченность.

Она подняла взгляд и посмотрела ему прямо в глаза:

— Какое-то время мне казалось, что я тебя чем-то обидела или что ты изменился. Даже думала, что ты меня избегаешь. Но я начинаю понимать все то, что тебя заботит.

Он кивнул:

— Это было нелегко. Мне почти кажется, что мир в некотором отношении труднее войны. Извини, если я не уделял тебе должного внимания, пока пытался решить какие-то проблемы мирного времени. Я намереваюсь все привести в порядок ко дню нашего бракосочетания и коронации. Обещаю, ждать осталось недолго.

— Я могу подождать, — ответила она. — Раз я знаю, что между нами ничего не произошло...

— Я бы тебе уже сказал, если бы это случилось. Нет, нам мешает только напряжение этих проклятых дел.

Ее губы слегка приоткрылись, он нагнулся и поцеловал ее. Через несколько секунд произошло еще одно извержение гейзера, и их окатило еще одним душем горячих капель. Он отстранился, повернулся и потянул ее за собой.

— Когда жизнь станет безопасной и не станет подобных вещей, у нас будет больше времени на подобные занятия, — сказал он. — К несчастью, я, возможно, буду еще некоторое время занят всем этим.

— Понимаю и ценю, — ответила Рисса, едва поспевая за его быстрыми шагами. — Но даже не в столь уж совершенном мире мы, возможно, могли бы выкроить несколько часов и побыть вместе в более или менее спокойном местечке.

— Хотел бы я, чтобы это было так, — крикнул он, стараясь перекричать грохот нового извержения. — Но мне надо спешить на следующее совещание как раз по этому вопросу. Встретимся попозже.

Рэнго сидел в глубине комнаты и пил чай. Он устал. Последние несколько дней и в особенности сегодняшнее утреннее совещание, а потом встреча с Риссой — все это оказалось большой эмоциональной нагрузкой, и он просто физически устал. Поэтому поручил провести собрание Хранителей одному из них самих, вкратце обговорив предварительно все детали. Полковник Доминик Блейд — нет, черт побери! генерал Домино Блейд — он подписал бумаги на присвоение очередного звания около недели назад, — пользовалась большим уважением своих товарищей и имела опыт проведения бесчисленного количества военных совещаний.

Он рассматривал ее, словно изучал редкую экзотическую птицу. Почти до самого окончания войны все считали кавалерийского командира

Доминика Блейда, сына старого генерала Кермана Блейда, самым блестящим стратегом на поле боя. И ошибались — не в своей оценке, а в определении пола полковника. Старый Керман страстно желал иметь сына, который продолжил бы семейные традиции, но его покойная супруга отказалась его уважить и покинула мир, оставив его с одним ребенком женского пола на руках. Не склоняясь перед обстоятельствами, он решил наилучшим образом использовать подручный материал: передел девочку в мальчика, назвал ее мужским вариантом данного при рождении имени и начал обучать кавалерийскому делу, как только она научилась держаться в седле. И что-то в ее генах отозвалось с самого начала.

Шесть или семь поколений предков Блейдов сыграли свою роль — у нее оказались большие способности. И еще кое-что сверх того. Выигрывая одну битву за другой, она быстро поднялась по служебной лестнице, проявляя все больше фамильного таланта наивысшей пробы.

В одну из последних недель войны ее ранили в плечо, когда вражеские лучники выпустили по ней тучу стрел. Овладев высотой, которую штурмовала, она зашаталась и сползла с коня на землю. Гар Квитник, горячий почитатель полковника, немедленно оказался рядом и сорвал окровавленную рубаху, готовясь применить свое искусство врачевания хингу. Обнаружив, что человек, которым он восхищался больше всех, — женщина, Гар тут же понял, что влюбился. Но дама не разделила его чувств. Она любила другого.

Рэнго улыбнулся и сделал глоток чая, когда Домино обратилась к собравшимся. Она все еще предпочитала мужской наряд, коротко стригла волосы и разговаривала, как полевой командир. Трудно поверить, что она полюбила поэта и знатока древних языков. Но именно об этом донесла

ему только что созданная служба внутренней разведки. Имя этого человека было Джорд Индер.

Домино прекрасно ладила с Крапчатым Гуликом, хотя в их отношениях не было ничего романтического. Как можно было ожидать, офицер пехоты, выслужившийся из рядовых и принимавший участие во всех военных кампаниях, что и полковник, имел с ней много общего. Кроме того, ему нравились миниатюрные блондинки, а Домино, при ее росте пять футов десять дюймов, была на несколько дюймов выше рослого капитана.

С другой стороны, Гар Квитник был на несколько дюймов выше своей дамы сердца. Стройный, темноволосый, светлоглазый, он был настолько грациозен, что его скорее можно было принять за танцовщика, чем за того, кем он был в действительности: одним из самых смертоносных двуногих созданий. Обученный с детства искусству убивать — хингу, он служил в отборной гвардии Каларана, пока не узнал, какую роль сыграл учитель в гибели его родителей. Перейдя после этого под знамена Рэнго, он отличился в операции по задержке противника в ущелье Барду. Этот проход был настолько узок, что по нему могли двигаться одновременно только два пешехода или один кавалерист, и вел он к равнине Парадат. На ней разбили лагерь измученные войска Рэнго, не ожидавшие нападения. Гар оказался одним из шести добровольцев, вызвавшихся удерживать ущелье до тех пор, пока стоящую лагерем внизу армию не предупредят. Они жертвовали собой, чтобы выиграть лишних пять минут, в лучшем случае — десять. Проход удерживали почти час, причем остальные пять добровольцев погибли почти в самом начале этого часа. Гар выжил только потому, что когда он в конце концов упал, то был так изранен и покрыт запекшейся

кровью, что никто и не подумал потратить еще один удар меча на явного мертвеца.

И все же, каким бы героем ни показал себя Гар Квитник, у него не было настоящих друзей. В его светлых глазах сверкал фанатизм, так как он жил под сенью эстетики смерти, хингу. Крапчатый, которому доводилось в прошлом сражаться с воинами других школ боевых искусств, высказывал надежду, что в мирное время Гар может, в конце концов, заняться другими делами и таким образом сделается более человечным. Чувства Гара к другим людям оставались тайной. Он никогда их не проявлял, если не считать случая с Домино.

Рэнго допил свой чай и некоторое время слушал, как Домино излагает выводы совещания относительно магических артефактов. Ей задали несколько вопросов вроде тех, которые недавно задавала ему Рисса. Потом Рэнго налил себе еще чаю, глядя, как Домино прохаживается по комнате, похлопывая себя по бедру и почесывая нос плеткой.

— И когда мы должны отправиться в путь с этими предметами? — спросила Джэнси Гейн.

Домино взглянула в сторону Рэнго, который встал, кивнул и произнес:

— Послезавтра. Думаю, каждому понадобится день на то, чтобы уладить текущие дела и собраться в дорогу.

— Рисса собиралась поговорить с вами об этом.

— Мы уже поговорили.

Он собрался было снова сесть, но почувствовал на себе взгляд Гара Квитника. Повернулся к нему и поднял брови.

— У тебя вопрос, Гар? — сказал он.

— Да, — прозвучал тихий, ровный голос. — Единственное безопасное место для амулета Анакрон — это его традиционный дом в часовне горной деревни Джелфейт. К несчастью, этого места постоянно

не существует. Оно то появляется, то исчезает через непредсказуемые промежутки времени — раз в несколько лет, иногда десятилетий, или через несколько поколений. Я могу пересечь пустыню Рахобан и подойти к месту расположения деревни, но не могу гарантировать, что она проявится именно тогда, когда я туда доберусь.

Рэнго улыбнулся.

— Существует тайное предание, — ответил он, — что это событие происходит в ответ на присутствие амулета. По мнению моих советников, есть все основания полагать, что это правда. По-видимому, Анакрон и Джелфейт каким-то образом связаны друг с другом.

— Понимаю, — сказал Гар. — В таком случае я буду готов выехать после этого совещания, если вы дадите мне амулет.

— Твой отряд может подготовиться так быстро?

— Меня никто не сопровождал в путешествии, когда я привез вам амулет, — ответил Гар. — Чтобы вернуть его, мне тоже не нужна ничья помощь.

— Об этом я скажу после того, как Домино закончит свое выступление, — сказал Рэнго, усаживаясь на место, и кивком разрешил ей продолжать.

Он снова посмотрел на Джэнси, почувствовав на себе ее свирепый взгляд. Она отвела глаза. Просто хотела продемонстрировать ему свои чувства, будто он наперед их не знал. Крепкая, рослая блондинка, почти такого же роста, как Домино, но значительно тяжелее, она работала вышибалой в борделе, куда привезла принцессу хозяйка заведения, купив ее на местном невольничьем рынке. Джэнси узнала в принцессе последнего уцелевшего члена королевского дома Регодия, недавно уничтоженного Калараном. Она спасла Риссу и благополучно вывезла ее из города. Странствуя почти год, она, Рисса и их спутник-

эльф Калла Малланик пережили множество приключений, результатом которых среди прочего явилась находка перстня Сомбризио в затерянном Антурусе, городе мертвых, и которые в конце концов привели к встрече с принцем Рэнго.

Он слегка нахмурился. Джэнси была всецело предана принцессе. Он ни секунды не сомневался, что она отдаст за принцессу свою жизнь. Однако с мужчинами она не очень-то ладила. Ее чувства, возможно, были связаны с тем, что она видела и слышала в борделе. Или с чем-то более глубоким. Несомненно, она не доверяла им полностью. Он знал, что она называла Гара Квитника «шпиком». И хотя было похоже, что Крапчатому она доверяет несколько больше, чем большинству остальных мужчин, Рэнго знал, что, если бы ей надо было обратиться к кому-то из присутствующих, она, вероятно, выбрала бы Домино, исключительно по принципу пола.

Он пожал плечами. И Крапчатый, и Домино знали о странностях Джэнси и относились к ней очень сердечно. Даже Гар настолько к ней благоволил, что разок пообедал с ней, хотя потом Рэнго узнал, что в основном во время беседы Гар пытался узнать у нее об эстетике смерти северных тотемных воинов — тех самых ребят, которые заворачиваются в шкуры животных, рычат во время сражения и иногда обгладывают тела убитых после битвы. Собственно, как он припоминает, именно после этого обеда она и начала называть Гара «шпиком».

В комнате царило молчание. Рэнго очнулся от своих раздумий и понял, что прозвучал ответ на последний вопрос, а Домино подняла свою плетку к виску и, салютуя ему широким жестом руки в сторону и вниз, вновь передает ведение совещания в его руки. Он поднялся и кивнул.

— Благодарю вас, генерал Блейд, — произнес он, выходя вперед. — Домино, — затем прибавил

он, — я просто хочу сказать еще несколько слов. Сперва Стиллер: Молебной находится в хранилище дворца и будет вручен тебе утром в день отъезда. Джэнси, ты можешь обсудить условия передачи Сомбризио с Риссой...

— Мы уже обсудили, — перебила она, — благодарю.

— Хорошо, — одобрил Рэнго, широко ей улыбаясь. — Два других орудия — амулет Анакрон и свиток Гвайкандер — физически находятся вне моей досягаемости. Иными словами, они хранятся в Храме. Жрецы захватили их в тот последний день, заявив, что это религиозные реликвии. Воздержусь от комментариев по поводу возможной политической мотивации этого поступка, но я ни в коем случае не стремлюсь из-за этого поссорить Корону и Церковь. Мои консультанты уже пытаются убедить старейшин и священников в опасности хранения этих предметов. Мы надеемся уговорить их отдать эти орудия послезавтра.

Вот почему, Гар, ты не сможешь отправиться в дорогу сразу же после совещания. Я немедленно дам знать тебе и Домино, которая будет хранителем свитка, если во время переговоров возникнут какие-нибудь сложности. Вопросы есть?

Он обвел взглядом комнату. И, не получив ответа, продолжил:

— Позвольте представить четверых джентльменов, которые будут сопровождать вас в путешествиях. — Он указал рукой в сторону скамьи, стоящей в глубине комнаты у стены слева от него, на которой сидели два бородатых пожилых человека и пара безбородых юношей. Один за другим они вставали в том порядке, в каком он называл их имена. — Рольфус, — представил он первого юношу, — будет сопровождать Стиллера. Сквилл поедет с Джэнси. Пиггон присоединится к отряду Домино. А Спайдо составит компанию

Гару. Все эти люди — мономаги, то есть обучены одному магическому воздействию. Они — специалисты в области связи. Будут держать меня в курсе ваших достижений и затруднений. А также сообщат мне, когда миссия будет завершена. Для меня важно получить эту информацию немедленно, а не ждать вашего возвращения, потому что я хочу закончить все дела до коронации. Мне представляется естественным прийти к власти, покончив со старыми долгами, и я хочу иметь возможность объявить, что все улажено как можно скорее.

Гар Квитник поднял руку. Рэнго кивнул, и Гар сказал:

— Как я уже объяснял раньше, я двигаюсь быстрее, когда путешествую в одиночку.

Рэнго улыбнулся.

— Уверен, что так оно и есть, в обычных случаях, — ответил он, — но, как я уже объяснял, эта информация важна для подготовки успешного начала моего царствования. Что касается опасения, что Спайдо задержит тебя, тут ты, возможно, ошибаешься. Он предпочел присоединиться к нам, когда был освобожден центр обучения хингу в Армбрассе, к югу от столицы Каларана. Он посвятил несколько лет изучению искусства хингу и счастлив иметь возможность нести службу вместе с тобой.

Спайдо чопорно поклонился Гару, ответившему сложным движением руки.

— Ты дал удовлетворительные ответы на мои вопросы, — сказал Гар Рэнго.

— Еще вопросы есть? — обратился Рэнго к присутствующим. И увидев, что вопросов нет, закончил: — Тогда благодарю вас и желаю всем приятного путешествия.

Когда в тот вечер священник среднего ранга, Лемма Таудей, посетил дворец и принес сообщение,

предназначенное исключительно для ушей принца Рэнго, последний велел мажордому провести его прямо в свои покои.

Оставшись наедине со священником, Рэнго внимательно посмотрел на плотного пожилого человека:

— Ты принес плохие новости? Или мне следует предложить тебе стакан своего любимого вина и порадоваться вместе с тобой?

— Я бы предпочел последнее, — ответил Леммл.

Рэнго с улыбкой указал на мягкую кушетку, наполнил два кубка, поставил их на поднос и принес гостю.

Когда посетитель произнес тост за его здоровье, Рэнго улыбнулся и спросил:

— Полагаю, возникли проблемы с возвращением свитка и амулета?

— Нет, — ответил священник. — Собственно, переговоры прошли так гладко, как вы только могли пожелать. Они будут продолжены завтра, но ваши эксперты по волшебным орудиям и вредным воздействиям приводят убедительные доводы, по мнению наших экспертов. Между нами говоря, по-моему, они уже убедили всех, кто имеет какой-то вес.

— Вот как? — Рэнго опустил кубок и посмотрел на него. — Не понимаю. Может быть, ты желаешь что-то получить за сообщение о высказываниях священников Храма по этому поводу? Хочешь дать мне знать, кто мне друг, а кто враг?

Священник улыбнулся:

— Нет, это совсем не то, что я имел в виду. Моя информация стоит намного дороже.

— И что же это такое?

— Я являюсь Хранителем Черепа.

Рэнго озадаченно покачал головой.

— Не понимаю, что это означает, — сказал он.

— Воплощение зла, Падшая Птица-Солнце, лорд Каларан, — сказал Леммл. — Я — хранитель его черепа.

— О, — заметил Рэнго. — Я не знал, что с черепом поступили каким-то особым образом.

Священник кивнул:

— Да, в течение месяца он был выставлен на главном шпиле Храма, после чего его очистили от мяса и других мягких тканей в кипящей ванне с особыми травами. Затем наш самый большой искусник установил в нем две фигурки — Демона и Посланца Света. Он хранится в усыпанном драгоценностями ларце в тайнике Храма, а я — его хранитель. И каждый день проверяю, не выглядывает ли светлый дух из правой глазницы, или темный дух — из левой.

Рэнго кивнул.

— И каков результат? — спросил он.

— Со времени создания этого артефакта светлая фигурка все время была на первом плане...

— Это хорошо...

— ...до сегодняшнего утра. Когда я проверил череп сегодня, то увидел, что на виду появилась темная фигурка.

— Это нехорошо. Если я тебя правильно понял, это следует трактовать как дурное предзнаменование, как указание на надвигающееся зло?

— Череп был специально заколдован, чтобы стать системой предупреждения, это так.

— Что говорят старейшины по поводу подобной перемены в такой момент?

— Ничего. Я им еще не говорил.

— А! Понимаю...

— Да. Хотя это можно интерпретировать как указание на то, что удаление амулета и свитка из Храма является неудачным решением, это также может означать, что странные ночные явления в городе в конце концов достигли опасной точки — когда гигантские ящерицы на улицах и тому

подобное. При такой интерпретации было бы верным принять совет ваших экспертов и избавиться от орудий. Какую из двух интерпретаций вы считаете более вероятной?

Рэнго медленно почесал в затылке. Политика!

— Ты являешься не только хранителем, но и толкователем?

— Да, хотя церковные руководители достаточно высокого ранга могут не согласиться с моим мнением.

— И?..

— ...и можно было бы отложить доклад об этом явлении и сообщить о нем после отъезда Хранителей, а тогда последнее толкование станет более вероятным, поскольку будет уже слишком поздно что-либо предпринимать насчет первого. Есть ли вариант, которому вы бы хотели отдать предпочтение?

— Да, есть. А у тебя есть любимый вид благотворительности?

— Кто думает о собственных интересах, не забудет и о чужих, верно?

— Я тоже всегда так считал, — сказал Рэнго, бросая взгляд на два скрещенных меча, висящих на стене справа.

— ...а если со мной вдруг что-нибудь случится, — продолжал Лемма, — мой преемник завтра заметит пророческие перемены, возможно, неправильно их истолкует и, уж конечно, немедленно о них доложит.

Рэнго сделал большой глоток вина, священник тоже.

— Хорошо, что ты пришел ко мне, — сказал Рэнго. — Твой визит был весьма полезным и патриотичным поступком. Да, я склоняюсь к мысли сделать пожертвование. Полагаю, у тебя с собой все документы?

— Конечно.

Снизу, из-под балкона, через раскрытую дверь до них донеслась оглушительная барабанная дробь, за которой через несколько секунд последовали нечленораздельные выкрики, слов разобрать было невозможно. За ними через короткое время послышался тяжкий топот. Затем внизу раздался замогильный вопль ящера, от которого задрезжали кубки на подносе.

ИСКУССТВО И НАУКА: ИСТОРИЯ ГАРА КВИТНИКА

Глава 1 НАЧИНАЕТСЯ С КОНЦА

Во время церемонии Гар Квитник боролся со скукой тем, что подсчитывал способы, которыми он мог бы убить Верховного жреца Храма, задействовав не более двух крупных мышечных групп. Его подсчет завершился на цифре двести пятьдесят три, и последний способ он счел замечательным достижением, поскольку очень сложно применить такое положение руки для нанесения удара «Бабочка с Двойными Клыками и Хвостовым Жалом». Трудно было бы пронзить золотой с малахитом нагрудник Верховного жреца, и хуже того, украшение помешало бы переносу достаточного количества летальной энергии — удар всего лишь оставил бы синяк на печени жреца, а не разорвал ее.

Не успел он заново проделать расчеты, расширив параметры и включив три мышечных группы и находящиеся под рукой разновидности оружия с тупыми концами, причем изготовленные не из

железа, как Верховный жрец отошел от плиты у подножия статуи Бога Солнца, держа на вытянутых руках амулет Анакрон.

— Прими Анакрон, вечный амулет из далекого Джелфейта. Он временно хранился в святилище у ног Валнарты, того, кто оберегал его все то время, пока он оставался в пустыне Рахобан. Теперь он снова готов отправиться в путь. Приблизься ко мне, хингист.

Гар чуть было не скривился, услышав эту унижительную кличку применительно к себе, но это было самое вежливое слово из всех, которыми его называли соратники со времени победы над Калараном. Высокий и худощавый Гар ухитрился настолько плавно и неслышно скользнуть вперед, что густые струи дыма от благовоний даже не дрогнули. Он знал, что ему в Храме ничто всерьез не угрожает, так как Каларан мертв, а его старый учитель, Удан Канн, числится среди пропавших без вести, и все же осторожность, выработанная долгими годами тренировок, заставляла его бросать по сторонам быстрые взгляды. Боги, богини и мелкие божества — все установились на него сверху, с алтаря Храма с невозмутимыми каменными лицами.

Посмотрев направо, мимо принца Рэнго и принцессы Риссы, он увидел Домино Блейд. Он надеялся, что она смотрит на него, осознав наконец соединяющие их узы. Зная, что они созданы друг для друга и связаны так же прочно, как кровь и жизнь, или смерть и боль, или испытания и муки, она все же отказывалась признать то, что должна была чувствовать к нему. Джорд Индер, поэт и знаток языков, стоящий рядом с ней, похитил ее сердце.

Если бы Гар был вором, он бы похитил его обратно. Будучи убийцей, равного которому нет во всем Фолтейне, он имел в своем распоряжении орудия убийства, которые легко устранили

бы конкурента, вот только убийство Джорда не заставит Домино перенести свою любовь на Гара. Впервые в жизни он желал чего-то, что от него ускользало. Он смирился с невозможностью завоевать ее и дал клятву направить силу безответной любви на совершенствование своего мастерства.

Верховный жрец, старик, чьи седые волосы и пожелтевшая борода пропитались запахом курений и молодого вина, склонил голову перед убийцей.

— Тебе доверяем мы этот амулет, чтобы ты сохранил его и возвратил в Джелфейт.

Гар быстро поднял правую руку, и Верховный жрец отскочил на целый фут назад.

— Я не приму амулет от тебя. — Он снова посмотрел вправо, на этот раз вперив взор в красивое лицо принца Рэнго. — Мой повелитель, Анакрон перешел ко мне от предводителя орды Джелфейтов, а от меня перешел к тебе. На твоей груди он спас нас всех от ужасной силы колдовства Каларана. Его забрал у тебя Храм. Возвращая его в Джелфейт, я хочу, чтобы он перешел из твоих рук в мои — цепь снова должна замкнуться.

Очевидно, его просьба застала Рэнго врасплох, но принц всегда оказывался на высоте, сталкиваясь с непредвиденными обстоятельствами.

— Я понимаю, хингу-Грашаншао, и готов все сделать правильно.

Гар позволил себе тень улыбки, когда принц с уважением произнес титул, который Квитник унаследовал после того, как Удан Канн сбежал от Каларана. И продолжал улыбаться, заметив, как Рэнго успокоил Риссу быстрым пожатием руки, а затем приблизился на расстояние нанесения удара. Верховный жрец выглядел раздраженным тем, что его отодвинули с авансцены, но без колеба-

ний вручил принцу амулет, и Рэнго надел цепь на шею Гара.

Убийца подивился тому, как мало веса в амулете и в самой цепочке. Отлитый из золота, со звездной россыпью бриллиантов в центре старинного узора, изображающего солнечную вспышку, он должен был быть достаточно тяжелым и причинять ему неудобство. Однако он был так же легок, как ласка возлюбленной или сила, вложенная в удар «Бархатная Ладонь». Этот удар расщеплял внутреннюю поверхность ребер на осколки, а те пронзали сердце.

Верховный жрец сурово нахмурился, словно мог прочесть мысли Гара, и снова воздел руки.

— Да будет путь твой ясен, сердце — чистым, а разум наполнен благими мыслями.

— Клянусь в этом, — выдохнул Гар, стирая с лица улыбку.

— Ну вот, Гар. Амулет у тебя. — Рэнго, снова отступив и встав рядом с Риссой, говорил сердечно, словно не было расстояния, их разделявшего. — Ты твердо решил отправиться в путь немедленно?

— Немедленный выход теперь никого не волнует, господин мой. Если бы не эта церемония, я уже был бы в сердце пустыни, на пути в Джелфейт. Спайдо был так любезен, что подготовил коней и припасы, но, если бы его со мной не было, я бы в них не нуждался. Если ты позволишь мне оставить его здесь, я могу добраться туда и вернуться обратно, чтобы самому доложить об успешном завершении похода.

Рэнго печально покачал головой:

— Если бы долг правителя не мешал мне удовлетворить твою просьбу, то я мгновенно избавил бы тебя от затруднений. Увы, я в безвыходном положении, так как Крапчатый и Джэнси уже выступили в поход в сопровождении своих мономагов. Если бы я позволил тебе или Домино

путешествовать без них, другие наши соратники непременно спросили бы, почему мы сомневаемся в их способности успешно выполнить задание без надзора. А ты, как никто другой, друг мой, должен понимать, сколько подозрений и возражений мне пришлось преодолеть, доверяя Анакрон именно тебе.

— Знаю — леопард никогда не избавится от своих пятен. — Гар бросил взгляд на Домино, спрашивая себя, что знаменует собой ее имя. — Я больше не стану возражать, господин мой, и делал это только в надежде послужить тебе еще лучше.

— Я рассчитываю на твою верную службу, Гар, столь же верную, как там, в ущелье Барду.

Гар содрогнулся; это была едва заметная дрожь, от которой даже не дрогнуло бы налитое в кубок вино, если бы он держал его в руках, но все-таки дрожь. Лежа в том ущелье, погребенный под телами тех, кого он убил, рядом с товарищами, которых не смог спасти, он наконец приготовил себя к тому, чтобы из посланника Смерти стать ее клиентом. Но прежде чем он сдался, появился Рэнго и пустил в ход исцеляющую силу Анакрона. В тот момент, под жгучими лучами, прижигающими его раны, Гар Квитник переродился из заклятого врага лорда Каларана в преданного слугу принца Рэнго.

— Даже если это поручение потребует от меня пожертвовать жизнью, я это сделаю. — Гар поклонился принцу, затем отсалютовал Домино и пошел прочь от тех, кого считал друзьями. Выходя из Храма, он бросил один взгляд в темное отверстие склепа, где покоился череп Каларана, и у него на секунду мелькнула мысль, что лучше было бы унести прочь череп, чем Анакрон. Но долг звал его, и эта мысль исчезла глубоко во тьме его души, чтобы там не давать ему покоя весь остаток жизни.

Глава 2

ОБМАН

Выйдя из Храма на солнечный свет, Гар прищурил глаза и сразу же ощутил жаркое полуденное солнце на своей темной одежде. Другому человеку стало бы жарко, но Гар уже начал готовить себя к адскому пеклу пустыни, и едва обратил на это внимание. Зато он тут же обратил внимание на фигуру всадника, держащего под уздцы трех лошадей, и двух мужчин, злобно уставившихся на него.

— Спайдо, оставайся на месте. — Гар отвел взгляд от сидящего на коне помощника и кивнул сперва одному, потом второму мужчине. — Сколько бы вам ни заплатили, не стоит пытаться меня убить.

Двое мужчин были так похожи, что могли быть отцом и сыном.

— Ты нам заплатил, — закричал младший. — Мы с дядей — единственные, кто остался в живых, ты убил всю нашу семью, предатель! Ты отнял нашу жизнь, теперь мы тебя уничтожим.

— Вынужден довести дело до конца. — Гар спрыгнул с храмовой лестницы на плиты двора. Тяжело стукнул подошвами обеих ног, когда приземлился, но ни один из фермеров, бросившихся на него, не понял, что он наступил на их длинные тени «Скачком Дракона». На лету перейдя из прыжка в присяд, он скользнул вперед в образе «Великого Вождя». Подцепил дядю левым локтем, затем резко выбросил вперед руку, ударом «Бархатная Ладонь» послал его душу воссоединиться с остальными членами семьи.

Подпрыгнув вверх и сделав двойное сальто назад, Гар благополучно перелетел через племянника, замахнувшегося мечом. Опустившись на землю легко, как лепесток розы, падающий с цветка, Гар молниеносно выбросил вперед правую

руку. Его указательный палец метнулся вперед и назад дважды, потом еще дважды, нанося «Удар Стрекозы». Попав в сонную артерию и в яремную вену, он создал ударную волну, которая разорвала капиллярную систему в черепе мальчика.

Гар очутился рядом со Спайдо раньше, чем мальчик сделал свой последний шаг и рухнул на землю. Ошеломленное лицо мономага и отвисшая нижняя челюсть подтвердили некоторые подозрения убийцы относительно него, но он не стал высказывать их вслух. Просто вскочил в седло и слегка кивнул.

— Хочешь что-то сказать, Спайдо?

— Вы убили их вот так просто! — Юноша щелкнул пальцами и покачал головой. — Бац, бац, и все!

— Именно так и делает убийца, ты это знаешь.

— Ну да, разумеется, знаю. Я же был в Армбрассе, правда? Но я хочу сказать, щелк-щелк — и они мертвы.

Гар правил конем, про себя проклиная необходимость променять свою подвижность на это раздувшееся животное с тяжелыми копытами под ним.

— Они знали, на что шли.

Спайдо поехал рядом с Гаром, а две тяжело нагруженные лошади следовали за ними.

— Не уверен, что они действительно знали, что делают, сэр. Им бы больше пристало меряться силами со стебельком пшеницы, чем с вами.

— Значит, горе тому фермеру, который перепутает меня со стебельком пшеницы. По крайней мере, они теперь присоединились к своей семье. — Гар быстро повернулся к Спайдо, но юноша, который в это время обернулся, чтобы посмотреть на тела фермеров, этого не заметил. — Спайдо, а что с твоей семьей?

— Почти то же, что и с их семьей, как мне кажется. — Полный юноша пожал плечами; в это время они направлялись к западным воротам Калтуса. — Папа сбежал, и мы думаем, он погиб во время войны, хоть вы его и не убивали. Мама и дядя все еще живут в Торфее, высоко в горах, немного южнее того места, где должен находиться Джелфейт.

Гар кивнул. В этот момент из выходящего на дорогу впереди переулка появился арбалетчик. Он выстрелил; Гар перехватил летящую мимо цели стрелу в воздухе, опасаясь, что она может поразить кого-нибудь из многочисленных зрителей, тайком наблюдающих за ним сквозь задернутые шторы или из-за ставней. Убийца рукой швырнул ее обратно в нападающего, со всем презрением профессионала к потугам любителя, сделав этого человека хромым на всю оставшуюся жизнь и лишив его способности размножаться.

Спайдо слегка побледнел, слушая звонкие проклятия, несущиеся из переулка.

— Быть мастером хингу опасно, а?

— Хингу-шаншао живет в тени Смерти, поэтому умеет устраиваться в ней с удобствами. — Гар зевнул. — Ты, конечно, помнишь Третью Заповедь.

— Конечно, но на практике все настолько больше... э... взаправду, чем в теории, а?

— А, так ты решил в ответ процитировать мне Четвертую из Тринадцати Истин. — Гар выгнул одну бровь, глядя на Спайдо, что заставило младшего товарища вспыхнуть, а одного воина с мечом остаться в тени, где он прятался. — Ты многому научился в Армбрассе. Полагаю, ты хорошо провел там время?

— Очень хорошо, сэр.

Их беседа прервалась, так как они достигли Западных Врат. Воины Рэнго поспешили расчистить Гару дорогу. Их вопли испугали одну лошадь,

но в том не было бы ничего плохого, если бы она не была впряжена в телегу, нагруженную банками с маринованными огурцами. Зеленые корншоны запрыгали по темным булыжникам мостовой подобно трубчатым лягушкам, а побеги укропа дождем посыпались на зевак.

Пытаясь подражать ловкости, с которой Гар поймал в воздухе арбалетную стрелу, Спайдо схватил на лету крупный маринованный огурчик. Он с триумфом поднял его вверх, но величественность этого жеста испортили два других огурца, которые врезались в него и чуть было не сбили с коня. В отместку Спайдо откусил голову пленнику и с наслаждением захрустел.

Гар ничего не говорил, пока они не выехали из Калтуса. Он хорошо знал предстоящий маршрут и представлял себе, что из-за спутника путешествие только осложнится. Из Калтуса им предстояло двигаться на север, пока они не достигнут Даннских Провалов. Оттуда путь лежал на запад и северо-запад, до приграничной местности, где они должны будут пересечь пустыню Рахобан. По другую сторону от нее лежали горы, а в глубокой горной долине — деревня Джелфейт.

Единственное опасение по поводу выполнения его задачи, не считая Спайдо, Гару внушал сам Джелфейт. Деревня, насколько можно было судить по легенде, не имела якоря во времени. Ее появления не были связаны с определенным циклом, и никто не мог вспомнить, чтобы видел ее в прошлом столетии. Он сам никогда в ней не бывал и, хотя не сомневался в ее существовании в прошлом, не был уверен, что она снова проявится.

Его опасение, что деревня не проявится, основывалось прежде всего на том, каким образом он тогда завладел Анакроном. В том первом походе, однажды ночью, среди пустыни, вдруг поднялась

страшная буря. Вокруг него кружилась пыль и сухие останки скудной растительности, произрастающей на том выжженном плато. Красная пыль превратилась в кровавый вихрь, пронизанный черными и золотыми молниями. Давление росло, мусор впивался в его одежду, а песок забивал ноздри, пытаясь задушить.

Внезапно, в подтверждение неестественной природы этой бури, из кипящей стены песка вышли закованные в сверкающие латы бледные люди и встали перед ним. Их предводитель, легендарный Беламон, который вызвался доставить амулет Анакрон к Даннским Провалам, чтобы покончить с деспотом, положившим начало роду Каларана, бросил Гару вызов. Воин-джелфейти почувствовал в нем жажду завладеть Анакроном и принял его за посланника зла, стремящегося помешать им. Хотя Гар пытался объяснить ему ситуацию, Беламон отказывался верить, что они заблудились в своих странствиях и ошиблись на десять столетий, и думал, что только битва может решить спор между ними.

Легкая улыбка тронула уголки губ Гара, когда он вспомнил ту битву. Посреди завывающей бури, в месте, где не было времени, серебряный гигант сражался с убийцей, который добровольно отрешился от собственного прошлого. Удары, которые в ту ночь наносил Беламон, были так сильны, что могли бы расколоть горы и повернуть вспять реки, но Гар оказался очень верткой мишенью. И наоборот, Беламон выдержал удары «Бешеный Лемур», «Смертоносная Ласка Орхидеи» и даже «Удар Молота с Клином и Шилом». Гар преисполнился восхищения мужеством и мастерством предводителя джелфейти, а отряд последнего неоднократно раздражался криками восхищения в адрес Гара, отражавшего атаки их чемпиона.

В конце концов оба воина одновременно воскликнули «Стоп!», Беламон рухнул на одно колено и оперся на копье, как на трость, чтобы не упасть.

— Хотя твоя история о временном течении кажется мне обманом, мужество, проявленное тобой в бою, не может быть мужеством предателя. Я тебе уступаю.

Гар, тяжело дыша, из последних сил, с сильно бьющимся от возбуждения сердцем, покачал головой:

— Нет, это я должен тебе уступить. В тебе я нашел подтверждение тому, что всегда знал: благородство и боевые искусства, которыми мы сегодня владеем, всего лишь жалкие остатки ваших знаний. Ты превосходишь меня, и я уступаю тебе.

Громкий крик одобрения раздался среди воинов-джелфейти, и Гар увидел, что Беламон улыбается.

— Ты превзошел меня, Гар Квитник, ибо сказано, что Анакрон нельзя взять силой, но можно отдать добровольно. После смерти его Хранителя он вернется к тому, кто его отдал или у кого его отобрали. Передавая его друг другу, мы не допустили его потери, но нам не удалось доставить его вовремя. Тебе доверяем мы Анакрон и просим вспоминать о нас с тем же уважением, которое ты выказал нам здесь. Наша миссия завершена, и теперь мы можем вернуться домой.

Гар принял Анакрон от Беламона и смотрел, как войско двинулось обратно на запад. Как только они скрылись из виду, утихла и буря. Он спрашивал себя, исчез ли вместе с ними навсегда и Джелфейт, или, как предполагал Рэнго, принесся Анакрон обратно к его дому, он вызовет деревню из тех сфер, где она находится. Только найдя Джелфейт, который, как говорят, появляется на рассвете и исчезает с появлением солнца — отче-

го некоторые считают его порожденным солнцем миражом, — он сможет завершить свою миссию.

Если присутствие Анакрона не заставит деревню вернуться, рассуждал он, перед ним откроются две возможности. Одна — ждать в горах, пока она не появится. Хотя такая добровольная ссылка, несомненно, доставила бы удовольствие многим при дворе в Калтусе — и избавила бы многих жаждущих мести фермеров от гибели, — она лишила бы его доступа к ученым фолиантам древности и другим записям о временах Джелфейта, и даже более древних.

Она также навсегда разлучила бы его с Домино Блейд. Если его миссия провалится, он рассматривал возможность вернуться в Калтус. Знал, что сделает это под предлогом получения нового приказа. То, что он привезет с собой Анакрон, его не тревожило, так как возвращение одного из артефактов в столицу не создало бы проблем.

Даже рассудив таким образом, он знал, что если вернется, то увидится с Домино. Подумав о ней, Гар почувствовал, как его сердце наполнилось сожалением. Он удивился этому чувству, так как оно было чуждым его эмоциональному воспитанию в духе шенкай в Армбрасе. Удан Канн обучил его и других хингу-кин мириадам способов убийства и превозносил тех, которые умели убивать без малейшего содрогания и каких-либо эмоций.

Громкая раскатистая отрыжка Спайдо вывела Гара из раздумий. Колдунец смущенно улыбнулся и стукнул себя в грудь кулаком.

— Простите. Это от маринованных огурцов.

Гар пожал плечами.

— Отрыжку едва ли можно считать преступлением, Спайдо. — Убийца слегка улыбнулся. — А вот представляться одним из хингу-кин — да.

Спайдо смертельно побледнел:

— Я никем не представляюсь.

— И правильно, так как никто не признал бы в тебе изучавшего хингу. — Гар дернул повод и подъехал поближе к Спайдо. — Почему ты солгал, что был в Армбрассе?

— Я не лгал. Я там был. — Спайдо вскинул голову и выпятил подбородок. — Правда, я там был.

Гар медленно покачал головой:

— Спайдо, в Армбрассе обучают детей, тех детей, у которых нет семьи. Ты признался, что у тебя в горной деревне есть мать и дядя. Ты явно меня обманываешь, или пытаешься это сделать.

— Нет, да, постойте. — Он вскинул обе руки, чтобы отразить удар, но поднимал их так медленно, что даже хингу-дан с перебитым позвоночником мог бы без усилий убить его. — Я проник в Армбрасс четыре года назад. Мне пришлось. Понимаете, это была моя судьба.

Гар нахмурился:

— Так ты пришел в Армбрасс уже взрослым? Чему же ты там научился, Спайдо?

Его помощник с трудом глотнул.

— Ну, в первый год я в основном подметал. И натирал воском разные предметы, а потом снова его снимал. Но я все делал правильно, и мне позволили пойти дальше. А на второй год я преуспел в учебе гораздо больше.

— Отлично, значит, в путешествии мы будем есть приемлемую пищу. — Убийца пристально посмотрел на помощника. — А на третий год? Ты научился чему-нибудь в учении хингу?

Спайдо с гордостью кивнул:

— Я научился одному удару.

— Покажи мне.

Спайдо хлопнул в ладоши.

— Еще раз.

Настойчивый голос Гара заставил Спайдо хлопнуть в ладоши быстрее.

— Мой учитель, он говорил, что у меня хватит быстроты, чтобы убивать мух, москитов и тому подобных. Он мной гордился.

— Наблюдательный был человек, твой шаншао.

— Да, сэр. Его звали Ниндал Гор. Вы его знали?

— Знал, — осторожно кивнул Гар. — В Барду я ему сломал пятый, семнадцатый и двадцать первый позвонки и пронзил легкие. А потом, конечно, убил.

Глаза Спайдо выкатились из орбит сильнее, чем если бы он попробовал «Микстуру из Лотоса» номер пять.

— Вы это с ним сделали?

— Только потому, что он был другом. — Гар отвел взгляд. — Когда мы росли, он говаривал, что надеется умереть от кровоизлияния в мозг, когда будет резвиться с влюбленными тройняшками. Я подумал, что он оценит иронию удара.

— Понимаю, сэр. Он здорово умел иронизировать.

«Например, иронизировать, наблюдая за тем, как толстозадый служака становится убийцей». Хингу-Грашаншао снова взглянул на Спайдо.

— Итак, ты действительно провел какое-то время в Армбрассе. Однако, насколько я понимаю, ты преувеличил свои успехи в обучении для того, чтобы тебя послали со мной в качестве мономага. Почему ты захотел меня сопровождать?

— Ну, сэр, это долгая история...

— ...которую ты сейчас кратко и ясно изложишь...

— ...но излагая в краткой и ясной форме — это моя судьба, видите ли, сэр.

— А, твоя судьба. Давай попытаемся еще разок, на этот раз не такими скупыми словами, а?

— Да, сэр. Видите ли, сэр, я из Торфея, а это просто маленькая деревушка. И большинство мужчин, они ушли сражаться под знаменами принца

Рэнго, но в их отсутствие появился один человек, называющий себя Долоникус Великодушный, и стал называть себя мэром, каковым не являлся, поскольку последний мэр ушел воевать, и его церемониальный меч не вернулся на место, поэтому с тех пор нового мэра у нас не было, хоть старый и умер, понимаете ли, сэр.

— У вас в Торфее все говорят так, как ты?

— Только те из нас, кто получил какое-то образование, сэр. Дальше, этот Долоникус, по словам матушки, которая регулярно мне пишет, — ну, понимаете, она-то сама писать не умеет, но находит кого-то, кто пишет для нее, — раньше сражался на стороне Каларана. Теперь он называет себя Правителем Торфея, и мне предназначено судьбой победить его и выгнать из нашего городка.

Убийца поднял брови:

— Ты используешь термин «судьба», словно это синоним слов «намерение» или «желание».

— Прошу прощения, сэр, но это именно моя судьба. Я слышал пророчество, видите ли, сэр, и знаю, что оно относится ко мне. Поэтому мне необходимо быть уверенным, что я выполню его правильно, чтобы все вышло как надо.

«На крыльях стремительной смерти
Он вниз на владыку слетел,
И вы, угнетенные, верьте,
Он игу положит предел».

— Это и есть твое пророчество?

— Ну, не все целиком, сэр, но та часть, которая относится к вам, сэр.

— Ко мне?

Спайдо уверенно кивнул:

— Я это сам сообразил, сэр. Понимаете, «игу» немного рифмуется с «хингу», и я приеду в Торфей с вами, с хингу смерти.

— А тебе известно, что «хингу» на древне-термеанском означает смерть?

— Нет, сэр, но благодарю вас, сэр, потому что, несомненно, вы и есть тот, кто мог бы быть смертью Смерти, если вы не обидитесь на меня за эти слова, сэр. — Спайдо потер руки. — А теперь, чтобы прибавить сюда и остальное, вот четверостишие, которое я не понял:

«Жизни цветок,
Взращенный в любви без надежды,
Богини-жены воплощенье,
Победу ему принесет».

— И это тоже часть твоего пророчества?

— Да, сэр. — Спайдо гордо улыбнулся. — Я все пытался понять, какую богиню мне надо уложить в свою постель, сэр.

— Трудное дело — быть героем.

— Наверное, так оно и есть, сэр.

«Особенно если твое пророчество является одним из пропагандистских произведений в поддержку принца Рэнго». В соответствии с правилами хингу, которые Гар усвоил с пеленок, он собирал все сведения, какие только мог найти, о Джорде Индере. В обычном случае собранная им информация использовалась бы для того, чтобы подобрать для жертвы подходящий вид смерти, но Гар только хотел понять, что такого нашла Домино в стройном, светловолосом поэте.

До того как Гар начал собирать сведения о Джорде, он никогда не изучал поэзию. Даже после своих исследований он не мог с уверенностью сказать, из чего состоит искусство поэта, но хорошо знал, что ему нравится. Некоторые из мэтров сделали анализ произведений Джорда — и погубили его работу с мастерством, достойным хингу-дана, — но его стихи вызывали в душе Гара такой отклик и наполняли таким покоем, что он был удивлен. Слова Джорда дышали чувством, он ткал свои стихи из чувств. Они трогали душу, а во время восстания против Каларана зажигали

сердца людей, и они стаями стекались под знамена Рэнго.

Стихотворение, которое цитировал Спайдо, было одним из самых непонятных и темных стихов, приписываемых Джорду. Говорили, что он твердил его по кусочку, день за днем, в забытии лихорадки, заточенный в одну из темниц Каларана. «День война» приобрел пророческий смысл. Различные строфы ассоциировали с теми, кто пришел на помощь Рэнго, и Спайдо верно определил строфу, которую часто связывали с самим Гаром.

Вторую строфу, которую цитировал чародей, обычно считали намеком на любовь Риссы к Рэнго. Она также частично подходила к той встрече, которая произошла у Гара по дороге в ущелье Барду с Анакроном, но Джорд не мог о ней знать, потому что она произошла намного позже того, как это стихотворение разошлось по всей стране. Гар сомневался, чтобы лихорадка наградила Джорда способностью к ясновидению, а стихотворение было настолько непонятным, что любой человек мог толковать любую его часть как угодно, как это сделал Спайдо, — но некоторые строфы приводили его в смущение, когда он размышлял о том, что они могли значить для него.

Гар начал было объяснять Спайдо его ошибку, но уверенность и счастье в глазах парня остановили его. До войны, когда он еще служил Каларану и Удан Канну, он с радостью лишил бы Спайдо этой уверенности, но теперь не мог. Прежде он порицал бы молодого человека за то, что ему не удалось стать хингу-даном, но теперь он смог почувствовать уважение к мужеству, которое потребовалось толстому мальчику, чтобы покинуть горы и прийти в Армбрасс. Такое мужество заслуживало награды, по крайней мере не стоило его ломать.

— Спайдо, могу ли я узнать, каков твой план освобождения Торфея?

Улыбка юноши увяла, он даже несколько сжался.

— Я думал, сэр, что мы могли бы отклониться от края пустыни и пройти кружным путем через горы к Торфею, а потом идти в Джелфейт.

— Невозможно, мы должны выполнить поручение.

— Я это знаю, сэр, но я думал...

— Думал ли? — Гар надел на лицо маску невозмутимости. — Я сказал Рэнго, что мы поедем прямо в Джелфейт, без промедления. И не могу отклоняться от курса.

— Но, сэр, здесь ходят слухи о бандитах, по всему северу страны и выше до самого Озерного края.

— Всегда существуют способы расправиться с бандитами.

— Знаю, сэр, но у меня нету с собой столько веревки.

— Рассуждай, как хингу-кун, Спайдо. Мне не нужна веревка.

— Прошу прощения, но вы не сможете их повесить, ведь у меня нет веревки.

Гар покачал головой:

— Что делает повешение?

— Убивает их, сэр.

— А поточнее?

— А, убивает их до смерти, сэр?

— Мы говорим с точки зрения методологии, а не философии, Спайдо. Что делает повешение с их телами?

— Ну, за исключением таких высоких людей, которые могут достать до земли, они ломают шею.

— Хорошо, Спайдо. — Гар выбросил вперед указательный палец левой руки и выполнил укол

«Железный Шип», разрубив пополам подвернувшуюся стрекозу. — Хингу-Грашаншао известно триста двадцать три способа сломать человеку шею, исключая те методы, которые требуют осадных машин, или бренди тридцатилетней выдержки и пипетки альбумина из вареного яйца.

— Вы хотите сказать, сэр, что бандиты нам не страшны.

— Вот именно. А в соответствии с моими обязательствами в качестве вассала принца Рэнго, долг повелевает мне убивать бандитов.

Спайдо на секунду глубоко задумался, потом кивнул:

— Прошу прощения, сэр, но разве нет вероятности, что кто-то из врагов узнает о ваших планах двигаться от Даннских Провалов к пустыне Рахобан и далее в Джелфейт и устроит засаду, подстерегая вас на этом маршруте?

— Как подстерегли меня те фермеры?

Спайдо нахмурился:

— Я вас хорошо понял, сэр, но, как вы и говорили о четвертом из этих тринадцати правил...

— Тринадцати Истин.

— Вы совершенно правы, сэр, при всех этих теориях, и реальности, и так далее, не имеет ли смысла двинуться по другому маршруту, чтобы избежать возможных неприятностей?

Гар на секунду задумался, и некоторые из опасений, которые не давали ему покоя во время подготовки к путешествию, нахлынули на него с новой силой.

— Хотя твое предложение имеет свои преимущества, в этом варианте ты сам являешься для меня проблемой.

Бледный Спайдо покачал головой:

— Я не доставляю вам никаких хлопот, сэр.

— Вот как, но разве ты не должен докладывать принцу Рэнго о наших передвижениях?

— Да, сэр, но...

— Но?..

— Ну, сэр, если говорить грубую правду, я играл в покер со Сквиллом, Рольфусом и Пиггоном ночью накануне того дня, когда все мы были вам представлены, и если бы у них был хоть один ум на троих, я бы его у них выиграл еще в самом начале вечера. Я подумал, сэр, что буду обманывать их насчет того, где мы находимся.

— Но ты не сможешь провести Рэнго.

— Прошу прощения, сэр, но ведь я же здесь, а он там, и считает, что я — хингу-кун.

— Ты прав.

— Так что видите, сэр, мы можем отклониться от маршрута, а я мог бы посылать им отчеты, будто мы движемся по тому же пути. И вы должны признать, что для любого, кто будет ждать вас в засаде, это будет сюрпризом. Немного дольше получится, конечно, но дело стоит того.

Гар почувствовал в желудке спазмы. «Я не могу позволить себе задержаться дольше». Дольше означало, что он еще больше времени проведет вдали от Домино. Хотя он знал, что она никогда его не полюбит, пока жив Джорд, она зажигала в нем искру, от которой загорались его чувства. Если бы он не научился уважать других людей, когда стал уважать ее подвиги, несмотря на пол, он никогда бы не смог с уважением отнестись к мужеству Спайдо. Быть с ней в разлуке, как ни больно ему было находиться вдали от нее, — с этим он не мог примириться. Ни ради того, чтобы сделать путь более легким, ни ради того, чтобы избежать встречи с врагами, он не может продлить разлуку.

— Нет, Спайдо, мы поедем, как планировали.

Колдунец покачал головой:

— Жаль, сэр, но я понимаю. И все же позволить машинам-убийцам Долоникуса опустошать землю...

Гар резко поднял голову:

— Машинам-убийцам?

— Ну, на самом деле это животные, сэр. У него их трое, по словам матушки, которая умеет считать только до четырех с половиной после того несчастного случая с ножом мясника. Она называет их «УжасноКогтистыеБыстрые Охотники»...

— У твоей матери богатое воображение... Спайдо твоё настоящее имя?

Кодунец застонал:

— Ни к чему вам это знать, сэр. Во всяком случае, эти твари очень быстрые, и у них серповидные когти, по одному на каждой из двух задних ног. И они покрыты сверкающими перьями и имеют множество зубов. Долоникус использует их для охоты на оленей и лосей, и они могут повалить лошадь, и действуют стаями и перекликаются друг с другом. У них длинные хвосты и маленькие ручки спереди вверху, они похожи на тех больших ящериц, которые бродят вокруг грязевых озёр, что появились недавно в Фолтейне, сэр.

— Эти твари очень опасны?

— Смертельно опасны, сэр. — Спайдо мрачно кивнул. — Мой дядя Гордо называет их динозавры, потому что они пожирают тела своих жертв.

— И их трое?

— Трое, и они охотятся вместе.

— И они представляют угрозу добропорядочным гражданам Фолтейна?

— Самым добропорядочным, сэр. Эти когтистые твари явно представляют угрозу владениям принца Рэнго.

Гар мрачно кивнул:

— Большую угрозу, чем бандиты, как я полагаю.

— Я знал, что вы так и подумаете, сэр. Значит, мы поворачиваем и идем воевать против них?

— Я пренебрег бы своими обязанностями, если бы мы этого не сделали.

— Я думаю точно так же, сэр.

— Спайдо, я считаю, ты действительно кое-чему научился в Армбрассе.

— Ирония, да, сэр?

— Вот именно. Если ты лжешь, то еще кое-чему научишься.

— Клянусь честью, я бы умер раньше, чем солгал вам, сэр.

— Или уж точно после, Спайдо.

Глава 3

ПОСЕЩЕНИЯ И ОТКРОВЕНИЯ

Гар предпочел предоставить Спайдо выбор пути по двум основным причинам. Первая заключалась в том, что Спайдо вырос в Торфее, но совершил два путешествия в Калтус и обратно до того, как сбежал в Армбрасс, и знал самый лучший маршрут и места для возможных привалов под открытым небом и ночлега. Заведения, которые выбирал Спайдо, были достаточно приятными, однако не слишком дорогими, и никто бы не поверил, что он, Гар Квитник, доверенный хингу-Грашаншао принца Рэнго, может в них остановиться.

Второй, и более убедительной причиной, почему он предоставил Спайдо выбирать дорогу, была уверенность в том, что любой из его старых врагов, стараясь предугадать действия Гара Квитника, будет совершенно не способен предсказать поступки Спайдо. Маршрут, по которому они двинулись дальше, не был прямым, как стрела, зато выигрывал с точки зрения красот сельского пейзажа Фолтейна, на который Гар прежде не обращал никакого внимания. Когда они ехали по Дорнским Долинам, раскинувшимся к западу и к

югу от Даннских Провалов, Гар вспомнил одно из стихотворений Джорда Индера, «Долины и Провалы», в котором Дорн изображался шелковым гобеленом, скомканным и брошенным на землю богами. Некоторые из метафор, включенных в это стихотворение, были основаны на женской анатомии, и Гар без труда совмещал их с образом Домино. Убийца заглушил в себе боль, вызванную воспоминаниями, и мысленно поздравил поэта с тем, как точно он схватил и отразил сущность Дорнских Долин.

Они проехали еще немного, затем Гар повернулся к Спайдо:

— Ты видишь женщину в этих холмах, Спайдо?

— Вроде бы нет, сэр. А должен видеть?

— Плодородные долины, холмы, впадины тебе ни о чем не говорят?

— Это, должно быть, одна из тех «тропических аллюзий», сэр, которые видятся человеку, когда у него сильная лихорадка от жажды, или когда солнце напечет ему голову до умопомрачения? У меня где-то есть запасная шляпа, сэр.

— Благодарю, Спайдо, со мной все в порядке. Просто вспомнил кое-что.

— О, например, ту, по которой вы сохли? — И, заметив, как Гар нахмурился, Спайдо прибавил: — То есть «сохли» в том смысле, как это свойственно хингу-Грашаншао, конечно, сэр.

— Я понимаю, Спайдо. — Гар на секунду задумался над вопросом, затем кивнул: — Любовь — сила могучая и недобрая, правда?

— Правда, сэр. Принц Рэнго погубил старого Каларана из любви к своему народу и принцессе Риссе, разве не так, сэр? — Спайдо улыбнулся. — А я люблю свою матушку, и поэтому пишу ей — ну, не совсем ей, а тому, кто ей может прочесть письмо — и сообщаю о событиях из моей жизни и моего героического похода против Долоникуса... и его когтистых убийц.

— Я думал о любви к другому человеку, не родственнику.

— О да, сэр, это я понимаю, сэр...

Голос Спайдо упал до еле слышного шепота, что привлекло внимание Гара.

— У тебя есть возлюбленная, там, в Торфее?

Спайдо вспыхнул и кивнул:

— Теперь вы меня подловили, сэр. Прекрасная Цветок Тыквы — та, которую я люблю.

— Цветок Тыквы?

— Видите ли, сэр, она — двенадцатая дочь в семье, а всех остальных называли именами цветов, например, Ромашка, Примула, Роза...

— И твоя мать, с ее богатым воображением, помогла придумать имя «Цветок Тыквы».

— Откуда вы знаете, сэр?

— Есть многое, что знает хингу-Грашаншао, Спайдо.

— Да, сэр, это я понимаю, сэр. Во всяком случае, Долоникус представляет угрозу для моего Цветка Тыквы.

— Он намерен сделать ее своей женой?

— Не совсем, сэр. Он намерен скормить ее когтистым убийцам. — Спайдо покачал головой. — Он раньше намеревался жениться на ней, но она ему отказала и пролила горячий суп ему на низ живота — она всегда была несколько неуклюжей...

— Зато отличается прекрасным характером и добродетелью.

— Вы говорите так, словно знаете ее, сэр. Во всяком случае, поскольку в тот момент Долоникус был только отчасти прикрыт простыней, он немного обварился и был очень зол, пока не вылезлся. Цветок Тыквы с тех пор скрывается и живет у тех людей, которые ее соглашаются принять...

Гар прищурился:

— В основном у холостяков, потому что Долоникусу никогда бы не пришло в голову искать Цветок Тыквы в доме у одинокого мужчины, где женщина столь добродетельная и не помыслила бы спрятаться.

— Хингу-Грашаншао обладают вторым зрением, это точно, сэр. Словно вы читали письма моей матушки — ну, не ее...

— Ты объяснил мне весь процесс по крайней мере четыре с половиной раза, Спайдо.

— Ваша правда, сэр. Собственно, Цветок Тыквы и есть та причина, по которой нам приходится идти в Торфей и убить Долоникуса, а следовательно, она является причиной того, что я нуждаюсь в вас, чтобы закончить свое обучение и стать хингу-шаншао — тогда я смогу его убить.

— Прежде чем я смогу это сделать, Спайдо, мне необходимо определить, что ты знаешь о хингу. Ты настолько мало в нем разбираешься, что даже не знал, что Тринадцати Истин или Девяти Правил не существует.

— Да, сэр.

— Но они действительно существуют, Спайдо.

Его помощник выглядел еще более сбитым с толку, чем всегда.

— Да, сэр; то есть, наверное, нет, сэр. — Спайдо опустил плечи и сгорбился. — Мне еще многому надо научиться, правда?

— Тебе и всем остальным хингу-кун. — Гар сдержал улыбку, чтобы еще больше не напугать его. — Видишь ли, Спайдо, сама наука хингу — всего лишь выродившаяся и сокращенная форма гораздо более старого искусства, называвшегося Тиан-ши-шеки. Хингу означает смерть, но Тиан-ши-шеки труднее перевести с древнетермеанского. Самое близкое значение — это «жизненный цикл», но оно не включает в себя понятия искусства. Если можно так выразиться, Тиан-ши-ше-

ки — это философия, практическим воплощением которой является хингу.

— Верю вам на слово, сэр.

— Тиан-ши-шеки требует, чтобы смерть была не прекращением жизни, а подведением итогов жизненного опыта. Идея о том, что перед лицом грозящей смерти перед мысленным взором человека проносится вся его жизнь, — это всего лишь скудное представление дилетанта о сущности этого искусства. Если хочешь знать, практикующий Тиан-ши-шеки становится поэтом, работающим с материей жизни для осуществления своего искусства.

Недоумение Спайдо начало рассеиваться.

— Поэзию я понимаю, сэр. Даже пробовал свои силы в поэзии. У меня есть стихотворение о вас.

«Вот так, Домино, возможно, твой любовник не единственный поэт в Фолтейне!»

— Правда? Пожалуйста, прочти мне.

— О нет, сэр, лучше не надо.

— Спайдо, ты же хочешь, чтобы я его услышал.

— Правда, хочу, сэр, можете теперь опустить руку. — Спайдо с трудом глотнул, потом смущенно наклонил голову набок. — Вот оно:

«Когда его голова
Занятой себе не находит,
Тотчас же мысли в нее
О самоубийстве приходят».

Гар улыбнулся, и Спайдо рефлекторно сжался.

— Спайдо, это действительно нечто особенное.

— Правда?

— Да-да, несомненно. Может быть, ты и многому научился в Армбрассе, но это тебе даже помогает, а не мешает. В этом четверостишьи ты идеально описал меня.

— Неужели?

— Правда, ты добрался до самой сути моего существования. — Гар торжественно наклонил голову, впервые не сожалея о присутствии спутника. — Продемонстрированные тобой способности наводят меня на мысль, что ты, возможно, владеешь подсознательным пониманием некоторых основ Тиан-ши-шеки. Может быть, я смогу научить тебя некоторым вещам, великолепным вещам.

— Сможете, сэр?

— Да, смогу. — Светлые глаза Гара вспыхнули, когда он взглянул на своего помощника. — Ты слышал о битве у Каменной Переправы?

— Где Ужасный Легион Неотвратимых Мстителей Каларана упал замертво, едва воины услышали, как горнисты Рэнго протрубили сигнал к атаке?

— Вот именно. Знаешь, почему они умерли именно так?

Спайдо уклончиво пожал плечами:

— Не хочу строить догадок относительно Тиан-ши-шеки, сэр.

— И будешь прав. Как ты думаешь, что составляет основу жизни любого воина?

— Страх, сэр?

— Точно. В ночь перед битвой я прокрался в лагерь Каларана и прошелся среди спящих легионеров. Применяв куо-так, специальную технику Тиан-ши, я смог уложить их одним прикосновением.

Спайдо удивленно вскинул брови:

— Но ведь они умерли все сразу, на поле боя, и я прошу прощения, сэр, вы, может, и умеете двигаться так же быстро, как Крапчатый Гулик, почувывший игру в покер, но все же не так быстро, чтобы успеть прикоснуться к каждому из них и вызвать такую мгновенную смерть.

— Нет-нет, ты неверно понял. Прикосновение куо-так убивает, но смерть откладывается и может даже быть вызвана потом каким-либо звуком

или запахом. Здесь ключевой момент в том, чтобы профильтровать всю жизнь жертвы и свести ее к одному событию, к одному ощущению, а затем уйти от этой одной точки и вернуться обратно, к тому моменту, когда пусковой механизм вызовет смерть. — Гар уставился вдаль. — Я знал, что, когда эти люди услышат с нашей стороны сигнал к атаке, как бы они ни были уверены в себе, для них наступит момент сомнения в своих силах и страха. Я точно знал — когда перед ними развернется пропасть неизвестности перед началом сражения, то этот момент наступит. Это мгновение, эта мысль приходят к каждому воину в каждой битве, и я выбрал именно этот момент как определяющий их существование в роли солдат. И в тот момент когда они слышали звуки труб, их поразило куо-так и то прикосновение, которое каждый из них получил от меня во сне предыдущей ночью.

Конь Спайдо бочком отодвинулся подальше от Гара.

— Совершенно поразительно, сэр. И вы научились этому у Удан Канна?

— У этого глупца? Нет. Он считает убийство наукой. Для него хингу — только формулы и методы. Приемы заучивают и применяют механически. Другие хингу-шаншао, с которыми я сражался во время войны, действуют не гибко и слишком медленно, если смотреть глазами искусства Тиан-ши-шеки. Как и твоего шаншао, я убивал их без труда.

— И вы бы уничтожили Удан Канна, если бы мы наткнулись на него?

Гар мрачно кивнул:

— Он был учителем, но ученик превзошел его. Возможно, я не знаю всего того, что знал он, но понимаю больше, чем было доступно ему.

Пару миль они проехали молча, пока Спайдо не предложил сделать привал в роще возле хру-

стально-чистого источника. Гар согласился и предоставил Спайдо разбить лагерь и приготовить вечернюю трапезу, а сам ушел по высокой траве на соседний луг и два часа тренировался в боевых искусствах.

К тому времени как он закончил, солнце село, и Спайдо позвал его ужинать. Его упражнения — комплекс, специально разработанный им для увеличения выносливости, чтобы быть в состоянии продержаться дольше, чем те полчаса, в течение которых он защищал ущелье Барду, — помогли ему погасить гнев, охвативший его при воспоминании об Удан Канне. Этот хингу-Грашаншао заменил Гару и другим сиротам, которые обучались в Армбрассе, отца. Гар всю жизнь считал, что его родители погибли от несчастного случая, но, когда узнал правду о том, что это Удан Канн убил их по приказу Каларана, единственным выходом для него оставалось взбунтоваться и стать перебежчиком.

Спайдо поставил миску, прикончив вторую порцию каши, и похлопал себя по животу.

— Моя стряпня неплохая, но ни в какое сравнение не идет с тем, что готовит матушка.

— Доказательство ее мастерства ты носишь у себя на талии, Спайдо.

— Вы у нее тоже потолстеете, сэр, за неделю, или даже меньше. — Спайдо на секунду задумался, затем с улыбкой кивнул головой. — Она решит вам жить у нас, как мне кажется, сэр, у вас ведь темные волосы и все такое. Ее могут смутить глаза — она не очень-то жалуется северян, таких, как эта Джэнси Гейн, хоть я бы бросился к ней со всех ног, если бы она только мигнула мне, а, сэр? Конечно, шансов мало, если учесть, как она скупа на улыбки.

Гар нахмурился:

-- Мне Джэнси кажется очень жизнерадостной.

— Прошу прощения, сэр, но по сравнению с вами даже скалы улыбаются и хохочут, как лунатики.

— Так тебе приглянулась Джэнси, да? — Гар лукаво взглянул на своего помощника. — Не повредит ли твое увлечение отношениям с прекрасным Цветком Тыквы?

— Ну, как говорит матушка, мужчины предназначены для того, чтобы охотиться за сокровищем, если вы понимаете мой намек, и нельзя винить нас за нашу природу. Но вообще-то, — он слегка понизил голос, — я бы влюбился в другую девушку только в том случае, если бы она была предназначена мне в том пророчестве.

— В том, где говорится о богине?

— Да, сэр.

— Хотя Джэнси сражается с мужеством и мастерством, которые могут быть только божественным даром, я не уверен в том, что она богиня.

— Я делал скидку на аллегорию в том стихотворении, сэр.

— А, мысль мудрая. — Гар поднял взгляд и посмотрел за круг света от костра. — Ты видишь там женщину?

— Еще одна из этих ваших «аллюзий», сэр?

— Нет, Спайдо, там стоит сияющая, светло-зеленая женщина.

— Теперь, после ваших слов, я действительно кого-то вижу. — Спайдо встал и на секунду уставился туда. — Она светится, сэр. Может, это моя богиня. Как вы считаете, сэр?

— Не знаю, Спайдо. Наверное, мне следует пойти и посмотреть.

— Я могу сходить, сэр, мне вовсе не трудно.

— И приведешь ее в лагерь, где раскиданы эти грязные миски и все остальное? Это же богиня, Спайдо.

— Правильно, сэр. Мне вам крикнуть, когда все я приведу в порядок?

— Договорились, Спайдо.

Гар оставил помощника убирать в лагере и зашагал туда, где стояла сияющая женщина. Фиолетово-белый свет, который она испускала, заставил некоторые полевые цветы поблизости распуститься. Позади нее Гар увидел слабые золотые вспышки: там щипал траву великолепный олень, словно вышел попасться весной, в ленивый послеобеденный час.

Гар одарил сияющую женщину широкой улыбкой, и она не отпрянула от него. Он кивнул и произнес почтительно тихим голосом:

— Польщен твоим присутствием, Озина из рода Цветов. Чему обязан этим посещением?

Розовый свет озарил щеки Озины, а ее светлые волосы слегка разлетелись от ласкового дуновения ночного ветерка.

— В последнее время я много о тебе слышала и почувствовала потребность отыскать тебя. — Полубогиня развела руки в стороны и предстала во всем великолепии своей наготы. — Единственный смертный, отвергающий мои чары, — это смертный, который пробудил во мне любопытство. И о котором я многое узнала.

— Польщен твоим вниманием, Озина.

— А ты примешь меня теперь, или твоя ориентация все еще под вопросом?

Она рассмеялась, а Гар вспыхнул:

— Моя ориентация никогда не была под вопросом.

— Однако было некоторое недоразумение, когда мы разговаривали в последний раз. Насколько я помню, ты испытывал чувства к полковнику Доминику Блейду. Он был одним из твоих товарищей по оружию.

— Да, но он — это она.

— Но в то время ты этого не знал.

— Правда, но я это уловил.

— А что ты теперь улавливаешь с ее стороны?

— Что она отдала свое сердце другому.

Озина протянула гибкую руку и провела ладонью по щеке Гара.

— Я улавливаю в тебе то же самое. Ты снова станешь мне сопротивляться, правда?

— Пока мы оба живы, я всегда буду лелеять надежду на то, что Домино ответит на мои чувства.

— Тогда у меня все-таки есть шанс.

Гар замер.

— Даже не думай причинить ей вред, Озина.

Подобная тростинке богиня подняла вверх руки:

— Успокойся, Грашаншао-тиан-ши, это мой сводный брат Каларан унаследовал семейные социопатические наклонности. Я же просто та, что расцветает в твоём присутствии.

— Должны быть и другие, для которых ты цветешь.

— В общем, нет. Трудно найти хорошие тычинки.

— Сэр, о сэр, все готово, сэр.

Озина посмотрела мимо Гара в сторону костра.

— Кто этот шарообразный голый человек, прыгающий с ноги на ногу?

— Это Спайдо. Он — великий герой, он расшифровал пророчество, которое приведет к освобождению его деревни от сил зла. Влюблен в Цветок Тыквы, но, как полагает, пророчество указывает на то, что у него будет связь с богиней.

Богиня нахмурилась:

— Цветок Тыквы из Торфея?

— Ты ее знаешь?

— Я слежу за своими детьми-цветами. Эта девица тот еще пестик.

— Ты это знаешь, и я это знаю, но Спайдо ни о чем не догадывается. Я собираюсь найти способ постепенно сбить его пыл.

Озина прищурилась в сторону костра.

— В данный момент сбить пыл Спайдо будет не так-то просто. — Она улыбнулась, заметив, как Гар поморщился. — Думаю, однако, что могу кое-что предпринять.

Полубогиня цветов обернулась и махнула рукой золотому оленю. Вокруг животного заплясали светло-зеленые и лиловые огоньки, и он медленно превратился в обнаженную женщину с коротко стриженными золотистыми волосами, большими карими оленьими глазами и слегка более острыми, чем у большинства людей, ушами. Она наклонилась и сорвала маргаритку, затем побрела к костру, пощипывая губами цветок.

— Прекрасный фокус с оленихой.

Озина наполовину прикрыла свои фиалковые глаза.

— Фокус был в том, чтобы снять чары, которые мой брат, Носящий Рога, наложил столетие или два тому назад. Он увидел Элизу и влюбился в нее. Превратил ее в олениху и... ну, она была всего лишь одной из песчинок на его тропе. Осенью он увлекся какой-то лебедушкой и улетел на юг. Элиза осталась с разбитым сердцем, поэтому я о ней позаботилась.

— Все равно очень мило с твоей стороны сделать это для Спайдо.

— Никаких проблем. Элиза тут все равно подала моих двоюродных сестричек.

Гар посмотрел вниз на цветы.

— Твои двоюродные сестры? Так ты через них меня нашла?

— Нет, чтобы маргаритки заговорили, их пришлось бы пытать. — Озина медленно уселась и похлопала ладонью возле себя. — Ветры эфира принесли твое имя. Колдунцы Рэнго упоминают его в переговорах между собой. Они не включают твоего Спайдо во многие из своих бесед и

считают его идиотом, ничего не понимающим в географии.

Гар сел лицом к ней, а не рядом.

— Это связано с тем пророчеством. Спайдо дает неверные сведения о нашем местонахождении.

— Все равно. Я тоже была введена в заблуждение и посетила некоторые из тех мест. Там было довольно много народу.

Убийца вскинул голову:

— Вот как? Подручные твоего брата?

— Вот именно. Хотели меня дефлорировать. — Она рассмеялась. — Теперь они все стали перерогном. Собственно, тебе следует меня поблагодарить.

— Да?

— Я так эффективно разделалась с теми бандами, которые стекаются в места, указанные Спайдо в качестве твоего местонахождения, что все считают — это ты их убил.

Гар взял ее за руку и поцеловал нежную, как лепесток, ладонь.

— Я перед тобой в долгу. Ты не только уберегла меня, но и сообщила, что среди мономагов находится предатель.

— Не обязательно. Кто-нибудь может подслушать, как и я.

— Каларан?

— Он занят другим.

— Смерть — серьезное занятие.

— В самом деле. Нет, в действительности, подслушать эти беседы сравнительно легко, так как ваши мономаги — это растения всего с одним цветком. Они разбираются только в своем искусстве налаживать связь и посылают сообщения лицам конкретным, но не очень хорошо им знакомым. Фактически, связь с ними осуществляется только при помощи имен. Если враг пройдет обряд крещения или ритуал получения имени и

возьмет себе то же самое имя, он станет получать послания, отправляемые этому человеку.

— А если это сам колдунец, то он может отдать приказ войскам перехватить меня. — Гар нахмурился, глядя на одну из маргариток, и та начала увядать. — Сеть связи Рэнго себя скомпрометировала, но единственный способ предупредить об этом Крапчатого, Джэнси и Домино — это через ту же сеть. Если только ты не передашь им от меня послание.

Озина протянула руку, прикоснулась к увядшему цветку, и он тотчас же ожил.

— Могла бы, но не стану. Мне не годится вмешиваться в дела смертных.

— Но разве, рассказав мне так много, ты уже не вмешалась в них?

Полубогиня медленно покачала головой:

— Я только играю свою роль в разворачивающейся драме. Этот амулет, который у тебя на шее, Анакрон, имеет прошлое и будущее. Ты и я — хранители, обеспечивающие его переход из одного в другое. — Между ними повисло тяжелое молчание, но его прервало хихиканье и стоны, донесшиеся от костра. Озина поднялась и улыбнулась убийце, глядя сверху вниз.

— Прощай, Гар Квитник. Помни, что я — в каждом цветке, который ты нюхаешь, и что длинные стебли травы, ласкающие твои ноги, — это мои пальцы.

Глава 4

ЛЮБЫМ ДРУГИМ ИМЕНЕМ

Когда они выехали на следующее утро, Спайдо все время зевал, прикрываясь ладонью.

— Простите, сэр, я должен был встать с первым лучом зари и все приготовить. Извините, что заставил вас ждать.

Гар пожал плечами.

— Я без труда могу убить время, Спайдо. — Его помощник бросил на него странный взгляд, поэтому убийца прибавил: — Это шутка, Спайдо.

— Да, сэр. — Он принужденно рассмеялся, но смех перешел в зевок.

— Смертельно устал, да, Спайдо?

— Да, сэр. — Спайдо оглянулся назад. Обернувшись в том же направлении, Гар заметил среди деревьев золотой проблеск. — Можно задать вам вопрос, сэр?

— Конечно.

— Я подумываю сменить имя, сэр. Как вам кажется, имя Бык мне подходит?

Гар покачал головой:

— Бык исключается, Спайдо. Хингу и Тианши-щеки редко дают прозвища своим последователям.

— Так у вас никогда не было прозвищ, сэр?

— Нет, не было. По крайней мере, официальных, но среди воинов принца Рэнго меня называли и другими именами.

— Я знаю, сэр. Слышал многие из них. Вас называют Машиной Смерти, Летальным Легатом, Посланником Смерти, Сыном...

— Не стоит перечислять. — На лице Гара появилась улыбка Дон-Кихота. — Собственно, Удан Канн дал мне новое имя. Полагаю, его можно считать в некотором роде прозвищем.

— Вероятно, да, сэр. — Спайдо уверенно кивнул. — И как он вас назвал?

— Когда я перешел на сторону Рэнго, Удан Канн запретил другим хингу-кун произносить мое имя в его присутствии. Для него я только Пария.

— Похоже, он воспринял ваш отъезд очень близко к сердцу.

— О, я уверен, что так оно и было, но это было неизбежно. — Гар покачал головой. — Видишь

ли, я узнал, что Удан Канн убил моих родителей и сестру. Задушил их и сделал меня сиротой.

— Задушил, сэр? Могу понять ваше огорчение.

— Уверен, что можешь. Видишь ли, мой отец был ученым человеком и предвидел будущее Фолтейна. Он противился восхождению Каларана к власти. — В голосе Гара появились гневные нотки. — Удан Канн выволок их из нашего замка и задушил собственными руками. И описал мне их убийство в мельчайших подробностях, словно помнил, как их пульс становился еле слышным под его руками, как их лица становились багровыми и как вытекала из них жизнь. Он испытывал гордость, а я — отвращение.

— И не без оснований, сэр. Меня бы это возмутило. Если бы он так расправился с моей матушкой...

— Действительно, ты понимаешь, Спайдо. Задушить твою матушку было бы плохим поступком.

— Вот уж верно, сэр.

— Да. Основываясь на том, что ты о ней говорил, она должна умереть у себя на кухне, в то время как будет печь что-нибудь для тебя и Цветка Тыквы. Это должно быть ее новое блюдо, нечто такое, во что она вложит свое воображение. И именно в момент вдохновения, когда ей в голову придет идеально подходящее название, именно тогда ей и следует умереть.

Спайдо вздрогнул и побледнел:

— Но тогда она будет мертва, сэр.

— Да, но подвергнется превращению Тианши-шеки, Спайдо. Мои родители и сестра заслуживали такой смерти.

— На кухне моей матушки, сэр?

— Нет, Спайдо, они заслуживали смерти, которая заключила бы их жизнь в капсулу. Мой отец должен был бы умереть от перенапряжения во время попытки заглянуть в будущее, как ясно-

видящий, а не задыхаясь от удушья, раздавленный и униженный. В этом человеке не было ничего раздавленного и униженного. А моя мать, она происходила из благородной семьи. Она должна была умереть, слушая музыку или гуляя по саду. И сестра, она была еще совсем ребенком. Она должна была умереть в мире фантазий, волшебных сказок и сладостей.

— Ну, по-моему, у вас есть основания его ненавидеть, раз он вот так убил ваших близких.

— Нет, Спайдо, Удан Канн не убил моих родителей, он устроил им бойню. Если бы он убил их подобающим образом, я не был бы его врагом. Его бездушное отношение к ним навсегда сделало нас врагами. Помяни мое слово, Спайдо, я убью Удан Канна при нашей следующей встрече.

— Я поставлю на вас, сэ. — Спайдо пришпорил коня и поскакал вперед, но одновременно отодвинулся на противоположную сторону дороги. — Могу я задать вам еще один вопрос, сэ?

— Можешь.

— Вам когда-нибудь говорили, что от вас мороз по коже дерет?

Гар принял решение, и Спайдо с ним согласился — обучение начнется всерьез и немедленно. В последующие три недели пути, кроме разбивки лагеря и свертывания его, и приготовления пищи, Спайдо довольно долго трусцой бежал вслед за конем, стараясь улучшить постановку дыхания. Вечером и утром Спайдо проделывал ряд упражнений, предназначенных для того, чтобы улучшить точность движений и скорость реакции. Покончив с делами, он часто гонялся за золотой оленихой, оттачивая быстроту бега, а когда нагонял ее, она превращалась в Элизу и поднимала ему настроение.

Эти упражнения принесли ему немало пользы, особенно после того, как Гар урезал его рацион.

Спайдо слегка похудел и нарастил мускулы. При помощи мечей, которые Спайдо упаковал в это путешествие, Гар мог научить его азам боя на мечах, но обнаружил, что у Спайдо врожденные способности к борьбе и кулачному бою, если ему удастся подобраться достаточно близко. Это вызвало некоторые трудности, так как подобный вид атаки приводит к сближению с противником на нежелательное расстояние.

В последний день перед прибытием в долину Торфей Гар потребовал, чтобы Спайдо выслушал его с особым вниманием.

— Ты способный Тиан-ши-кун, Спайдо, но у нас недостаточно времени, чтобы завершить твоё обучение, прежде чем тебе может понадобиться твоё боевое искусство. Поэтому я покажу тебе кое-что, чего никто больше не знает. Это называется уэн-тей. — Гар сложил пальцы в кулак и просунул большой палец между указательным и средним пальцами. — Это особый удар большим пальцем. Когда ты ударишь им Долоникуса, выкрикни его имя, и ты его убьешь.

Спайдо посмотрел на его руку:

— Правда? Просто «бип», «Долоникус», и он упал?

— Гарантирую. — Гар поклонился своему ученику, который вернул поклон с большим уважением. — Завтра мы приедем в Торфей. Я уничтожу этих пожирателей людей, а ты убьешь Долоникуса. Не пройдет и двух дней, как ты станешь героем, а Торфей станет свободным.

Глава 5

ЧЕТЫРЕ ПОДВИГА ГАРА КВИТНИКА

Долина, в которой лежала деревня Торфей, была окружена крутыми стенами гор, возносящихся к самым облакам. Хотя она простиралась

В направлении северо-запад — юго-восток, но с обоих концов изгибалась на север и юг примерно на милю. Густые бамбуковые заросли и девственные леса покрывали горы зеленым ковром, но внизу у реки, бегущей в долине, естественную растительность вырубали и построили террасы. Ровные ряды культурных растений покрывали черную почву, а акведуки из расщепленного бамбука и водяные колеса служили немым свидетельством тщательного ухода фермеров за своими полями.

Сидя на корточках у опушки бамбуковой рощи, Гар рассматривал небольшую лощину у входа в долину. Два маленьких фермерских дома из камня стояли несколько в стороне от реки и казались наполовину зарытыми в саму гору. Оба были построены на уровне средних террас, возле каждого имелся загон для скота и несколько курятников. Хотя вид этих хозяйств не свидетельствовал о процветании, Гару было ясно, что фермеры прилично зарабатывают на жизнь своим хозяйством.

Вопли, издаваемые людьми, которые стояли на крыше фермы на восточном берегу реки, резко контрастировали с идиллически прекрасной картиной. Два козла лежали в грязи загона. Их ярко-алая кровь еще не успела потемнеть, что указывало на совсем недавнее убийство. Третий козел жалобно блеял и беспорядочно метался по средней террасе.

За ним гонялся дино-жравр.

— Что вы на это скажете, сэръ?

— Скажу, что он красив, Спайдо, идеально красив.

Ящер был примерно вдвое выше Гара, передние лапы держал тесно прижатыми к грудной клетке, а бегал на мощных задних лапах. Длинный жесткий хвост он использовал для сохранения равновесия, а его плечи были не выше, чем

у самого Гара. В какой-то момент, когда он бросился наперерез козлу, Гар увидел его узкий силуэт и оба глаза, смотревшие вперед.

Великолепное сине-зеленое оперение покрывало тело этого создания и поднималось бирюзовым гребнем над головой. Оно передвигалось длинными прыжками и время от времени подлетало вверх, словно не могло сдержаться. Несколько секунд чудище бежало параллельно с козлом, затем одним прыжком вырвалось вперед и погнало животное обратно к дворику, где лежали его зарезанные собратья, все время подгоняя его громкими яростными воплями.

Быстрота и экономность движений вызвали у Гара дрожь восхищения. Ящер передвигался с гибкой грацией, скрывавшей мощь его мускулов. В том, как он гонял козла и управлял его бегом, издавая при этом певучие боевые крики, сквозили разум и злобная ярость. Гару он напомнил кота — ему нравилось играть со своей жертвой перед тем, как убить ее. Охотящееся внизу животное проявляло артистизм и целеустремленность, которые делали его самым совершенным естественным смертоносным механизмом из всех, когда-либо попадавших к Гару.

Козел спрыгнул вниз со средней террасы, с высоты шесть футов, и нисколько не пострадал. Он повернулся и побежал вдоль стены, а динозавр приземлился вслед за ним, не теряя темпа. Чудище бросилось наперерез под прямым углом к направлению бега козла, его мелодичный голос выводил взволнованную песнь. Ящер повернулся и снова побежал рядом с жертвой, готовясь напасть и убить.

— Да-да, конечно.

— Что, сэр?

Гар показал на ящера:

— В профиль мишень крупнее. Он снял остальных сбоку, и этого хочет достать так же.

Ужасно Когтистый Быстрый Охотник прыгнул на козла, потом отскочил с резким, торжествующим криком. Огромный серповидный коготь на левой ноге нанес первый удар и перерезал козлу позвоночник как раз над плечами. Проткнул его насквозь до живота и вышел окровавленным наружу. Правый коготь рванул заднее бедро козла, порвав мышцы.

Козел споткнулся и отлетел в сторону, ударившись о каменную стенку, поддерживающую верхнюю террасу. Стенка отбросила его, и он взлетел вверх. Из его живота начали вываливаться внутренности; Спайдо откатился в сторону, прижав ко рту ладонь. Гар замороженно смотрел, как летят комья грязи из-под копыт козла, зарывающихся в жирную глину, потом отвернулся и поглядел на Спайдо, которого рвало так громко, что это заглушало несущиеся снизу крики.

Помощник поднял на него взгляд, вытирая с губ слюну и блевотину:

— Как вы можете считать это красивым?

Гар прищурился:

— В охоте была поэзия, Спайдо. Это создание, тем, как оно движется, и оружием, которым наградила его природа, олицетворяет Тиан-ши-шеки. То, чему человеку приходится учиться, оно получило от природы. На своем месте это создание было бы великолепно.

Убийца глубоко вздохнул:

— Оно явно не из этого мира. Анакрон и другие орудия могущественных сил — вот что заставило этого зверя и ему подобных появиться здесь. Переселение в наш мир их развратило. Они перестали быть художниками и превратились в механические создания. Теперь они — из области хингу.

Спайдо снова стошнило, затем он пискнул:

— О чем вы говорите, черт возьми?

— Раньше я хотел убить этих животных. — Гар вытащил у Спайдо мачете и срезал тонкий бамбуковый шест. — Теперь я должен их убить, чтобы освободить. Я убью их в соответствии с духом Тиан-ши-шеки.

— Как это?

Гар холодно улыбнулся:

— Охота определяет их. И они умрут во время охоты.

Гар с помощью мачете обрубил листву с двенадцатифутового шеста бамбука, потом укоротил шест до десяти футов. Из сапога вытащил кинжал и вставил рукоятку в открытый цилиндр на одном из концов. Рукоятка плотно вошла в отверстие. Убийца взвесил на руке самодельное копье. Это было не совсем то, что ему было нужно, но вполне приемлемо.

Спайдо встал. У него был бледный вид, он был весь покрыт потом. Он сплюнул, затем посмотрел вниз на деревню.

— Он жрет.

Не успел Гар осознать эту информацию, как по долине разнесся резкий звук медного рога. Гар посмотрел на дино-жравра и увидел, что тот поднял голову. Зверь тут же вернулся к своей трапезе, но второй призыв рога снова отвлек его. Он сделал шаг в том направлении, откуда донесся звук, затем оседлал козла, вырвал из него кусок плоти и сожрал.

— Твоя мать говорила что-нибудь насчет того, что Долоникус приучил зверей приходить по его зову?

— Такого не припоминаю, но она немного глуховата, поэтому могла и не заметить.

Гар кивнул, потом вышел из бамбуковых зарослей и зашагал вниз по склону холма к ферме. Люди на крыше немедленно заметили его и стали кричать ему, чтобы он бежал прочь, но их крики привлекли ящера с окровавленной мордой, поэто-

му они замолчали и только усиленно махали ему руками, призывая удирать.

Потрясая зажатым в правом кулаке самодельным копьём, Гар испустил нечеловеческий вопль. В нем зародился волнообразный звук, который нарастал, нота за нотой; он знал из Тиан-ши-шеки, что такой вопль прозвучит вызовом для зверя. Так же, как раньше звук рога привлек внимание чудовища, так и теперь оно переключило свое внимание на Гара, а убийца воспользовался теми же сварливыми интонациями, которые раньше использовал ящер, чтобы подгонять козла.

Ящер галопом поскакал к нему, разбрызгивая с перьев на морде алую кровь. В его золотистых глазах Гар прочел холодную жестокость. Пасть зверя оставалась полуоткрытой, и в ней ясно виднелись остатки мяса, застрявшие между острых зубов. Маленькие передние лапки со страшными когтями хватали воздух, тянулись к нему на бегу. Ящер закричал на него, сперва с вызовом, потом с торжеством, разгоняясь до скорости прыжка.

Гар отвел назад копьё. Его светлые глаза наполовину прикрылись веками, затем он кивнул, приветствуя ящера. Он знал, что тот не поймет его жеста, но сделал его, потому что этого требовали правила Тиан-ши-шеки. Затем бросил копьё.

Оно стремительно вылетело из его руки и вонзилось ящеру в горло, оборвав крик зверя. Маленькие передние лапки царапали древко и цеплялись за него, но смогли только качнуть его вниз, и оно уперлось в землю. Бамбуковый шест воткнулся в почву, потом согнулся, но не сломался. Ящер начал выгибаться дугой, и от его усилий копьё вышло с другой стороны шеи. Ящер рухнул на кончик подбородка, потом упало все его тело, смятая гребень из перьев и переломив шею животного.

Зверь еще некоторое время метался — серповидный коготь его при этом чисто разрезал надвое крупный арбуз — потом замер. Гар спустился к нему и присел на корточках в десяти футах, рассматривая самого зверя и рану, нанесенную его копьем. Его бросок был далек от идеала, и он признал свою вину, не списывая ее на небольшое нарушение равновесия у бамбукового копья.

К нему трусцой подбежал Спайдо.

— Ну, сэр, вы его уложили. Это было изумительно.

— Нет, Спайдо, это было отвратительно.

— Я говорил о вашем броске, сэр, не о звере.

— И я тоже, Спайдо.

— Прошу прощения, сэр.

Гар взглянул на помощника:

— Я хотел убить его по канонам Тиан-ши-шеки.

— Так вы и поступили, сэр. Вы убили его во время охоты.

— Да, но я убил его с большого расстояния. Я видел в его глазах, что он еще не достиг определяющего момента своего существования. Когда он прыгает, мне кажется, именно тогда наступает этот момент. Я знаю, именно тогда.

— Прошу прощения, сэр, но это означает, что вам пришлось бы приблизиться к нему настолько, чтобы он на вас прыгнул.

— Искусство требует жертв, Спайдо.

— Ну, раз вы так говорите, сэр... — Спайдо поднял перо и повертел его в пальцах. — А искусство говорит, что нам с ним теперь делать?

Гар нахмурился:

— Нет, но я думаю, это тоже должно соответствовать канонам Тиан-ши-шеки.

— Определяющий момент и все такое, да, сэр?

— Да, Спайдо. У тебя есть какая-то идея?

— Ну, сэр, оставить здесь эту тушу, означало бы навлечь беду на фермеров — они, кстати, мои родственники. Нам надо от нее избавиться, и насколько я понял из увиденного — то, что определяет эту зверушку, — мне кажется, я знаю, что мы должны сделать. — Спайдо осторожно улыбнулся. — Думаю, мы должны ее съесть.

— Съесть? — Гар медленно поднялся. — Кажется, съедение действительно определяет существование этих ящеров. Ты думаешь, нам можно его есть?

— Ну, сэр, я почти не знаю никого из тех, кто ест тех, кого едим мы, кого мы не могли бы съесть, если вы улавливаете мою мысль, сэр. — Спайдо расправил перо и просунул его в петлицу своей туники. — Собственно, сэр, или я очень ошибаюсь, или эта зверушка по вкусу сильно напоминает курятину.

Фермеры охотно одолжили Спайдо топор для разделки ящера после того, как ему удалось их убедить, что, несмотря на уменьшившийся живот, он и в самом деле Спайдо.

По настоянию Гара он предупредил своих родственников никому не говорить о его возвращении, а не то и другие ящеры будут выпущены на свободу в долину Торффея. Это предостережение и три четверти мяса животного купили их молчание.

Сама деревня Торффей лежала посреди долины. Спайдо провел Гара окольным путем вокруг деревни, по узкой лесной тропе, которая ее обходила. Время от времени ее можно было видеть внизу в просветы между деревьями. Спайдо заметил, что деревня немного разрослась со времени его отъезда, и действительно, Гар видел поселение, которое он скорее назвал бы городком.

Торффей группировался вокруг довольно маленькой площади, которая вся поросла травой, и

только грязная дорога огибала ее по периметру и делила на четыре части. Вокруг площади стояло несколько больших зданий из камня с тесовыми крышами. Лишь одно из них имело в высоту два полных этажа, остальные были более приземистыми. Вокруг них в лабиринте узких переулков рассыпались одиночные жилища с маленькими, обнесенными заборами двориками. Иногда, правда, один дом прислонялся к другому, и они поддерживали друг друга.

Спайдо указал на самое большое здание на городской площади.

— Это «Принцев Парадиз». Когда-то это был «Трон Каларана», но матушка сказала, что название поменяли. Долоникус называет его «Принцев Паразит» и говорит, что на вывеске этой таверны следует повесить ваш портрет. — Он поморщился, рассказывая об этом, затем вскинул голову и прибавил: — Я решил, что убью его за одни эти слова.

Гар мрачно кивнул:

— Убей его ради спасения своей деревни. Заставь его страдать, чтобы отомстить за меня.

— О да, сэр. — Спайдо споткнулся на подъеме, и бедро ящера угрожающе качалось на его плече, пока он не восстановил равновесие. — У Долоникуса там своя комната, а в конюшне на заднем дворе он держит своих дино-жравров. Наверное, он обучил их возвращаться по сигналу рога.

— Я так и понял.

— Никто не сопротивлялся им, кроме Однорукого Хорригана.

— Он потерял руку в схватке с ящерами?

— Нет, сэр. — Спайдо нахмурился. — От него нашли только одну руку, чтобы похоронить ее.

— Понимаю. — Гар услышал в голосе Спайдо нечто, что затруднилось определить. — Это пророчество, которому ты следуешь, в нем ничего не

говорится о твоём сражении с этими созданиями, правда?

В голосе Спайдо послышался страх.

— Нет, сэр, не помню, чтобы об этом говорилось в пророчестве.

Гар притворно вздохнул:

— Хорошо.

— Хорошо, сэр?

— Да, Спайдо, я боялся, что ты собираешься заявить права на битву с оставшимися ящерами.

— Только если они вам самому не понадобятся, сэр.

— Если ты не против, понадобятся.

— Не смею мешать вам, сэр.

— Ты необычайно великодушен. — Гар прищурил глаза. — Одного я убил копьем, но это было нечестно. Эти звери используют свои когти, а их когти равноценны серпу или мечу. Со следующим я пушу в дело меч.

— Тогда ему конец, это точно.

— Воистину.

Спайдо шел вперед по тропе, затем свернул на боковую тропинку, которая петляла взад и вперед и спускалась вниз — в долину, заросшую пышной зеленью. Они вышли из леса и увидели ферму, похожую на те две, что попадались им раньше. На крыше ветхого каменного строения стояла покосившаяся труба, из которой поднимался белый дым; куры и козлы бродили по двору перед домом. Маленький ручеек струился вниз, направляясь к реке, прорезавшей основную долину и небольшие участки обработанной земли, на которой цвели кукуруза, тыквы, кабачки и самые разные сорта бобовых.

Спайдо оглянулся на Гара, на его лице сияла улыбка еще шире, чем в ту ночь, когда возникла Элиза.

— Добро пожаловать в мой дом, Грашаншао.

Очевидно, его голос донесся до дома, так как передняя дверь распахнулась и низенькая, толстая воинственная, как боевой топор, женщина выкатилась наружу с топором же в руках. В ее крючковатом носе и остром подбородке Гар заметил некоторое сходство со Спайдо, но поднятые на макушку седые волосы и нетвердая, скованная из-за негнущихся коленей походка разрушали это сходство.

— Мне все равно, кто вы такие, на этой ферме вы больше ничего не получите, и возражений я не потерплю!

— Ма! Это я.

Она остановилась, подняла голову, не опуская топора, и сощурила глаза:

— Кто ты?

— У тебя только один сын, ма.

— И он на тебя не похож, не так ли?

— Ма, это я. Война и все такое. Я похудел на несколько фунтов.

Гневное выражение ее лица смягчилось:

— Малвейсин Алоизиус Кентигерн Блотт-четвертый?

Спайдо поморщился, но кивнул:

— Это я, ма.

Гар нахмурился:

— Как из всего этого получился «Спайдо»?

Пока его мать торопливо приближалась к ним, Спайдо ответил, понизив голос до шепота:

— Отца прозвали «Длинноногий», а он был моим папочкой, поэтому я стал «Спайдо». Другие прозвища были еще хуже. — И он содрогнулся.

— В это трудно поверить.

— Малло, поцелуй мамочку, мой славный мальчик. — Вблизи старая женщина выглядела так, словно тяжелые времена пропахали на ее лице борозды более глубокие, чем на полях внизу. — Кого мой малыш привел с собой? Это один из твоих маленьких друзей с войны?

— Мама, это Гар Квитник.

— Приятно познакомиться, мистер Икик.

Спайдо от ужаса выпучил глаза:

— Квитник, мама.

— Я и в первый раз тебя прекрасно расслышала, Герни. — Она мило улыбнулась Гару. — А откуда вы знаете моего маленького Малло, мистер Квикник?

— Нам со Спайдо дали важное поручение.

— О-о-о-о, я терпеть не могу это имя. — Она схватила Спайдо за ухо и крутанула. — Ты ведь не назвался ему этим именем, правда?

— Я никогда бы этого не сделал, ты ведь знаешь, ма. — Спайдо дернулся, но не вырывался из ее рук. — Я, э-э, я...

— Он заслужил его, хозяйюшка Блотт. — Гар улыбнулся, отметив про себя, что трехточечное прикосновение «Огненная Пята» в область левой лопатки может освободить Спайдо и причинить ей невыносимую боль. — Он поддерживает связь с волшебной сетью, напоминающей сети паука. Так что прозвище возникло само собой*.

— Надеюсь, он был хотя бы трезв, не то что Гордо.

Спайдо просветлел лицом.

— Дядя Гордо здесь?

— Да он с места не сдвинулся с тех пор, как ты уехал. — Она отпустила Спайдо и пристально посмотрела на Гара. От этого взгляда у убийцы возникло впечатление, что он, возможно, не самый опасный хищник в этой долине на данный момент. — И вы помогаете моему сыну выполнить поручение?

— Мы компаньоны, это правда.

— Ма, мы не можем это обсуждать. — Спайдо тянул ее за руку и смотрел на Гара с таким выражением, будто умолял его не убивать мать. —

---

* Spider (англ.) — паук.

Мы проделали весь этот путь, потому что хотели — я хотел — повидать тебя и поесть домашней пищи.

Она ущипнула сына за плоский живот.

— Вижу, тебе надо поесть, это совершенно очевидно. Тебе не следовало доверять помощнику готовить тебе еду, Малло, потому что он не имеет понятия, что необходимо такому живчику, как ты.

Они направились к дому, и мать Спайдо на ходу говорила Гару:

— Мой сынок едок что надо. Когда у нас в долине устраивали ярмарку в честь сбора урожая, никто не мог победить Малло в поедании пирогов или питье молока.

— Дядя Гордо мог бы.

— Только если бы ярмарку перенесли сюда и провели шланг прямо ему в рот. — Она снова повернулась к Гару: — Поскольку вы так плохо питались и все такое, то не можете понять, как мы гордимся здоровым аппетитом.

Гар вежливо улыбнулся:

— На протяжении всего нашего путешествия ваш сын расхваливал ваши кулинарные таланты.

— И правильно делал, потому что мальчик обожает мамину кухню.

— Ма!

— Разве я говорю неправду, Малло?

— Нет, ма, но это же Гар Квитник. Он — герой. Мы посланы принцем с важным поручением.

— Ну тогда, считая твоего дядю, у нас сегодня за столом будет два героя, не так ли? Мистер Квитник, ваша мама любит вас кормить?

— Ма!

Гар покачал головой:

— Она умерла, когда я был еще очень молод, поэтому я не помню.

— Жаль. Вот если бы вы получили должное воспитание, как мой мальчик, то поняли бы, ка-

кие качества увидел в нем принц, раз поручил ему это опасное и важное задание.

Спайдо поднял окорок ящера и чуть было не стукнул им свою матушку, затем опустил его.

— Ма, этот человек мне не помощник. Это я его помощник. Принц поручил ему задание, а я всего лишь еду с ним вместе.

— Ложная скромность до добра не доводит, Малло.

— Ма! Послушай меня. Это Гар Квитник, величайший убийца в мире!

— Как он может быть великим, если его мать не готовила для него еду?

Нечленораздельный вопль предупредил и прервал следующее восклицание Спайдо «Ма!»

Гар указал рукой на окорок.

— Хозяюшка Блотт, мы с вашим сыном добыли этот чудесный окорок в надежде, что вы продемонстрируете на нем свои чудеса кулинарного искусства.

Мать Спайдо бросила свой топор и схватила ногу ящера.

— От крупного же цыпленка эта ножка, и к тому же уродливого. — Она сунула ее под мышку и искоса посмотрела на Гара. — Ну, мистер Квитник, раз уж ваша мама никогда не готовила вам еду, и раз вы подвергаете сомнению аппетит моего сына, и никогда не бывали на ярмарке праздника урожая, и поскольку мой сын нес мне это чудное мясо в подарок от самого принца Рэнго в такую даль, я приготовлю вам такой ужин, которого вы никогда не забудете.

Она зашагала в дом, оставив Спайдо и Гара одних.

— Прошу вас, сэр, не обижайтесь на нее.

— Ни в коем случае, Спайдо, она просто тобой гордится. — Гар посмотрел на долину, потом в темноту внутри дома. — Она и правда живет в своем собственном мире, да?

— Ее мир, ее правила. — Спайдо пожал плечами. — Не так уж плохо на самом деле, кроме одного.

— Чего именно?

— Не то чтобы она не признавала ответа «нет», сэр, просто она никогда его даже не слышит.

— Понял, Спайдо.

— Прекрасно, сэр. И еще одно.

— Да?

— Распустите пояс сейчас, сэр, чтобы не тратить на это время потом.

Накормив, напоив и вычистив коней, Спайдо и Гар вернулись в дом Блоттов. Гару пришлось нагнуться, чтобы пройти в дверь, а из-за тусклого света керосиновых ламп в сочетании с дымом от чадящего очага в доме стояли постоянные сумерки. Занавеска отделяла задний угол единственной комнаты от той части, что служила кухней. Фактически от плиты и ларей для продуктов и до солидного стола со стульями весь дом был кухней.

Усевшись посередине между очагом и бочонком сидра в углу, Гар заметил человека, похожего больше на поросший волосами отвал породы, лежащего на покрывале, в центре которого была проделана дырка. Темные пятна тянулись в виде конуса от кончика его бороды до подола одежды. Одна рука заканчивалась книгой, другая — пивной кружкой, а уставившиеся на него глаза напоминали черную воду на дне глубокого-преглубокого колодца.

— Это мой дядюшка Гордо. Гордо Блотт, это Гар Квитник.

— Прошу прощения за то, что не встаю.

— Ну и смех, — фыркнула хозяйюшка Блотт.

Гар удивился, когда книга была засунута под жировую складку, а освободившаяся рука протянута ему. Гар взял ее и пожал, едва ощущая кости под пухлой плотью. Он посмотрел, как жир

перекачивается рябью вверх и вниз по руке, и заинтересовался, как такая масса жировой ткани могла бы амортизировать силу удара «Бабочка с Двойными Клыками и Хвостовым Жалом».

Гордо приподнял голову; при этом у Гара возникло впечатление, что череп этого человека переместился внутри покрывающей его плоти, не потревожив всего остального.

— Вы — убийца принца, тот, кого называют Парией, верно?

— Да.

— Я и сам был приличным убийцей в молодости, ведь был, а, Фэнни?

— Прикончил приличное количество пирогов, бочонков, и табуретов в таверне, это да, жирный пень.

— Женщины, ничего-то они не помнят. Дракона я убил, я сам. Шмирнов его звали. Убил насмерть.

— Ты на него дыхнул, да, Гордо?

— Нарисовал ему твой портрет, Фэнни. — Гордо сверкнул улыбкой, и Гар успел заметить его зубы, похожие на три обгоревших пенька после лесного пожара. — Что она знает? Ты ведь мне веришь, мальчик?

— Конечно, сэр.

— Вот и славный парень. — Лицо Гордо перетекло в сторону Гара. — А если вас надо потренировать, то я готов. Только учтите, что я уже не такой быстрый, как в молодые годы.

— Не стану злоупотреблять вашей любезностью, сэр. — Гар указал на кружку. — Могу ли я ее для вас наполнить?

— Сделайте одолжение. Воспоминания вызывают жажду.

— Могу себе представить. Вот, пожалуйста.

— Премного благодарен. Видишь, Фэнни, твой мальчик все же научил их там, в столице, хорошим манерам.

Мать Спайдо в ответ что-то проворчала и грозно загремела горшками и сковородками. Спайдо, предупреждая просьбу матери, пошел за водой и спелой репой, оставив Гара в компании дядюшки Гордо. Пока Гордо продолжал повествовать, как он чуть не прикончил Удан Канна, попав в засаду, где на него бросилась сразу дюжина хингистов, которых он убил, хоть ему и было их жаль и все такое, Гар пытался припомнить, что написано в учебниках Тиан-ши-шеки насчет способов ускорить неизбежное в случае патологического ожирения.

По мере того как день клонился к вечеру, подвиги Гордо завели его на север, на родину Джэнси Гейн, и дальше. Ароматы кипящих, жарящихся и пекущихся блюд в конце концов вывели Гара из задумчивости и прервали его собственные воспоминания. Они даже заставили Гордо вставить описание пира в самый разгар битвы, и он начал пускать слюни, словно голодный охотничий пес, стоящий с подветренной стороны от хорошо прожаренного ростбифа.

Мать Спайдо послала Гара с сыном к ручью, чтобы умыться и принести воды. На Спайдо было жалко смотреть.

— Простите, сэ, даже не знаю, что вы должны подумать о моих родных.

— Я нахожу их очень интересными. Ты сказал, что твоя мать живет в своем собственном мире...

— Да, сэ.

— Твой дядя привносит в него от себя добрый кусок.

— Это правда, сэ. Никогда не знаешь, что он скажет.

— Или насколько можно верить сказанному.

Спайдо удивленно поднял брови и взглянул на убийцу.

— Сэр, я думаю, вы точно знаете, насколько этому можно верить.

— Понял.

Спайдо стряхнул с рук воду.

— Если дядюшка Гордо рассказывает не о деревне или происходящих в ней событиях, то его сведения устарели на десять лет.

— Кроме тех, которые ты сообщил ему в своих письмах.

— Я лишь вскользь упомянул о вас, сэр, до того, как узнал о задании и все такое.

— Я это запомню, Спайдо. Спасибо.

К тому времени как они вернулись в дом, Гордо переместился со своего места у стенки во главу стола. Гар отметил, что у той стены, где сидел Гордо, не было скамьи или табурета. Ему показалось, что под покрывалом мелькнул край толстого бревна, но он не был уверен, потому что Гордо восседал на нем, словно какой-то странный гибрид гриба с человеком.

Хозяюшка Блотт усадила Спайдо по правую руку от себя, а Гара по левую, потом постучала по крышке стола деревянной разливной ложкой. Резкий звук прервал рассказ Гордо о приключении в Башне монахинь ордена Пресвятой Девы с Сильно Бьющимся Сердцем, и хозяйюшка Блотт начала говорить прежде, чем он смог продолжить.

— Ладно, мы с вами сейчас устроим пир и назовем его официальным банкетом по случаю возвращения моего сына, героя Торфея. Будет подано четыре с половиной перемены и еще немножко. Сперва суп.

Она отошла назад к плите и вернулась с огромной кастрюлей и четырьмя мисками, размером со стальной шлем. Разлила по мискам густое коричневое варево, в котором плавали куски странной формы, и поставила миску перед каждым из гостей.

— Давайте ешьте, и чтобы все съели!

Гордо и Спайдо схватили миски и начали пить, Гар последовал их примеру, не дожидаясь ложки. Аромат ударил ему в ноздри, будто кулаком, — не больно, но чувствительно — и, вкусив первый глоток, он вздрогнул. Острый бульон был восхитительным, а маленькие кусочки овощей взрывались на языке, словно хлопучки с сюрпризом из ароматов. Ломтики ветчины таяли во рту, а крупные куски немного жестковатого мяса — очень похожего по вкусу на куриное — вносили в блюдо экзотическое разнообразие. Он не успел опомниться, как опустошил свою миску, вслед за сидящим напротив Спайдо, протянул ее хозяйшке Блотт:

— Еще, пожалуйста.

Широко улыбаясь, хозяйшка Блотт разделила остаток между Гаром и Спайдо, холодно проигнорировав Гордо. Сперва Гордо возмутился было, но быстро сообразил, что если он не может наполнить свой рот едой, то может наполнить воздух словами, и возобновил свой рассказ о монашках.

Суп был настолько хорош, что Гару показалось, будто эта история стала гораздо интереснее, чем в начале трапезы, и даже почувствовал, что ему больше не хочется оказывать Спайдо ту услугу, которую Удан Канн оказал ему самому.

Второе блюдо имело вид трех небольших, овальных слоеных пирожков, разложенных на тарелке в виде трилистника, политых желтым, как яичный желток, соусом и украшенных веточкой свежей мяты. Для этого блюда Гар получил вилку, хотя после первого же кусочка подумал, что, возможно, тыкать вилкой в легкие, воздушные кусочки теста является нарушением Тианши-шеки. Соус оказался одновременно сладким и острым и оттенял вкус щедро сдобренного пряностями мяса внутри каждого пирожка.

И Гар, и Спайдо попросили добавки, которую и получили, но хозяйюшке Блотт явно не понравилось то, что тощий Гар не отстаёт от её сына ни на один кусочек.

Гордо тут же заметил её смущение.

— О, Фэнни, твой мальчик встретил достойного соперника. Я уступаю этим двоим, пусть соревнуются между собой.

— Так и будет, потому что ты больше ничего не получишь, бегемот! — Она приветливо улыбнулась Гару и Спайдо. — Просто сердце радуется смотреть, как вы едите, мальчики. Мы нарастим немного мяса на ваши ребра, будьте уверены.

Она вернулась к плите, повернувшись спиной к столу, но продолжала прислушиваться к разговору, а Гордо трещал без умолку.

— Посмотрели бы вы, ребята, на меня в Башне, я ел все, что попадетсЯ, чтобы только поддерживать силы, потому что, видите ли, этим монашкам здорово приспичило. И многие из них были северянками, а вы знаете, что это значит, э? Нет женщин более страстных, чем северянки, вы же знаете.

— Чуть собачья, Гордо-гриб. — Хозяйюшка Блотт круто обернулась, потрясая топориком для мяса. — Славная девушка Фолтейна ничем не хуже. Тебе хочется экзотики, но тебе ведь это не доставляет удовольствия, а, Малло?

— Ну, ма, откуда мне знать?

Она искоса взглянула на него, потом намекающе улыбнулась:

— Ты ведь не пытаешься убедить свою мамочку, что не приобрел никакого жизненного опыта с тех пор, как уехал?

Спайдо вспыхнул и стал слегка заикаться.

— Ну, возможно, накануне битвы, когда я не знал, останусь завтра жив или нет, я и искал общества какой-нибудь девушки.

— Я это знала! Знала! Бегал за юбками в столице. Может, даже спал с этой Фэнси Джейн, содержательницей борделя.

— Ее имя Джэнси Гейн, ма, и она была охранницей в борделе.

— Если работаешь в борделе, то работаешь в борделе. — Мясной топорик со звоном разрубил кусок розового мяса на разделочной доске. — Воспитанные леди не живут в борделях.

— Ма, принцесса Рисса была в том борделе, который охраняла Джэнси Гейн.

— О, и ты будешь уверять меня, что эта северная вертихвостка, Фэнси Как-ее-там, спасла Риссу и вывела ее оттуда.

— Ну да.

— И ты этому веришь? — Хозяюшка Блотт застонала и стала рубить мясо на мелкие кусочки. — Вы, мужчины семейства Блотт. Вам только подмигни, улыбнись, свистни, и вы готовы поверить чему угодно. У вас слабость к блондинкам. Надеюсь, эта Фэнси Джейн стояла того, чтобы разбить сердце матери.

— Ма!

— Хозяюшка Блотт, могу вас уверить, что у вашего сына прекрасный, морально устойчивый характер. — Гар обезоруживающе улыбнулся ей. — Принц Рэнго лично выбрал его, чтобы сопроводить меня в невероятно опасном путешествии, в котором только самые добродетельные и отважные мужчины способны уцелеть.

Мать Спайдо обернулась:

— Правда?

— Именно так, хозяйюшка. Собственно говоря, вашего сына выбрали именно потому, что в добавление к его крепким моральным устоям он так любит вас и почитает, что его чувства к вам с лихвой компенсируют отсутствие моих чувств к матери, поскольку у меня не было возможности ее узнать. — Гар нахмурился, осознав, что начал

так же нанизывать одно предложение на другое, как это делал Спайдо, но он уже понял, что это единственный способ объясняться с обитателями дома Блоттов.

— Он хороший мальчик, мой сын. Ему не может понравиться девушка с севера.

— Нет, ма, никогда.

— Хорошо, потому что ни одна из северянок тебе не пара.

— Кстати, а где Цветок Тыквы?

Гар заметил, как мимолетная тучка пробежала по лицу хозяйюшки Блотт, но она отвернулась от сына, и Гар понял, что Спайдо ничего не заметил.

— Еще будет время поговорить об этом, Малло. Готово третье блюдо.

Если бы Спайдо не привык к болтовне своего дяди, он мог бы уловить новости о Цветке Тыквы в его описании особенно игривой монашки, которая раздавала свое благословение направо и налево, каждому из спутников Гордо, которые непонятным образом возникли и приняли участие в его приключениях. Как бы то ни было, хозяйюшка Блотт вернулась к столу со следующим блюдом, и все поняли только одно — глаза могут уговорить брюхо, что оно вовсе не так уж набито, как ему кажется.

Завеса ароматного пара расступилась, и Гар увидел перед собой тарелку. Она была покрыта слоем коричневого риса, на котором вилкой были сделаны концентрические окружности, расходящиеся от трех веточек брокколи, симметрично размещенных на тарелке. Тонко нарезанные длинные полоски мяса ящера, политые острым, но сладким соусом, лежали в океане из риса, разделив его на три части, и отделяли друг от друга зеленые островки брокколи. Маленькие стружки красного и зеленого перца бороздили коричневый

океан между мясным континентом и растительными островами, поднимаясь на гребни рисовых волн или ныряя во впадины между ними.

Половина перемены состояла из плотного картофельного хлеба, обильно намазанного маслом, а затем хозяйюшка Блотт подала хорошо прожаренные отбивные из ящера на хлебцах, политые коричневой подливкой. Их окружали горы пышно взбитого пюре, со склонов которых стекало растопленное масло, как лава с вулкана. Горошек и прозрачные луковки расцвечивали блюдо, а пюре задерживало катящийся вниз горошек, так что Гар мог ловко подхватывать его своей вилкой.

И Спайдо, и Гар попросили добавки хлеба и жаркого из ящера, затем снова хлеба, чтобы подобрать подливку. Они улыбались друг другу, получая удовольствие от этого состязания и от выражения растерянности на лице хозяйюшки Блотт. Гар, у которого никогда не было семьи и который не знал, на что это похоже, обнаружил, что ему нравится это добродушное соревнование. В Армбрассе мелкая вражда оказывалась смертельной, и, хотя родные Спайдо на словах дубасили друг друга, горе любому постороннему, который попытался бы повторить те оскорбления, которыми они походя осыпали друг друга.

Хозяйюшка Блотт накормила их обоих яблочным пирогом с заварным кремом, затем снова принялась за работу у плиты, так как поняла, что это соперничество, в котором после четырех с половиной перемен «и еще немножко» не победил никто, не будет решено за десертом. За работой она расспрашивала Спайдо о его жизни вдали от Торфея и Гара тоже включала в разговор, то и дело прося подтвердить или опровергнуть сказанное Спайдо.

Гар отвечал в соответствии с выражением лица Спайдо и тонкими оттенками интонаций вопросов хозяйюшки Блотт. У нее явно создалось

впечатление о жизни Спайдо в Калтусе, совершенно не соответствующее той действительности, которая была известна Гару, но он понимал, что ее воображение увеличивало любую похвалу Спайдо в сотни раз. И все же он чувствовал, что она плетет нить беседы крутами, словно паук паутину, стараясь выудить какую-то информацию о сыне.

— Послушай, Малло, мистер Квитник говорит, что ты хороший, послушный мальчик.

Гар кивнул.

— Он делает честь Торфею и вдохновляет всех нас.

Спайдо закатил глаза.

— И конечно, ты остался верен своим клятвам, которые дал здесь, кроме тех случаев, когда готовился вступить в битву, как уже говорил раньше.

— Это правда, мам, меня только разок-другой утешили.

— Молодец. Мне просто хотелось узнать: там, в Калтусе, при всех твоих достоинствах, не было ли там какой-нибудь девушки, которая могла бы затмить в твоём сердце Цветок Тыквы?

Гар уловил в голосе хозяйшки Блотт оттенок надежды, но сын этого не понял.

— Только не я, мам. Мое сердце все еще принадлежит Цветку Тыквы.

— Ты ведь не пытаешься обмануть меня, чтобы не огорчать, а Малло? Как мне ни больно было бы представить вас врозь, дорогой, я могу это выдержать ради твоего счастья.

— Нет, мама, она все еще единственная для меня.

— Уверен, дорогой? Ты с ней давно не виделся. Она изменилась.

— Я все равно люблю ее, ма.

— Она очень изменилась, Малло.

— И я тоже, ма.

— Едва ли, дорогой.

Тут вмешался Гар:

— Ваш сын действительно вас обманывает, чтобы не огорчать, хозяйюшка. У него много поклонниц, и с одной из них он недавно встречался.

Лицо хозяйюшки Блотт прояснилось, а Спайдо смутился.

— Это правда, Малло? Она красивая?

— А... ну... красивая, мама.

— Где ты с ней познакомился, дорогой?

Спайдо взглянул на Гара.

Убийца улыбнулся:

— Она служит одной богине, хозяйюшка. Она — духовное лицо и удовлетворяла духовные запросы вашего сына. Он проводил время в телесном... э... тесном общении с ней.

— О, хорошо. — Она бросила взгляд на песочные часы, где пересыпались последние песчинки. — Возможно, ты и держался наравне с Малло до сих пор, кусок за куском, но теперь проиграешь. Это его любимое кушанье, и он съест его очень быстро.

Она отрезала ломоть мясного пирога и поставила его перед сыном, затем второй такой же перед Гаром. Каждый из мужчин сидел с вилкой наготове и вонзил ее в пирог. Хозяйюшка Блотт захлопала в ладоши, когда они проглотили по первому куску.

— Нет ничего, что мой Малло любил бы больше, чем пирог — добрый пирог с олениной и почками.

Спайдо побледнел как полотно и прижал ладонь ко рту. Его стул отлетел в сторону, когда он вскочил и бросился к двери. Рывком распахнул ее и выбежал в ночь.

Мать посмотрела ему вслед и покачала головой:

— Что на него нашло?

— В дороге ему довольно часто приходилось иметь дело с олениной, хозяйюшка.

— Это не помешало бы ему есть мой пирог, нет, сэр. — Она на секунду задумалась, потом улыбнулась. — Конечно, в этом весь мой мальчик.

— Простите?

— В этом весь Малло. Всегда очень вежливый. — Она улыбнулась и поддела вилкой кусок его пирога. — Поскольку вы гость, то лишь притворившись, что его тошнит, он мог проявить вежливость и дать вам победить в этом соревновании, а, мистер Квитник?

Гар ответил бы ей, но, будучи человеком вежливым, не стал говорить с полным ртом.

Гар проснулся и покинул дом Блоттов задолго до того, как взошло солнце и протрубил утренний охотничий рог. Как объяснил Гордо, Долоникус выпускал своих ящеров на охоту с утра и перед наступлением сумерек, и горе тем, кто окажется поблизости сам или выпустит свой скот в период между сигналами рога. После того как звери насытятся, Долоникус отзывал их, выходил из таверны и сообщал собравшимся те блестящие руководящие идеи, которые посетили его ночью.

Спайдо согласился на предложение Гара подождать его вместе с матерью, а не следовать за убийцей в город, чтобы сражаться с ящерами. Спайдо и в самом деле предложил Гару сопровождать его, и тот понял, что юноша говорит всерьез. Убийца ответил Спайдо одной из своих редких улыбок в награду за смелость, но объяснил, что хочет оставить его дома, чтобы кто-то смог разделаться с Долоникусом в том случае, если Гар погибнет в битве с ящерами.

Вооруженный односторонним, слегка изогнутым мечом татик, единственный в мире Грашаншао искусства Тиан-ши-шеки прошелся по спящей деревне Торфей. Плавно шагая к охотничьим угольям пары чудовищ, он чувствовал себя в своей стихии. «Я убил одного из вас. Я ел вашу

плоть. Я знаю вас и дам вашей жизни определение через вашу смерть!» Он приостановился и всмотрелся в параллельные цепочки следов ящера. «Когда охотник охотится на охотников, только Смерть сыта».

Гар переложил рукоять меча в правую руку так, что головка эфеса оказалась между большим и указательным пальцами. Само лезвие легло вдоль тыльной стороны правой руки. Восходящее солнце отражалось от острого как бритва клинка, и его серебряный блеск резко выделялся на фоне свободного черного одеяния убийцы.

Гар без помех дошел до центра деревенской площади и тут уловил какое-то движение слева. Он повернулся туда и увидел одного из ящеров, стоящего в двадцати ярдах от него между двумя домами. Он нагнул морду к земле, потом поднял ее плавным движением, опираясь для устойчивости на жесткий хвост. Снова понюхал воздух и шагнул по направлению к Гару.

Разум в его глазах — дьявольская насмешка, которой не было у предыдущего ящера, — выдал его. Ветерок, к которому он якобы принюхивался, дул слева направо, унося запах Гара в сторону от ящера. «Что означает...»

Гар прыгнул влево и в падении перекатился через плечо, прочь от того места, где только что стоял. Второй ящер, яростно раздирая когтями воздух, пролетел мимо него и испустил вопль разочарования, к которому примешалась боль, когда мелькнул меч Гара, полоснув проносящегося мимо ящера по покрытому перьями животу. Вскочив в тот момент, когда зверь попытался повернуться и споткнулся, Гар с силой опустил меч и с размаху отсек ящеру голову.

Недовольство и отвращение мгновенно сменили восторг Гара. Он убил зверя в тот момент, когда тот охотился, в тот момент, когда он прыгнул на него. Его тренированность и рефлекс,

его разум и доставшееся его роду мастерство изготавливать оружие обеспечили ему победу над созданием, которому суждено было быть самым быстрым и смертоносным из всех, с которыми он прежде сталкивался. Его триумф — это триумф человечества над теми животными, которые выслеживали человека в незапамятные времена.

Но тот же разум не позволял ему гордиться этим убийством. Он точно рассчитал время действий — доказательство этому лежало у его ног, разрубленное на две части. Любой другой ощутил бы восторг от своего успеха, но Гар не был любимым человеком. Он предпочитал определять свою жизнь через Тиан-ши-шеки, и его самооценка подсказывала ему, где он потерпел неудачу. Она указывала ему, каким образом он предал животное, себя и Тиан-ши-шеки.

Печально покачав головой, он бросил окровавленный меч на тело убитого животного.

— Я пользовался орудием, когда ты использовал только то, что дала тебе природа. Я вел нечестную игру.

Его насторожили не едва слышные звуки шагов, а скрип гравия и то, что эти шаги смолкли; тогда он понял, что уцелевший ящер бросился на него. Он откатился вправо и почувствовал, как острый, словно бритва, коготь разрезал его туннику и как боль обожгла бок. Мгновенно вскочив на ноги, он сделал шаг в ту сторону, где по его расчетам ящер должен был развернуться, и произвел резкий выпад ногой.

Удар не попал в цель, так как ящер по инерции проскочил на шаг дальше, чем он предполагал. Хотя Гар произвел этот выпад и отдернул ногу с молниеносной быстротой, ящер успел сделать рывок, и кусок ткани из штанов остался в его острых зубах. Ящер тряхнул головой, как терьер, собирающийся прикончить крысу, выплюнул ткань. Посмотрел на Гара, потом мотнул го-

ловой и испустил вопль, от которого кровь стыла в жилах.

Гар улыбнулся до ушей и стал в стойку. Ящер сделал обманное движение, затем повернулся и потрусил прочь, описывая длинную, замкнутую петлю, которая позволяла ему разогнаться. Гар кивнул, признавая разум у этого животного. Оно уже знало, что человек действует быстро, но само оно было быстрее. Набрав достаточную скорость, оно могло разрубить его когтями, или сбить с ног, или просто цапнуть на ходу. Преимущество было на его стороне, и оба это понимали.

Животное могло поймать его так же легко, как гончая ловит зайца.

Если, конечно, заяц решил бы стоять на месте.

Хотя учение Тиан-ши-шеки позволяло Гару симпатизировать желающему покончить жизнь самоубийством грызуну, он подавил в себе побуждение подражать ему. Он тоже был хищником. Это существо на него охотилось, описывало вокруг него круги, и этим себя определило. Тиан-ши-шеки требовало этого от зверя, чтобы его смерть была идеальной.

И Тиан-ши-шеки требовало, чтобы Гар дал ему ту смерть, которой он заслуживал.

Пока ящер описывал круг, Гар рванулся вперед, по направлению к переулку. Он услышал, как ящер закричал, и ответил ему столь же вызывающим и звероподобным криком. Убийца побежал со всех ног в переулок. Он мог бы рискнуть оглянуться, чтобы посмотреть, насколько близко от него ящер, но его вопли отражались от стен тесного переулка и подсказывали Гару, что тот настигает его быстрее, чем он считал возможным.

Гар перепрыгнул через небольшой ящик, который разлетелся в щепки под лапой ящера спустя пару секунд. Впереди, всего футах в двадцати

от того места, где погиб ящер, переулок перегородила деревянная стенка высотой в восемь футов, что лишало каждого из охотников дальнейшего выбора. Все должно было произойти теперь!

Гар сделал сальто вперед, когда ящер прыгнул к нему на спину. Коготь задел его левое плечо, разорвав ткань и мышцы, но убийца усилием воли прогнал мысль о боли. Сгруппировавшись, он быстро перевернулся и вытянул обе ноги, потом перевернулся, оттолкнулся руками и подбросил себя вверх, ногами вперед.

Его ступни ударили ящера туда, где бедро соединялось с хвостом, и подбросили таз животного вверх. Вскрикнув от удивления и страха, получивший ускорение ящер пролетел по воздуху, загребая передними лапами, будто уродливый птенец, выпавший из гнезда раньше, чем у него отросли крылья. Он врезался в деревянный забор мордой вперед и разрушил это сооружение столь же эффективно, как до этого превратил в щепки ящик своей лапой.

Маневр Гара окончился приземлением на ноги, и он бросился вперед. Ящер попытался было повернуться к нему, но его жесткий хвост ударил о стену дома. Убийца перепрыгнул через хвост, дававший отмашку в обратном направлении, и приземлился обоими коленями на плечи животного. Прежде чем тот успел извернуться и сбросить его, Гар жесткими пальцами нанес удар «Наконечник Копья» сверху вниз, в то место, где челюсть ящера крепилась к черепу. Удар попал в нервный узел, и ящер рухнул.

Когда Гар протянул руки, чтобы схватить его за морду и свернуть ему шею, его снова охватило сомнение. Он признавал, что схватился со зверем в честном бою и победил его. Тиан-ши-шеки позволяло ему использовать окружающее пространство против животного, а ящер и раньше охотился

в деревне. Более того, если бы Гар предпочел убежать в окрестные леса, стволы бамбука столь же эффективно ограничили бы подвижность ящера. Он победил честно, и кровью заплатил за победу.

Но даже при всем этом то было животное вне своего времени и пространства. Любая смерть, которую он мог ему принести, была неестественной, потому что она пришла из чуждого этому зверю мира. Возможно там, откуда пришел ящер, он уничтожил всех людей. Если это так, то смерть от руки Гара была бы выражением самого глубокого неуважения к нему.

Тиан-ши-шеки давало Гару способ решить эту дилемму. Он встал над поверженным животным и секунду рассматривал его, потом кивнул. Сосредоточившись, Гар прикоснулся к основанию черепа животного и к той точке, где таз соединялся с позвоночником. Выполняя это движение и применив технику куо-так, он почувствовал, как жизненная энергия этого создания потекла вверх и вниз по позвоночнику, и ощутил завихрения и возмущения вокруг тех крохотных преград, которые он в нем создал.

Мрачно кивнув, Гар вернулся обратно к началу переулка. Маленькая кучка людей, в том числе Спайдо и его мать, стояла над трупом ящера. Спайдо поднял голову, и по его лицу мелькнула тень озабоченности, но Гар покачал головой. Он все же осторожно пощупал дыру в своем плече и стиснул челюсти от боли. Подумал было, не использовать ли Анакрон для исцеления, но отверг эту мысль из уважения к зверю, который нанес ему эти раны.

Дверь «Принцева Парадиза» распахнулась, и на пороге появился крупный мужчина. Подтягивая штаны, он вышел на центральную площадь, и словно он был пробкой, которую вытащили из бутылки, несколько молодых громил высыпали из

таверны и столпились позади него. Многие из них побледнели, увидев мертвого ящера, но остальные позволили своей молодости окутать их плащом неуязвимости.

Долоникус молчал, пока Гар не подошел к Спайдо.

— Значит, Пария пришел в Торфей. Мне следует чувствовать себя польщенным, что принц Рэнго счел меня достойным твоего внимания.

Гар покачал головой:

— Моего внимания? Ты ошибаешься. Я приехал в горы поохотиться. И посмотреть, как вот этот мой спутник тебя убьет.

— Гм? Кусок жира этого старого курдюка Гордо?

Спайдо задрал подбородок:

— Я его племянник, да.

Долоникус посмотрел на Гара:

— Возможно, ты сумасшедший, Пария, но даже ты не можешь воображать, будто вот этот может меня победить.

— Вот как? — Гар рванулся вперед и хлопнул ладонями одновременно по груди и позвоночнику Долоникуса, отчего великан закашлялся. — Ты невероятно медлителен. Не думаю, что Спайдо будет трудно с тобой справиться.

Долоникус отступил назад, к своим приспешникам.

— Ему придется сперва убить их.

— Гар?

— Не волнуйся, Спайдо. — Гар пренебрежительно зевнул. — Они даже не дотронутся до тебя.

Напряжение повисло в воздухе над площадью, когда дюжина громил уставилась на Спайдо и попыталась заставить его опустить глаза. Возможно, им это и удалось бы, но в этот момент с вершины холма к востоку от Торфея раздался хриплый рев рога. Все посмотрели в ту сторону, откуда донесся этот звук, и на дороге, ведущей с

горы в городок, увидели человека, чей силуэт заслонял восходящее солнце. Снова раздался звук рога, фигура приближалась, ее округлые очертания кольхались вверх и вниз при каждом шаге.

— Дядюшка Гордо?

Дядюшка Гордо, размахивая руками, трусил вниз с холма, потрясая узловатой дубиной в одной руке и потрепанным рогом в другой. «За принца и его семью», — хрипел он во всю силу своих легких. При каждом шаге все его тело кольхалось, и двигался он все быстрее. Живое воплощение неумолимой силы, он пронесся по дороге, и толпа расступилась перед ним.

Все люди смотрели на него, и не только люди. Вынырнув из-за склона холма, последний уцелевший ящер замотал головой и поскакал к бегущему человеку. Спина, брюхо и бока представляли собой заманчивые мишени, но решающую роль сыграл луч солнца, отразившийся от бронзы боевого рога. Издав вопль, от которого подгибались коленки, ящер подлетел к Гордо справа и прыгнул.

Когда он оторвался от земли, его сердце остановилось, мускулы перестали действовать, и он застыл, превратившись в идеальный портрет охотника на охоте во время нападения. Гар громко рассмеялся, довольный, так как удар куо-так убил животное на взлете его мощи. Появление Гордо, хоть и было неожиданным, сделало осуществление его замысла еще более совершенным, потому что это создание наверняка никогда прежде не охотилось за столь обильной и сочной добычей.

Ради его вклада в торжество ящера перед смертью, Гар простил Гордо то, что тот в последнюю минуту свернул вправо. Рожок стукнул ящера по голове, исторгнув у крестьян деревни вопль изумления. Ящер упал, Гордо тоже. Собственная инерция заставила толстяка споткнуться и вылететь на центральную площадь. По пути он сбил,

словно кегли, поддюжины громил, расшвыряв их в разные стороны.

Стремительное появление Гордо на площади разрядило напряжение, и оставшиеся на ногах громилы бросились на Спайдо. Один из них промчался мимо Гара, задев его раненый бок. Боль подорвала его самообладание, по крайней мере Гар так себе это объяснил, и его правая рука молниеносно взметнулась, нанося удар «Щелчок Кнута», от которого один из позвоночных дисков проткнул аорту нападавшего.

Другой громила имел неосторожность столкнуться с матерью Спайдо. Хозяюшка Блотт, как с удовлетворением отметил Гар, применила довольно неловкий, неотточенный «Удар Коленом» в пах, за которым последовал «Удар Единорога» в лицо. И нападающий, и жертва зашатались от удара головами. Но громила рухнул, а Хозяюшка Блотт устояла на ногах.

Спайдо проявил себя лучше, чем ожидал от него Гар. Он нырнул, уклоняясь от хука справа, и свалил нападавшего в грязь ударом «Карат-крэкер». Из-за того что Спайдо стоял пригнувшись, другой громила нанес ему удар ногой, но он парировал удар локтем, а потом пнул его в колено толчком «Мясной Молоток». Затем Спайдо подпрыгнул, прикончил его пинком ноги «Антилопа», приземлился и отпрянул в сторону, уходя от нацеленного в его сердце удара. Сделав еще шаг вперед, пригнувшись, в стойке «Раненая-Птица-Защищающая-Гнездо», Спайдо потянул нападавшего на себя и нанес ему удар «Копыто Жеребца» в середину туловища.

К несчастью, когда Спайдо тянул на себя нападавшего, он упустил из виду последнего из противников. Взвизгнула о ножны сталь — последний из бандитов вытащил злоеще изогнутый кинжал и напал на Спайдо со спины. Юноша,

выпрямляясь после пинка, начал было поворачиваться к нападавшему, и хотя Гар знал дюжину дюжин способов парировать или ответить на подобную атаку, он понял, что у Спайдо нет шанса избежать гибели.

То же самое понял и нападавший, и на секунду его лицо расплылось в широкой улыбке, которая тут же угасла: золотистая олениха одним прыжком перелетела через площадь и подбросила его в воздух резким движением головы. Громила отлетел назад и попал пятками в живот Гордо. Ноги его взлетели вверх, а голова с силой врезалась в землю. Спайдо пронесся над дядиной тушей, и «Летящий Дракон» резко откинул назад голову громилы, сломав тому шею.

Спайдо приземлился на ноги как кошка в тот момент, когда тело его последнего противника рухнуло в пыль. Он кивнул Гару, потом уставился на Долоникуса.

— Я пришел освободить от тебя Торфей. — Спайдо поднял правый кулак и сунул большой палец между указательным и средним. — Смотри на это и трепещи. Это твоя смерть.

Долоникус сжал кулаки.

— Это? Ты даже не умеешь как следует сжать кулак! С удовольствием покажу тебе твою ошибку.

Деревенский глава бросился вперед и с размаха врезал Спайдо справа, отчего у того голова пошла кругом. Спайдо сделал один шаг и упал на колени. Он начал было падать вперед лицом, но что-то его удержало.

Спайдо откинулся назад, сел, мотая головой, и вытер кровь с носа тыльной стороной ладони.

— Настоящий мужчина из Торфея мог бы ударить и покрепче.

Долоникус посмотрел вниз на Спайдо, потом перевел взгляд на Гара:

— Твой ученик — глупец, Пария.

— Глупец или нет, но он прав.

— Неужели? — Долоникус снова взглянул вниз и похлопал себя по животу. — Давай, Спайдо, покажи мне, как сильно ты умеешь бить.

— Как скажешь, Долоникус! — Выкрикнув имя своего врага, Спайдо выбросил вверх правую руку. Долоникус уклонился влево и торжествующе крикнул, так как удар не достиг цели.

Обессиленный, раненый и сломленный, Спайдо рухнул лицом вперед.

Его правый кулак уткнулся в сапог Долоникуса и отскочил.

Долоникус взглянул на Гара, потом глаза его закатились, и он повалился назад, обмякший, словно все кости его растаяли.

Убийца присел на корточки рядом с Долоникусом и пощупал пульс у него на шее.

— Мертв.

Спайдо поднял глаза, половина его лица была покрыта пылью.

— Мертв?

Гар кивнул.

Гордо перекатился поближе к племяннику и похлопал его по спине.

— Конечно, он мертв. Ты применил к нему ужасный удар хингу под названием «Кукиш».

— Выполненный исключительно чисто, я никогда не видел ничего подобного у выпускников Армбрасса. — Гар кивнул и выпрямился, затем помог подняться Спайдо. — Жители Торффея, это Спайдо Блотт, посланный принцем Рэнго освободить вашу деревню от последней тени Каларана!

Крестьяне ответили громкими криками, но один пронзительный голос прорезал весь этот гам. Толпа расступилась, как до этого перед Гордо, и какая-то женщина бросилась на шею Спайдо. Он поймал ее в объятия и неловко поцеловал, потом отстранил на расстояние вытянутой руки — но они все равно продолжали соприкасаться животами.

— Цветок Тыквы?

Черноволосая женщина кивнула:

— Это я. Я так по тебе скучала.

— Ха! — фыркнула хозяйюшка Блотт.

— Старая карга!

— Потаскуха!

— Ведьма!

— Стойте! — Крик Спайдо не дал его матери ответить в рифму первому эпитету. — Цветок Тыквы, я... э...

— Тебя так долго не было, Спайдо, и я боялась, что ты погиб. Я искала утешения в объятиях другого...

— Дюжины дюжин, — поправила ее мать.

— Сможешь ли ты когда-нибудь простить меня?

— Только через мой труп, — пробормотала хозяйюшка Блотт, и если бы Цветок Тыквы была последовательницей учения Тиан-ши-шеки, взгляд, брошенный ею на Фэнни Блотт, мог бы осуществить это высказывание.

Спайдо вздрогнул и нахмурился:

— Я могу все простить женщине, которую люблю, Цветок Тыквы.

— Хорошо. Ты будешь прекрасным отцом для моих детей.

— Детей?

— Я слишком молода, чтобы быть бабушкой. — Цветок Тыквы покраснела. — У меня несколько детей, Спайдо, но в глубине моей души именно ты — отец им всем.

Спайдо взглянул на Гара, но убийца только пожал плечами.

— Я, э, оценил твою идею, Цветок Тыквы, но я, э, люблю другого человека.

— Слава богам! — Хозяйюшка Блотт взглянула на Гара. — Это ведь не вы, правда, мистер Квитник? Не знаю, смогу ли я это пережить.

— Я тоже, хозяйюшка. — Гар кивнул головой в сторону золотистой оленихи. — Он имеет в виду Элизу.

Хозяюшка Блотт переводила взгляд с оленя на убийцу и обратно.

— Вы уверены, что это не вы, Квитник? Возможно, я поторопилась.

Когда Спайдо протянул руку к Элизе, ее очертания расплылись, и она плавно превратилась из оленя в прекрасную женщину, чей смех Гар уже привык слышать вокруг их стоянок.

— Мама, это Элиза. Она будет моей женой.

— Только через мой труп! Никаких смешанных браков в моей семье!

— Уверяю вас, хозяйюшка Блотт, она — существо человеческого рода.

— Не в этом дело, мистер Квитник, посмотрите на нее.

— Смотрю. — Гар нахмурился. — Не понимаю.

— Вы что — дальтоник? Она же блондинка! — Хозяюшка Блотт напустилась на Элизу. — Я не позволю моему сыну жениться на женщине с севера. Поди прочь, ведьма!

Спайдо встал между Элизой и матерью.

— Нет! Я люблю ее. Нам суждено быть вместе!

Откуда-то из задних рядов толпы кто-то запустил перезрелый помидор. Он взорвался на груди Спайдо, разбрызгивая на него и на землю семена и мякоть. Не успел тот запротестовать, как одно из семян проросло, и вверх рванулся толстый, крепкий и сочный стебель. На нем появились желтые цветы, потом они увяли и на их месте выросли и созрели красные помидоры. Они раздвинулись, и покрытый листьями куст приобрел форму прекрасной женщины-растения с великолепной листвой.

Гар упал на одно колено.

— Ты оказала честь Торфею своим посещением, Озина из рода Цветов!

— Не сомневаюсь, что по крайней мере трое из вас относятся ко мне с должным уважением. —

Озина сделала широкий жест, которым охватила Спайдо и Элизу с Гаром, но ухитрилась исключить всех остальных. Она посмотрела на хозяйшку Блотт. — Ты противишься браку между моей служанкой Элизой и твоим сыном?

— Ну, она же северянка.

— А если бы я сказала тебе, что ее родные возражают против твоего сына потому, что он южанин?

— С моим сыном все в порядке!

— Вот именно.

Гар понял смысл слов Озины, но жители Торфея его не уловили. Неприятие северянами Спайдо они восприняли не как зеркальное отражение собственных предрассудков, а как оправдание им. Убийца поднял взгляд на Озину, и стоило ей только дать знак, он превратил бы Торфей в большую кучу компоста.

Озина покачала головой, потом посмотрела на Спайдо и Элизу, стоящих рядом.

— Вы предпочитаете расти вместе, а не порознь, так?

— Да.

— Если вы оба желаете этого, я позабочусь о том, чтобы вы никогда не разлучались.

Любовники посмотрели друг на друга, затем кивнули:

— Просим тебя, богиня.

Взмахом руки Озина снова сделала Элизу золотистой оленихой, а затем превратила Спайдо в великолепного оленя. Его рога имели много ответвлений, и на кончике каждого сверкал драгоценный камень. Помахивая хвостиком, Элиза побежала прочь, и Спайдо одним прыжком покинул площадь следом за ней.

Гар нахмурился и прошептал Озине:

— Я думал, ты не занимаешься превращениями, а только возвращаешь прежний облик.

— Мой брат, Рогатый, иногда ради развлечения путешествует среди смертных. В таких случаях он называет себя Длинноногим.

Гар удивленно поднял брови, глядя на хозяйшку Блотт, и та вспыхнула.

Озина вдруг стала вдвое выше, и возвышалась теперь над жителями Торфея.

— Прежде чем вы разойдетесь по домам, мечтаю об оленине, запомните мои слова. Вы — фермеры. Ваши посевы цветут по моей воле. Стоит одному из вас обидеть золотистого оленя в этой долине, стоит вам отказать ему в пище, и вам тоже будет в ней отказано.

Гар посмотрел вверх и увидел Спайдо на гребне холма, с которого спустился его дядюшка. Солнечный свет огненными искрами играл в его рогах. Убийца помахал ему рукой, не успев сдержаться, потом улыбнулся. Но тут же превратил улыбку в жестокую усмешку и кивнул головой.

— Скажите охотникам, которым захочется доказать свою ловкость в охоте на золотистого оленя, что я тоже хожу на охоту. Искать глупую добычу, которая не слушает слов Озины и попытается убить благословенного оленя Торфея.

Цветок Тыквы подергала Гара за тунику.

— Означает ли это, что ты собираешься тут поселиться, красавчик?

Гар ответил ей прикосновением «Огненная пята» к плечу, что вызвало немедленное начало родов, и, воспользовавшись поднявшейся суетой, потащил прочь тело Долоникуса.

Глава 6

ЗАКАНЧИВАЕТСЯ В НАЧАЛЕ

Долоникус открыл глаза, когда золотое сияние Анакрона над ним померкло. Он взглянул на свою ногу и содрогнулся.

— Я был мертв. Что случилось? Неужели Анакрон меня оживил?

Гар покачал головой:

— Нет. Я тебя исцелил.

— Что?

Убийца сунул амулет обратно к себе под тунику.

— Ты назвал меня Парией. Это имя мне кое о чем говорит. Я собирался позволить Спайдо убить тебя, но потребность в информации перевесила необходимость твоей смерти. Прикоснувшись к тебе, я применил метод куо-так, после чего ты потерял сознание от удара Спайдо. Если бы я не вернул тебя к жизни, ты бы пришел в себя через три дня, но к этому времени жители Торфея тебя бы уже похоронили.

— Милая шуточка.

— Разумеется, если бы они решили тебя кремировать, я бы тебя разбудил...

— Я уже понял.

— Понял ли? Невежливо перебивать.

— Мне очень жаль.

— Сомневаюсь.

— Мне правда очень жаль, правда. — Долоникус подвигал левой ногой. — И что теперь?

— Ты мне скажешь, где находится Удан Канн.

— Не знаю, о чем ты... ой!

— Поверь, мне не очень нравится причинять боль без особой необходимости, но я владею многими способами сделать это. А твоя готовность солгать создает такую необходимость. — Гар положил два пальца выше коленной чашечки Долоникуса. — Как тебе понравится прозвище «Хромой»?

— Удан Канн меня убьет, если я скажу.

— Если бы он не хотел, чтобы я получил доступ к этой информации, он бы уже убил тебя. — Два пальца Гара переместились пониже, к нервному узлу на ноге Долоникуса. — Ты бы не на-

звал меня Парией, если бы он не сказал тебе, что не выносит, когда в его присутствии произносят мое имя. Кроме того, Спайдо сообщил мне, что сведения его дядюшки о происходящем за пределами Торфея ограничиваются событиями двадцатилетней давности. Двадцать лет назад Удан Канн трудился в неизвестности в Армбрассе, и все же Гордо знал его имя и мое прозвище! Ты или твои приспешники проговорились. И за это Удан Канн тебя бы убил.

— Ты победил, ты победил. — Долоникус затряс головой. — Удан Канн сказал, что ты появишься. Он ждал, что ты отправишься на север. Он ждет тебя в Джелфейте.

— В Джелфейте? — Пальцы Гара дрогнули, и он чуть было не угостил Долоникуса «Двенадцатью Агониями», но понял, что тот не лжет. «Или Удан Канн стремится в Джелфейт потому, что полагает, будто может ускользнуть от меня, когда город исчезнет, или...» Гар содрогнулся, подумав о второй возможности. — Этого не может быть.

— О, это правда. Он ждет тебя. — Долоникус подтянул к себе ноги и прижал колени к груди. — Вот, я тебе рассказал. Ты должен меня наградить.

Гар пожал плечами:

— Уже наградил.

Долоникус встал и попятился.

— Ты оставишь мне жизнь?

— Нет.

— Смерть мало похожа на награду.

— Ты мало похож на человека, но я не эту награду имел в виду. — Гар указал вниз, в сторону Торфея. — Ты терроризировал этих людей. Превратил их жизнь в ад, и поступая так, ты себя определил. Я тебя убил, но умрешь ты лишь тогда, когда вообразишь себя высшим непобедимым существом. Скромность и смирение позволят тебе прожить долгую жизнь. Прежнее поведение тебя убьет.

Долоникус с размаху сел на землю.

— Ты... как ты мог... это несправедливо.

— Это справедливо.

— Это пытка.

— Пыткой было бы оставить тебя парализованным навечно, за исключением двух часов непосредственно после того, как ты выслушаешь рассказы Гордо о его сказочной карьере. — Гар похлопал Долоникуса по плечу. — Я передам Удан Канну, что ты нижайше просишь простить тебя за то, что не присутствовал в момент его смерти.

Дорога в Джелфейт промелькнула для Гара быстро, но каждый шаг стал для него мукой. Он пытался сосредоточиться на боли в плече и в боку, но и это не смогло отвлечь его от мрачных размышлений, вызванных выбором места укрытия Удан Канном. Выбор города, знаменитого своими боевыми традициями, мог иметь смысл, особенно если этот город перемещался во времени и мог послужить убежищем при временно неблагоприятных политических обстоятельствах. Удан Канн мог сделать такой выбор, и Гар поверил бы, если бы не одно обстоятельство.

Удан Канн никогда в жизни не уклонялся от боя. Его исчезновение всегда беспокоило Гара Квитника, но не по той причине, о которой думали многие. Гар уже начинал склоняться к мысли, что его огорчила невозможность отомстить за отвратительную смерть родителей, и даже он сам не понял истинного источника своего беспокойства. Сейчас, когда он бесшумно пробирался через леса Джелфейта, ему открылась его настоящая причина.

Удан Канн не присутствовал при поражении Каларана. И причиной этого мог быть только приказ полубога исчезнуть. Каларан мог отдать такой приказ только в том случае, если у него имелся план. Хотя существовала вероятность, что

план Каларана не имеет отношения к его смерти, Гар в это не верил. Поскольку Гар прежде служил Каларану, он знал о даре тирана предвидеть будущее, и уважал этот дар. Каларан предугадал свое поражение и придумал, как отыгратья.

Сведения Озины о людях, ждущих на маршруте, о котором сообщал Спайдо, подтверждали его предположения, что Удан Канн руководит действиями против него. Нападения в пустыне означали только одно: Удан Канну нужен Анакрон.

Я не должен это допустить. Каларан, или его череп, находится в Калтусе. Это значит, что наилучшим местом для амулета является Джелфейт. Доставить его туда было поручено Гару, и он выполнит поручение. «Сначала самое важное. Позаботиться об амулете, а потом найти способ предупредить о плане Каларана остальных».

Гар перевалил через гребень холма и вниз, в долине, увидел дрожащие очертания деревни Джелфейт. Дома в ней были расположены почти так же, как в Торфее, но в узкой долине деревня оказалась сжатой и вытянутой, приобрела ромбовидную форму. То, что в Торфее было построено из беленых плетней и глины, в Джелфейте стало полированным опалесцирующим камнем. Соломенные крыши Торфея уступили место аметистовой черепице и просторным цветущим садам на крышах, переливающимися всеми цветами радуги.

В центре находилась Часовня Анакрона. Она казалась более основательно построенной, чем остальная деревня, но уже начала разрушаться. Главный купол рухнул и увлек за собой одну из опаловых стен. Спускаясь в долину, Гар время от времени видел внутренности часовни сквозь просветы деревьев. Если бы камень не был так элегантен, она выглядела бы так же, как многие занесенные песком здания, которые ветры пустыни время от времени обнажают и снова погребают под слоем песка.

работники умирают на полях, подтаскивая зерно к хранилищам, которые лопаются, как их сердца?

— Я действительно не думал прибегать к такому перепроизводству продуктов.

Гар покачал головой. Если бы только ты видел реальный способ их уничтожить...

— Хингу — это извращение, и ты в нем упорствуешь. Ты не оставляешь мне выбора — я должен тебя убить.

— Мечты молодых так часто не сбываются.

— А иллюзии древних увядают и умирают.

Двое мужчин начали медленно описывать круги лицом друг к другу. Удан Канн скользнул в позу «Змея», а Гар занял оборону «Мангуст». Оба понимали, что рисуются, но оба признавали убийственные способности противника. Тигр и Волк, Орел и Оса, Муравей и Аардварк, они плавно переходили через основные виды животных, словно доказывали друг другу, что не забыли того, чему их учили.

Когда Удан Канн переходил от «Муравья» к «Муравьиному Льву» — соответствующие вращения кистями и четыре стадии изменения позы были произведением искусства, и, чтобы его освоить, требовалось десятилетие, — Гар сделал рывок вперед и поразил Удан Канна в грудь ударом «Наконечник Копья». Переход из одной формы в другую сделал его удар легким, как перышко, и Удан Канн легко парировал его. Собрав кончики пальцев вместе для прикосновения «Огненный коготь», Гар позволил пальцам отскочить от лба Удан Канна, затем отпрыгнул назад и принял позу «Тарангул» против «Муравьиного Льва» Удан Канна.

Старший воин на мгновение отшатнулся, потом замигал.

— Ты нарушил форму, Пария.

— Да, но я тебя достал.

— Прикосновения — это для хингу-кор между детьми. — Бывший учитель Гара оскалился, затем прижал локти к ребрам, доводя до совершенства позу «Муравьиного Льва». — Конечно, ты всегда был ребенком, Пария. Если бы ты нашел себе применение, если бы действительно научился у меня всему, чему я мог тебя научить, этот удар убил бы меня мгновенно.

— И очень грубо и гротескно, насколько я себе представляю.

— Конечно.

— Это не мой стиль. — Гар медленно улыбнулся. — В мире существует гораздо больше того, чему ты можешь научить, Удан Канн.

— И многому тебе еще предстоит научиться, Пария. — Удан Канн налетел, сохраняя позу «Королевского Краба». Его правая рука сделала выпад и нанесла сильный удар в левое бедро Гара. — Верные мне ученики знают, что следует делать значимым каждое прикосновение.

Гар отскочил назад и проверил ногу, чувствуя, как волна боли сменяется онемением.

— Я могу ответить болью на боль. — Гар нанес левой ногой удар «Долото», но скользнул только по волосам на голове Удан Канна. Его противник поднырнул под удар и ответил на него ударом двумя пальцами «Мучительная игла» по внутренней поверхности бедра Гара.

Гар справился с болью, но ослабевшая правая нога замедлила отступление. Удан Канн налетел на него и нанес удар «Стальной Молот» по ране от когтей ящера на ребрах Гара. Удар «Колун» обрушился на раненое плечо, и две волны боли столкнулись в груди Гара.

Гару следовало отступить, но он не дрогнул и врезался в ребра Удан Канна ударом «Рука-Копье». Сделав молниеносный взмах правой рукой, Гар щелкнул пальцем по кончику носа Удан Канна, затем ткнул пальцами «Вилку» ему в глаза. Удан

Канн отбил удар «Защитой на Ширину Ладони», которая защитила глаза, но повредила его уже пострадавший от щелчка нос. Злобно зарычав, он поднял руку, чтобы нанести удар «Наконечник Копья» в середину туловища Гара.

Гар видел удар, и у него было время уйти от него, но он ничего не предпринял. Почувствовал, как растёт давление на его плоть. Кровеносные сосуды под кожей лопнули, и по тутим мышцам живота расплылись синяки. Ногти Удан Канна проткнули тунику и кожу. При той скорости и опыте, которым обладал старший боец, он мог проткнуть его тело и вырвать горсть печени Гара еще до того, как тот почувствовал бы боль.

Удан Канн отпрыгнул в сторону и в отчаянии вскрикнул, стряхивая с пальцев кровь:

— Нечестно!

Гар, спотыкаясь, попятился назад, пот заливал открытые раны на его теле.

— Ты же хочешь меня убить. Так убей.

— Да, я хочу тебя убить, но позже. После того, как получу Анакрон. После того, как сделаю то, что должен. Я вернусь за тобой. — Он оглянулся через плечо на запад, на заходящее солнце. — Я не хочу застрять тут навсегда, Пария. Возьму амулет и уберусь отсюда. Позже я вернусь с ним и убью тебя.

— Или умрешь, пытаясь это осуществить.

— Хватит. Тебе конец. — Удан Канн вложил всю свою силу в серию ударов «Ужаснейшее Цунами». Когда его бывший учитель налетел на него и его руки и ноги замелькали в вихре обманчивых движений и ударов, Гар понял, что это нападение уничтожило бы его, если бы он был учеником. Тиан-ши-шеки позволило ему разглядеть цикл поз и проследить в них ритм. Если бы все его конечности действовали, он легко разобрался бы с ними, а заодно и с Удан Канном.

Но Тиан-ши-шеки также подсказало ему, что в этом нет необходимости.

Удары «Огненная Игла» впрыснули боль в его плечи и локти. «Сабельные толчки» ногами заставили его ноги подломиться. Укороченные удары «Бархатная Ладонь» сломали ребра, а «Локоть-копье» перебил правую скулу. А после того как он ударился оземь, другие наскоки покрыли синяками и ссадинами его тело. Те части его тела, которые не потеряли чувствительности, были от боли, и ему казалось, пока Удан Канн поднимал его и усаживал, прислоняя к прохладной стене, что единственная часть его тела, которая функционирует должным образом, — это нервная система, подающая сигналы боли.

Удан Канн снял Анакрон с шеи Гара.

— Прости за поспешный уход, но мне надо сделать много дел, наведаться к тиранам, и все такое. Я сообщу твоим друзьям о том, что с тобой случилось. Возможно, они даже дадут мне награду.

— Возможно, ты получишь то, чего заслуживаешь.

Удан Канн покачал головой:

— Ты был самым многообещающим из моих учеников, и я думал, что ты станешь моим преемником. Возможно, когда вернусь, я с помощью Анакрона снова исцелю тебя, и мы посмотрим, был ли я прав.

— Ты был прав.

— Это предстоит решать в другой раз, Пария.

Гар кивнул, а Удан Канн вышел из часовни и пропал в тумане Джелфейта. Гар сжал зубы, чтобы защититься от боли, затем постарался очистить свой мозг, чтобы уменьшить неприятные ощущения. Пока он этим занимался, он уловил какие-то слова и образы, быстро мелькающие, отрывочные. Увидел, как промелькнуло лицо Домино,

и улыбнулся. «Свадьба... сюрприз? Очень надеюсь на это».

Последний образ Джорда пронесся в его мозгу, а вслед за ним в памяти всплыла последняя строфа того стихотворения, которое Спайдо принял за пророчество:

«Чтоб древнюю кривду исправить,
В безвременье явлен на свет,
Войду я в отцовский, знакомый,
Далекий, прекрасный рассвет.
Грядущее с прошлым сольется,
Померкнет сияние дня,
И встретиться нам не придется —
Ведь в мире не станет меня».

Гар Квитник, последний Тиан-ши-Грашаншао, не знал, почему эти слова пришли к нему и что они означали. Не знал, хорошие это стихи или плохие, но знал, что они ему нравятся. Когда солнце село и Джелфейт исчез из этого мира, он обдумал слова Джорда и призвал к себе покой Тиан-ши-шеки.

ПРЕЛЮДИЯ ВТОРАЯ

Принцесса Рисса стояла на балконе своей комнаты, мрачно уставившись на гейзер грязи и серы, возникший на месте некогда прозрачного озера позади замка, и размышляла о том, что иногда реальность настолько символична, что это даже становится невежливым. Возможно, ей следовало отправиться вместе с Джэнси, чтобы доставить на место Сомбризио. Они сейчас вместе ехали бы по пустыне, слушали нытье наемников и делились друг с другом мечтами о том, чем будут заниматься потом, когда все снова наладится. Кала Маланик рассказывал бы какую-нибудь историю о подвигах эльфов, которая должна была заставить людей смутно ощутить их превосходство, а Сомбризио...

Она поморщилась, так как озеро отрыгнуло грязь и вонючую воду. Нечто подобное любила выкинуть Сомбризио.

— Ваше королевское высочество! — прощебетал голос у нее за спиной. — Пришла портниха, чтобы примерить ваше свадебное платье!

Рисса вернулась в дом, бросив последний тоскливый взгляд в сторону пустыни, и прошла в свою спальню.

В гостиной Дейзи, ставшая ее горничной после возвращения из рабства и прочих опасных приключений, болтала с портнихой, худой, угловатой женщиной с явно выраженным косоглазием. Дейзи же была полногрудой и пухленькой, волосы ее уже посеребрила седина. Вместе они напоминали принцессе иголку и подушечку для булавок.

Пока принцесса раздевалась до белья, она слушала их беседу.

— Не может быть! — восклицала Дейзи. — Огромные змеи! Крылатые! Летают!

— Это точно, — отвечала портниха. — Они налетели на рынок, где торгуют скотом, два часа назад. Лучники принца сбили одного. Теперь, когда уже не надо бояться, что он проглотит тебя целиком и даже прощения не попросит, можно разглядеть, что у него красивая чешуя.

Принцесса вошла в комнату, и служанки сделали глубокий реверанс. Рисса милостиво приняла их знаки почтения. Мама всегда говорила, что быть принцессой — значит всегда держаться с достоинством, даже в нижнем белье.

Портниха начала разворачивать свертки, принесенные ее помощницей. Там были нескончаемые ярды шелка цвета слоновой кости, кружева ручной работы и гремящая шкатулка с жемчужинами. Когда портниха с помощью Дейзи развернула ткань, Рисса увидела, что она уже начала принимать очертания элегантного свадебного платья с длинным шлейфом. Прежнее унылое настроение сменилось радостным возбуждением.

Когда примерка была закончена и портниху отослали работать дальше, Рисса надела костюм для верховой езды, взяла эльфийский лук и стрелы, сделанные для нее Каллой, и пошла искать Рэнго. Охранники сказали, что принц сейчас один в своем личном зале заседаний, и она поспешила

туда, все еще полная возбуждения по поводу предстоящей свадьбы.

— Рэнго, дорогой, — произнесла она, врываясь в зал, для проформы стукнув в дверь, — поехали со мной на охоту!

Принц поднял взгляд от кипы бумаг, и мелькнувшее на его красивом лице раздражение тут же сменилось на более приветливое, хотя и не совсем радостное выражение. Он поднялся и поцеловал ей руку.

— Рисса, любимая, — ответил он. — На охоту? Теперь, когда надо продумать планы нашей свадебной церемонии и коронации, а стране грозит страшная опасность?

— Именно на эту опасность я и хотела поохотиться, — возразила она немного запальчиво. — Говорят, что крылатые змеи не дают покоя торговцам скотом. Я подумала, мы могли бы поехать и сбить одного из них. Из его шкуры для нас с тобой выйдет по паре прекрасных сапог и по поясу.

— Сапоги и пояса меня сейчас мало заботят, — сказал принц, отпуская ее руку.

— Тогда как насчет настроения наших подданных? — спросила принцесса. — Они ждут, чтобы воинственный принц взошел на трон, но ты, по-видимому, превратился в клерка!

— Вероятно, именно клерк и нужен в мирное время, драгоценная моя, — сказал он. — Если им нужна помощь армии, я пошлю один из отрядов гвардейцев. Они разделаются со змеями.

Рисса надула губки, ненавидя себя за это, но не в состоянии сдержаться. Рэнго был прав. Ее собственные родители правили больше при помощи свода законов и собственного примера, чем военных подвигов, но она не ожидала, что Рэнго так быстро утомится. Когда они с Джэнси встретили его после их отъезда из Антуруса...

Она могла бы прибавить еще что-нибудь к сказанному, но послышался стук в дверь зала заседаний.

— Это мой следующий посетитель, Рисса, — сказал принц, лицо его осталось бесстрастным. — Я пошлю дивизию гвардейцев на охоту за крылатыми змеями.

Рисса умела понять, когда ее выпроваживают. Она покинула зал, едва взглянув на худого человека в одежде священника, который ждал у двери.

Лемма Таудей посмотрел вслед удаляющейся принцессе.

— Принцесса совсем не выглядит счастливой, — заметил он принцу Рэнго.

— После свадьбы и коронации она станет более уравновешенной, — ответил принц. — Сейчас она все еще привыкает к своим новым обязанностям после беззаботной жизни, полной приключений.

— Я слышал, что принцесса попала в рабство, была продана в бордель и спаслась, лишь осмелившись совершить путешествие по населенной злыми духами пустыне до самых врат Антуруса, города мертвых, — заметил Лемма.

— Именно так, — ответил принц. — То было время, когда она отвечала только за себя. Время немедленного вознаграждения и славы. Время без ритуалов, помпы или протокола. Она успокоится, когда осознает бремя своего нового положения.

— Как осознали вы, ваше высочество?

— Вот именно. У тебя есть для меня новости? — Принц внезапно улыбнулся. — Прости меня, Лемма. Я забыл долг гостеприимства. Короткая беседа с Риссой выбила меня из колеи. Садись к огню и позволь принести тебе вина.

Когда принц откупорил вино, жидкость вскипела, но совсем не так, как шампанское или пиво,

и выплеснулась густой коричневой струей в кубки. Наморщив лоб, принц понюхал вино.

— Это не пиво. Собственно, у него необычно сладкий запах.

Он осторожно отпил, потом глотнул побольше.

— Совсем недурно. Леммл, я полагаю, что магические аномалии распространились на мой винный погреб. Хочешь попробовать? Это несомненно редкий спиртной напиток.

— Что бы вы ни пили, мой принц, мне все понравится, — ответил священник, пробуя странный напиток.

— Не перейти ли нам к делу? — мягко подтолкнул его принц Рэнго.

— Как пожелаете, сир. Я пришел доложить, что Демон Тьмы продолжает появляться из черепа Каларана. Я интерпретировал этот знак так успокоительно, как только мог, но Верховный жрец обеспокоен и думает, что нам не следовало позволять увозить свиток и амулет из Калтуса.

Принц улыбнулся и отпил темной, тягучей жидкости.

— Что они от меня хотят? — спросил он. — Они ведь согласились с советами моих прорицателей, а теперь артефакты уже увезли к местам их хранения.

— Некоторые вспомнили, что вы имеете связь с мономагами, сопровождающими каждого из героев, — ответил Леммл Таудей, делая вид, что удручен своими новостями. — Ходят разговоры о том, чтобы заставить вас отозвать генерала Блейд и Гара Квитника прежде, чем они выполнят свои задания.

— Чертовская наглость! — воскликнул принц. — Разве они не понимают что на карту поставлено гораздо больше, чем недобрые знамения заколдованного черепа? Подозреваю, что у Каларана могло хватить злобы так настроить свой череп, что он теперь дает нам ложные знамения!

Лемма улыбнулся:

— Ну, это здорово придумано, ваше высочество. Я могу это использовать, если протесты станут слишком громкими. Конечно, мне придется очень осторожно намекнуть кому следует...

Принц выдвинул ящик, вытащил маленький, звенящий мешочек и протянул его священнику.

— Я тут кое-что собрал для твоей благотворительности, — сказал он, — наскреб несколько монет дополнительных пожертвований. Не думаю, чтобы до коронации мне снова удалось так легко собрать что-нибудь еще. Конечно, после коронации я получу доступ к казне. Однако, если амулет и свиток вернутся, церемония может быть надолго отложена.

Лемма проглотил остаток напитка, встал со стула и низко поклонился. Мешочек исчез в кармане его одежды.

— Я понимаю, ваше высочество. Сделаю для вас все, что смогу.

— Сделай, — произнес принц, глядя ему вслед, — сделай.

ОЧЕНЬ ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ

Солнце, поднимающееся над стенами и башнями Калтуса, золотило доспехи Джэнси Гейн и ее спутников, которые смотрели с западного холма на город. Сквилл, связист-мономаг, стоял на коленях в сторонке от остальных, занятый своими чарами.

Вьючные лошади заржали, недовольно оглядываясь в поисках растительности, мечтая попасть во время короткой остановки. Для них будет еще меньше еды, когда путешественники вступят в Запустение Томидор; большую часть груза каравана составляли припасы для самих лошадей.

Лошадьми ведали десять видавших виды наемников — пятеро людей, остальные — эльфы. Все как один были народ тертый, покрытый шрамами. Они уже повидали смерть в сотнях различных обличий, и внутренне готовы были снова с ней встретиться.

Кала Малланик, эльф — верный спутник Джэнси, стоял рядом с ней с мрачной миной на аристократическом лице. В руках он держал свой лук с серебряной тетивой. Его стрелы из огненно-го, кованного эльфами золота, никогда не били

мимо цели и без промаха разили тех злодеев, в которых он метил.

Джэнси Гейн была одета в рогатый шлем и кожаную кольчугу, усыпанную железными медальонами с изображениями грозных богов. Маленький круглый щит, окантованный сталью, в центре которого имелся острый стальной выступ, висел у левого бедра. Он уравнивал тяжесть висящего справа бородатого боевого топора по прозвищу Кастратор.

Средний палец правой руки Джэнси обвивала странно искаженная женская фигурка: то была Сомбризио, массивный перстень, выкованный полубогами из самородного серебра, добытого из сияющего метеорита. Огонь, мерцающий в глазах Сомбризио, только отчасти был отражением восходящего солнца, так как, несомненно, перстень был не менее живым, чем сама Джэнси.

Некоторые фонари еще горели там и сям на улицах Калтуса. Несколько окон еще светились, но окна в башне, где предстояло жить принцессе Риссе до свадьбы с принцем Рэнго, были темными. Рисса, которую Джэнси спасла и которая вместе с Джэнси сражалась, преодолевая бесчисленные опасности, причем каждая следующая была гибельнее предыдущей, чтобы с триумфом занять свое место рядом с принцем...

Яркая молния сверкнула среди туч на западе. Воздух на вершине холма застыл в неподвижности так же, как лица героев, обращенные к дому, которого многим из них не суждено больше никогда увидеть.

Сомбризио пукнула.

— Королевская лотерея — это был верняк, — произнес Калла голосом, напоминающим скрежет трущихся друг о друга жерновов. — Ни один шар не мог выйти из ловушки, кроме старого доброго миллион семьсот девяносто две тысячи пятьсот тридцать девятого. У меня допуски были

тоньше блошинных усов! Ни один эльфийский искусник в...

Вопль ужасной, невыносимой боли наполнил воздух. Джэнси повернула голову.

— Сквилл! — окликнула она. — Что ты там делаешь, во имя пресвятой Сиф?

Сквилл скорчил гримасу и покачал головой. Левая рука у него была согнута в локте, пальцы сложены в горсть возле уха, образуя таинственное переговорное устройство, которое было частью его колдовства. Над присевшим на корточки чародеем волнообразно колебалась волшебная палочка его профессии — двенадцатифутовый гибкий прут из тонкой стали. Его основание было прикреплено к рюкзаку Сквилла.

Вместо того чтобы ответить Джэнси, Сквилл повторил: «Позывной "Крылатый Дракон-два" — базе "Крылатый Дракон". Проверка связи. Отбой».

Сквилл разжал пальцы левой руки. Снова раздался тот же отвратительный стон. Сквилл покачал головой и смущенно пробормотал:

— Виноват, простите, наверное, придется мне сменить кристаллы. Слишком много погибших душ в том эфирном диапазоне, на волнах которого работает этот.

— Ах ты, умник! — крикнула Сомбризио противным пронзительным голосом. — Конечно, вали всю вину на оборудование. Не может же быть причиной то, что ты — недоучившийся олух, отправленный в поход вместе с кучкой неудачников.

— Не обращай на нее внимания, колдунец, — резко произнесла Джэнси, прикрывая Сомбризио своей огрубевшей левой ладонью. — Продолжай работу. Я не хочу провести остаток жизни тут, на городской свалке мусора.

Сквилл стряхнул с плеч рюкзак. Порылся в боковых карманах, вынул осколок малахита и

заменял его блоком зеленого турмалина, который достал из подвешенного к поясу мешочка. Волшебный стержень, усиливающий чары, мотался у него над головой.

— Никакой другой шар просто не мог выскочить из барабана после того, как я потрудился над механизмами в подвале дворца, — возобновил свой рассказ Калла мрачным голосом. Его лицо было обращено в сторону башен столицы, но мысли были заняты исключительно несправедливым отношением к нему и к его мастерству.

На прошлой неделе была устроена королевская лотерея, чтобы возместить расходы, понесенные во время Торжества Добра над Злом и Возвращения Истинного Короля. Верные соратники-эльфы тоже понесли массу расходов; Калла готов рассказать всему миру о своих потерях! И это казалось таким простым делом — для эльфа столь искусного и ловкого, как Калла Малланик, — подтасовать результат совершенно незаметным способом.

— Не, — сказал один из дюжих наемников-людей более стройному (но не менее крепкому) эльфу, стоящему рядом с ним. — Никто не сравнится с Хормаздом Центурионом. Семьдесят восемь ран на теле, семьдесят восемь.

Эльф поджал губы.

— Я слышал, это если считать вместе раны на теле и на конечностях, — ответил он. Лошадь, которую он держал, рыла копытом гниющие отбросы в тщетной попытке найти что-нибудь съедобное.

— Как бы не так! — возразил человек. — Только на теле. Ну, на теле и на голове, но считая лишь те удары, которые пробили кожу, а не одни доспехи.

Сомбризио ухитрилась выдать длинную очередь газов. Джэнси подняла левую руку и пома-

хала ею в воздухе, однако немногого этим добилась, при всей этой вони от кучи отбросов.

Сквилл закрепил в боковом кармане рюкзака новый кристалл. Но вместо того чтобы снова забросить рюкзак за спину, он опустился рядом с ним на колени и вновь сделал из руки переговорное устройство. И начал серьезно разговаривать с невидимыми слушателями.

— Никакой другой шар, кроме миллион семьсот девяносто две тысячи пятьсот тридцать девяттого, не мог выпасть в желоб, — произнес Калла тоном человека, до глубины души обиженного несправедливостью. — И что же происходит? Воздушные шарики летят в воздух, трубят гобой, развеваются стяги, а принцесса Рисса объявляет, что выиграл девять миллионов триста пятьдесят две тысячи девятьсот семьдесят первый. Такого большого номера вообще не должно было быть!

— Послушай, я никак не хочу обидеть Хормазда, — настаивал второй эльф, — но семьдесят восемь, или сто семьдесят восемь — не вижу в этом никакого искусства.

Сквилл разжал руку, слегка изменив переговорное устройство. На этот раз духи, пронизывающие атмосферу, слабо донесли прерывистые голоса.

— И это еще не все, — продолжал Калла. Остальные его уже не слушали. За последнюю неделю постоянное повторение этой истории пропахало глубокие борозды в их способности слушать. Слова эльфа текли, не оставляя и следа в сознании его спутников. — Тот парень, который выиграл, — чужак в Калгусе, он купил лотерейный билет за десять минут до розыгрыша. И к тому же самый уродливый тип из всех, какие мне только попадались, — больше смахивает на гусака, чем на человека!

— Искусство! — воскликнул глава наемников-людей. — Искусство, дерьмуство! Мы тут говорим

о мастерстве, парень, о человеке, для которого смерть — предмет гордости!

— Принято, пять на пять, — произнес Сквилл. — Позывной «Крылатый Дракон-два», конец связи. — Он полностью расправил ладонь — передающее устройство — и встал, поднимая за собой рюкзак.

— Так ты закончил, колдунец? — кислым голосом осведомилась Джэнси. — Пятнадцать минут провести на этой куче мусора, черт побери. Имей в виду, Запустение Томидор тоже не Райский Сад во Вселенной. Больше напоминает дырку в заднице.

— Я установил связь с нашей базой, если вы это имеете в виду, — ответил Сквилл, вспыхнув. Теперь, когда ему наконец удалось выполнить свою работу, он вновь обрел чувство собственной значимости. — Только мне бы хотелось, чтобы вы не называли меня так.

— Колдунцом? — переспросила Джэнси, хмурясь. — Но ты ведь и есть колдунец.

Джэнси не слишком привыкла иметь дело с мужчинами, которые полагали, что способность вызывать духов из глубин пространства делает их чем-то особенным. По правде говоря, она не слишком привыкла иметь дело с мужчинами вообще.

Калла очнулся от своих мрачных грез настолько, что помог Сквиллу продеть руки в лямки рюкзака.

— Мономаг, — напряженным голосом сказал Сквилл, — это проходящий обучение волшебник, с ограниченным набором умений. Я — связист, специалист в искусстве связи. Искусник, если применить термин из области, ну, искусства.

Сомбризио издала звук — то ли лошадиное фырканье, то ли еще один громкий пук.

— Ты — пони, которого научили одному-единственному трюку! — пронзительно взвизгнула она. — Неудачник, занявшийся провальным де-

лом. А если хочешь убедиться в неизбежности провала, стоит только взглянуть на этих индюков, которых послали сопровождать тебя!

— Пошевеливайтесь! — приказала Джэнси. — А ты, Сомбризио, заткнись. Путешествие обещает быть долгим и без твоих замечаний.

Команда двинулась вперед. Каждый новый сантиметр поднимающегося над горизонтом солнца исторгал свежий поток вони из отбросов. Мусорные телеги уже тащились от западных ворот Калтуса с ночным пополнением для свалки.

— Вы полагаете, что мне очень весело? — осведомилась Сомбризио. — Тащиться с ротой умственно отсталых авантюристов? И для чего? Чтобы получить возможность провести остаток вечности в Затерянном Городе Антурусе, вот для чего!

— Я сказала, — произнесла Джэнси таким тихим голосом, от которого волосы на затылке у всех, кто его слышал, встали дыбом, — заткнись.

Конечно, Рисса не смотрит на них. Да и зачем принцессе смотреть на городскую свалку мусора? Кроме того, Риссе надо обсудить множество важных вещей со своим женихом, принцем.

Надо совершить опасное путешествие в Запустение Томидор? Ну так единственная дорога в этом направлении проходит через городскую свалку мусора. Давайте пошлем Джэнси, почему бы и нет? В конце концов, она всего лишь пару сотен раз спасала нашу жизнь и честь.

— Единственный шар, который мог пробраться сквозь эту ловушку... — бормотал Калла.

— Кулдык-кулдык-кулдык, — раздался пронзительный шепот Сомбризио.

Трудно было определить, где находится солнце. Небо ярко светилось, но сам пейзаж закрывали мрачные тени. Редкая растительность имела

серый оттенок, и время от времени какой-нибудь куст рушился в туче горькой пыли, задетый одним из всадников.

Они добрались до Запустения Томидор, никаких сомнений.

— Это не... — произнес Калла. — Да, так и есть. Это наверняка отшельник. Кто еще станет жить в хижине из костей?

— Я вам скажу, что такое первоклассная смерть, — произнес один из эльфов-крепышей. — Когда Брайтлок, принц Наветренных Эльфов, бился с Сокитооми, Хрустальным Великаном...

— Сиф, что за унылое место, — пробормотала Джэнси Гейн.

— Эй, вот так сюрприз! — отозвалась Сомбризио. — Ты едешь в Запустение, и оно оказывается унылым. Твое образование продвинулось до того места, где говорится, что не надо совать руку в огонь? Или сам огонь слишком сложное понятие для деревенщины с севера?

Джэнси повернула перстень так, чтобы лицо Сомбризио было обращено к ладони, но в данный момент язвительные замечания ее не слишком волновали. Не больше, чем все остальное, по крайней мере.

Томидор был пустошью, покрытой пересохшей пылью, а не песком. Почва его, легкая и желтовато-серая, представляла собой лесс, совокупность гонимых ветром частиц, хотя никакого ветра на протяжении нескольких минут, с того момента как компания въехала в Запустение, не наблюдалось. Граница между Томидором и не населенными, но обычными пустошами, которые они проезжали по пути сюда, была столь же явственной, как если бы между ними стоял забор.

— ...когда копьё ударило Сокитооми в точку раскола, — говорил эльф, — Хрустальный Великан распался на обломки, дождем посыпавшиеся на

наемников Брайтлока, сестер-воинов Иверилл и Уорелл. Они...

Окаменевшие берцовые кости чудовищ давно минувших дней служили главной опорой стен хижины. Промежутки между этими крупными костями заполняли части менее крупных скелетов, образуя головоломку невероятной сложности. Голени кроликов скрепляли ключицы медведей и в свою очередь крепились лучевыми костями дроздов, а те соединялись с еще более мелкими косточками. Жаберные пластины громадной акулы служили крышей, хотя ни одно море не приближалось к Томидору ближе чем на сотню миль за период нынешней Четвертой Эпохи Человека.

— Приветствую тебя, отшельник! — крикнула Джэнси, остановившись в двадцати футах от входа. — Пред тобою отряд благородных странников, которые совершают героический поход и нуждаются в твоей помощи.

Гадюка с глазами, словно драгоценные камни, которая грелась на солнце на крыше хижины, скользнула обратно в щель между ребрами мыши. Глаза у змеи были настоящими драгоценными камнями — желтые топазы, подумала Джэнси. У них не было ни век, ни зрачков.

— ...разрубили Иверилла и Уорелла на такие тонкие ломтики, что можно было смотреть сквозь них, если поместить между стеклянными пластинками, — говорил эльф, продолжая свой рассказ. — Вот так это и случилось. Мы водрузили над ними общий памятник, потому что рассортировать их по отдельным гробам было бы сложнее, чем снова сложить из кусочков два батона нарезанной саями, после того как их уронили на пол.

— Собираетесь торчать тут до скончания веков? — осведомилась Сомбризио приглушенным голосом. — Мне-то все равно, это меня собираются закопать на веки вечные, но...

— Отшельник! — заорала Джэнси. — Подними свою святую задницу и выходи сюда!

— И все равно ломтиков было не семьдесят восемь, — сказал наемник-человек. — Даже не семьдесят восемь на них двоих.

Из хижины выполз похожий на краба человек. Белки его глаз отливали почти такой же желтизной, как у гадюки. Диета отшельников Запустения Томидор никак не могла быть полезной для здоровья.

— Ну-ну, — произнес отшельник. — Решили взглянуть ко мне и поздороваться с человеком, посвятившим не один десяток лет изучению жизни и мудрости Запустения? Тогда привет! А теперь уходите и оставьте меня в покое.

— Эй, погоди минутку! — потребовал Калла.

Отшельник нырнул под притолоку из бизоньей кости над дверью. Потом обернулся и крикнул:

— У меня есть дела поважнее, чем позволять плясать на себя всяким дилетантам, отправленным во второсортный поход! Например, наблюдать, как растут мои ногти!

Сомбризио хохотнула.

— Ну, он вас всех отбрил, — заметила она.

— Погоди минуту, черт побери, — сказала Джэнси. — Что ты хочешь этим сказать — «дилетанты»? Мы здесь выступили в настоящий героический поход и просим...

— Сейчас просите, в самом деле, — перебил отшельник, шагнув поближе и помахивая обглоданным указательным пальцем перед носом Джэнси. — Но позвольте вас спросить, маленькая мисс Авантюристка, кого из гильдии чичероне, имеющих лицензию, вы наняли в том первом путешествии через Запустение? Во время настоящего героического похода!

— А, — ответила Джэнси. — А! Ну. Понимаешь, мы с принцессой Риссой убежали от слуг Повелителя Злых Духов Очбако, и у нас было не слиш-

ком-то много времени на поиски гида, поэтому мы...

— Наняли дилетантов! — фыркнул отшельник. — Ну, можешь пойти...

— Мы никого не нанмали! — закричала Джэнси. Ряды косточек ящериц, которыми крепился тес к балкам крыши, подпрыгнули от ее крика. — У нас не было времени никого нанмать!

— Правильно, правильно! — с торжеством прокаркал отшельник. — Ну а теперь вы тоже никого не наймете, потому что правила гильдии запрещают ее членам нанматься к тем, кто ранее использовал штрейкбрехеров. Вот вам!

Он сунул большие пальцы рук в свои волосатые уши и помахал остальными пальцами Джэнси.

— Послушай... — начала Джэнси.

Отшельник опустил руки и расцвел.

— Вам известно, насколько опасно Запустение Томидор? — осведомился он. — Три столетия назад король Ворошек — Крайне Вспыльчивый-Четвертый — отказался нанять членов гильдии, когда совершал переход через Запустение, собираясь напасть на Фолтейн. Он со своей армией все еще здесь, детка! И ты со своими эльфами тоже будешь здесь, триста лет спустя!

— Здорово сказано, отшельник! — заметила Сомбризио. — Конечно, если бы ты хоть что-то знал об этом месте, ты бы и сам меня нашел, правда?

— Вот именно, — произнесла Джэнси своим тихим голосом. — Больше я тебя слушать не намерена.

Она перевернула Сомбризио лицом наружу и ткнула сжатым кулаком в сторону отшельника, чтобы он мог хорошенько разглядеть массивный перстень.

— А теперь ты будешь нашим проводником в этом походе. И никаких остроумных замечаний

насчет второго сорта, неудачников или индюков, понял? Или я пушу в ход могущество вот этой Сомбризио и превращу тебя в омара.

— А я, — прибавил Калла Малланик, подавшись вперед, чтобы привлечь к себе внимание, — съем тебя в сметанном соусе.

Джэнси заморгала.

— Ну знаешь ли, — возразила она своему верному спутнику, — он ведь не взаправду станет омаром, он только будет думать, что он омар.

Эльф пожал плечами.

— Ну и что? — спросил он. — Это не каннибализм, раз он не будет представителем моего вида. А я готов биться об заклад, что на вкус он будет лучше тех консервов из свинины с бобами, которые я ел вчера вечером. Интересно, как королевский поставщик умудрился достать матросский сухой паек в Среднеземье? У Фолтейна нет флота.

Джэнси снова повернулась к отшельнику:

— Ну, как бы то ни было, если ты нас не поведешь, то горько пожалеешь. Понял?

— О, конечно, — с горечью ответил отшельник. — Однако моя гильдия все об этом узнает. Обождите, волна забастовок солидарности скоро ударит по вашим хозяевам! Как вы думаете, как пройдет бракосочетание, если цветочницы сложат орудия труда, а? А компания Почтительных Продавцов Риса не выпустит свой товар за линию пикетчиков!

Джэнси вздохнула:

— Тебе надо знать только одно: если ты не уложишь вещи и не будешь готов через пятнадцать минут, я помогу Калле поискать корову, чтобы приготовить сметанный соус.

Отшельник снова нырнул в свою хижину, бормоча насчет запугивающих его девиц, которые пользуются своей силой. После чего единственным звуком на некоторое время оставался

писк аппаратуры Сквилла. Искусник рапортовал на базу о том, как протекает поход.

Несмотря на то что солнце даже в зените светило тускло, жар от него молотом обрушивался на землю. Каменное ложе озера окаймляли три четкие полосы различного цвета: желтая, оранжевая и изумрудная. Жидкость (она определенно не была водой) в центре озера колыхалась; Джэнси показалось, что сквозь подошвы своих сапог она также ощущает микротолчки.

— Тут бывают землетрясения? — спросила она.

Отшельник пожал плечами. На его лице отражалась внутренняя борьба. Естественная потребность эксперта давать объяснения боролась в нем с индивидуальным желанием создавать в данном случае как можно больше препятствий. Первая потребность победила, возможно, этому помог Калла Малланик, который выудил из своего дорожного мешка чудо эльфийского искусства — плоский наборчик из девяти предметов, в том числе пыточные щипцы и миниатюрный кузнечный молот.

— Ну, дело не столько в сотрясении земли, сколько в собаке, почесывающей во сне, — пояснил отшельник. — Пустыня — живой организм. — Он поджал губы и прибавил: — К тому же очень ворчливый и вспыльчивый.

Маленький броненосец выскочил из своей норы и начал мочиться на правый сапог Каллы. Эльф дал пинка маленькому негодяю, отшвырнув в середину чешуйчатого кактуса, который рухнул с чмокающим звуком.

— И кажется, она привлекает обитателей, сходных с ней по характеру, — заметил Калла, бросив многозначительный взгляд в сторону отшельника.

— Знаю, на кого ты намекаешь! — закричал отшельник, будто бы об этом не мог догадаться

любой, у кого хватает мозгов, чтобы дышать. — Лично я живу в Бесплодной Пустыне по той причине, что она освобождает меня от мирских забот, чтобы я мог погрузить свой разум в благочестивые размышления.

— Будьте уверены, — произнесла Сомбризио. То ли женщина-перстень дремала большую часть утра, то ли ждала, как подлинный художник, подходящего случая. — От мирских забот — например, от некоторых крупных долгов, которые ты после себя оставлял, начиная с той ночи, когда сбежал из семинарии в Квибероне.

Отшельник повернул голову, на лице его выражение ужаса сменилось яростью, а затем утвердилось выражение оскорбленной невинности.

— Молчи, демон, заклинаю тебя именем Двенадцати Воплощений Милосердного Господа! — воскликнул он в тщетной попытке выглядеть разгневанным.

— Не говоря уже о том, — продолжала Сомбризио с кровожадным энтузиазмом, — что новый хахаль твоей женушки пообещал содрать с тебя физиономию, если опять увидит тебя в Калтусе. Ты эти заботы имел в виду?

— Я не стану на это отвечать, — пробормотал отшельник. Или, правильнее сказать, произнес одними губами. Он уже продемонстрировал, что способен понять, как избежать еще больших неприятностей.

Отряд поднялся на горку. То, что Джэнси принимала за завывание ветра, возобновилось с новой силой и стало отчаянными, мелодичными воплями, раздававшимися прямо возле тропы.

— Отпусти ее, скотина! — закричала Джэнси, выхватывая боевой топор из петель на поясе. Она прыгнула в заросли не задерживаясь, чтобы освободить свой щит, привязанный скользящим узлом у левого бедра. Неловко будет, если эти

крики издает кролик; или еще хуже, мужчина, а не женщина, как она предположила.

Это была действительно женщина, закопанная по пояс под кустом терновника. Ее мраморный бюст был обнажен, алебастровые руки подняты, защищаясь от невидимого кошмара.

Джэнси схватила женщину за правую руку и поняла свою ошибку. Руки, как и грудь, оказались мраморными.

Вопли исходили из открытого рта статуи.

Калла Малланик вылетел на маленькую полянку. Следом за ним ворвались наемники, выкрикивая свой боевой клич «Смерть и Слава!».

Крики внезапно смолкли. Наемники разочарованно смотрели на мрачный, но не опасный окружающий их пейзаж.

Джэнси выпрямилась.

— Какого черта? — спросила она отшельника, когда тот присоединился к ним со злорадной усмешкой на лице. — Она перестала орать.

— Установленные профсоюзом правила, — объяснил отшельник. — Пятиминутный перерыв каждые два часа.

— Ну... — протянула Джэнси. Она уставилась на Кастратора, будто удивляясь, каким образом топор оказался в ее руке.

— Значит, ее не надо спасать? — спросил Калла Малланик.

— Спасать от чего, тупица? — осведомилась Сомбризио. — Это же статуя. Спасать от того, чтобы быть обломком камня, лежащим в земле? Боже, слышала я, что эльфы тупицы, но начинаю думать, что общаться с земляными червями в Антурусе будет гораздо интереснее, чем с вами, ребята.

Джэнси повесила Кастратора на место настолько незаметно, насколько можно незаметно повесить топор с шестнадцатидюймовым острым изогнутым лезвием. Потом прочистила горло.

— Нам лучше двигаться. Я хочу пройти по крайней мере еще пару миль, до того как мы разобьем лагерь на ночь.

— А если кто-то из вас сомневается в глупости вашего командира, — продолжала Сомбризио голосом, похожим на скрип тормозов, — то она сейчас задает себе вопрос, не может ли принцесса Рисса все же быть влюблена в нее.

— Ничего подобного! — закричала Джэнси. — Принцесса даже не представляет себе такого!

— Вот тут ты все правильно понимаешь, леди-босс, — восторженно согласилась Сомбризио. — Рисса даже не знает, что такое бывает. Господи, да ее просто стошнило бы, если бы она знала, что ее верная защитница мечтает о...

Больше ей ничего не удалось прибавить, потому что Джэнси залепила кольцо пригоршней рыхлой почвы и плюнула на нее. Потом размяла комок и обмазала перстень толстым слоем грязи. Обмазка заглушила жалобы Сомбризио, сделав их еле слышными, как жужжание крылышек мухи по ту сторону закрытого окна.

Джэнси прилепила получившийся ком к выступу своего щита, где ему предстояло высохнуть на солнце и обрести твердость камня. Отряхнув ладони, она сердито взглянула на Каллу Малланика и спросила:

— Желаешь прокомментировать?

— Разве я похож на человека, желающего что-то сказать? — запротестовал эльф. — Ну нет. Ни единого словечка.

— Вот и хорошо, — сказала Джэнси. И зашагала обратно к тропе, пиная по дороге ногами засохшие растения, разлетавшиеся на куски. Один куст, покрытый колючками и грязными розовыми цветами, с писком бросился наутек, волоча за собой подрагивающий корень.

— Я вообще считаю, — продолжал Калла, — все то, чем взрослые люди хотят заниматься, уеди-

нившись в своих спальнях, невыразимо отвратительно. Поэтому бессмысленно делать различия между тем или иным тошнотворным актом.

Статуя снова принялась вопить. Джэнси пришло в голову, что это вполне оправданное времяпрепровождение в подобном месте.

— Если мы направляемся в город Антурус, — спросил Калла Малланик таким спокойным и рассудительным тоном, который прозвучал гораздо более угрожающе, чем крик, — тогда почему солнце садится слева от нас, отшельник?

— Послушай, хочешь сам быть проводником? — взвился отшельник. — Я не напрашивался с вами, знаете ли! Прекрасно, я просто вернусь в...

Джэнси ухватила отшельника за длинные спутанные космы и приподняла. У нее не хватило сил в плечевых мышцах, чтобы полностью оторвать отшельника от земли, но боль заставила его тут же приподняться на цыпочки.

— Думаю, — заметила Джэнси, — что нам всем было бы удобнее, если бы ты просто ответил на вопрос. Особенно было бы удобнее тебе.

С этим она его отпустила. Рот отшельника дергался, свидетельствуя о том, что он старается проглотить поток пронзительных жалоб; но он все же их проглотил.

— В Запустении Томидор направления не фиксируются обычным образом, — объяснил он покорно, массируя свой скальп костлявыми ладонями. — Вот почему так важно нанимать в проводники специалиста с лицензией, душу которого направляет Господь и чья мудрость развеет демоническую иллюзию.

Сомбризио ответила на это тоненьким завыванием. Слой высохшей глины сделал неразборчивыми комментарии перстня.

— Пора подумать о стоянке, — сказала Джэнси. Солнце, остававшееся неподвижным в течение

многих часов, теперь садилось так быстро, будто кто-то задергивал небо шторой.

— Да, — согласился отшельник, указывая на холм справа от дороги. На вершине не очень крутого склона стояли развалины маленького строения со шпилем. — Мы найдем укрытие вон там, в Коричневой Церквушке в Долине. Она защитит нас от духов, которые стенают и бормочут во тьме.

— Коричневая церквушка в чем? — переспросил Калла.

— Не я даю им названия! — огрызнулся отшельник. — Если уж на то пошло, доски теперь тоже основательно выгорели и стали серыми.

Джэнси молчала, только смотрела на отшельника, а со времени получения этого задания она еще ни разу ни на что не взглянула по-доброму. Отшельник прибавил уже более сдержанно:

— Думаю, она стояла в долине когда-то. Я же вам говорил, здесь все меняется.

— Я не помню, чтобы солнце нас подводило в тот раз, когда мы тут были, — сказала Джэнси Калле Малланику.

Эльф пожал плечами:

— О том путешествии я помню только то, что за нами гнались тридцать Слуг Злого Духа. Заставь их снова гнаться за нами, и я, наверное, в этот раз тоже не замечу, где находится солнце.

Он оглянулся через плечо. Огромная, бесформенная тень упала на них сзади. Создание, отбрасывающее эту тень, было невидимым; но невидимым был также и источник света, который закрыло собой тело этого существа.

— Бежим к церкви! — взвизгнул отшельник. Все уже и так бежали, в том числе и перепуганные выючные лошади.

Джэнси рванула вверх по склону, забыв об усталости, одолевающей ее всего несколько секунд назад. Кастратор болтался в кожаных пет-

лях. Размахивать топором на приближающегося невидимого великана было явно пустой тратой времени, которое лучше всего потратить на то, чтобы удрать.

Хотя кольцо...

Джэнси схватила ком грязи со щита и попыталась раскрошить корку в ладонях. Она была твердой как камень. Твердой, как ее собственная проклятая башка, которая додумалась спрятать волшебное оружие, пока они находятся в Запустении Томидор.

Отряд бежал, растянувшись в неровную линию. Джэнси, Калла и отшельник лидировали, на несколько шагов от них отставал Сквилл со своей аппаратурой. Выючные лошади вырвали у наемников поводья и неслись вперед широким фронтом. Из выюков сыпались мешки с овсянкой, бурдюки с водой и уродливые зеленые банки консервов, которые после удара о землю катились во все стороны.

Один из наемников некоторое время держался за построжки. Его сапоги поднимали живописный бурун летучей почвы, но камней и колючек было на склоне на удивление мало, чтобы привести его к гибели должным образом. Когда построжки лопнули, наемника пару раз подбросило над землей, затем он поднялся и самостоятельно захромал к святой земле.

Джэнси треснула комком грязи об обод щита. Зазвенел металл. Во все стороны полетели крошки, но сама масса не раскололась, как она надеялась. Она не пробежала еще и половины пути к тому месту, где надеялась найти защиту, но теперь кривизна склона заслоняла все, кроме кончика церковного шпиля.

Длинные ноги Каллы Малланика позволили ему немного опередить своего командира. Отшельник развил поразительную скорость для такого старого и, как казалось, нетвердо стоящего

на ногах человека и держался наравне с Джэнси, хоть и делал четыре шага на ее три.

Трудно было сказать, насколько высок этот великан, поскольку это зависело также от положения невидимого источника света, который создавал тень. По крайней мере, не было сомнений относительно пола великана, если только то, что болталось между его кривыми ногами, не было второй утыканной колючками булавой.

У Джэнси еще нашлось мгновение, чтобы подумать, как должны выглядеть подружки великана на следующее утро. Холод, который прошел по ее хребту, должен бы принести приятное облегчение потной спине после такого бешеного бега вверх по склону, но не принес.

Калла Малланик проскочил в просевший дверной проем Коричневой Церквушки, Некогда-Стойавшей-в-Долине. Вьючные лошади оказались уже там, все в пене после неожиданной пробежки. Джэнси на полшага отстала от отшельника, когда размахивалась, чтобы стукнуть глиняным шаром с Сомбризио внутри об острый конец Кастратора. Глина в конце концов раскололась.

Святая Сиф! Если это вещество становится настолько прочным после сушки на воздухе, кому-нибудь следует заняться добычей в этом Запустении сырья для изготовления небьющейся посуды.

Джэнси остановилась рядом с дверным проемом церкви. Попыталась надеть Сомбризио на средний палец, но отверстие все еще было забито глиной. Джэнси в отчаянии насадила его на острие Кастратора.

— О-о-о, сделай это еще раз! — воскликнула Сомбризио. — Так мило с твоей стороны немного развлечь меня теперь, когда все успокоилось.

Наемники один за другим нырнули в дверной проем, будто кегли, выбывающие из игры. Сквилл скорчился у боковой стены и соорудил свое пере-

говорное устройство. Большая часть крыши часовни отсутствовала, поэтому конец волшебной палочки связиста качался между голыми стропилами.

Вьючные лошади ржали перед нефом, поздравляя друг друга. Мерин обнюхивал ветхое покрывало алтаря в тщетной надежде перекусить.

Калла стоял возле одного из оконных витражей в куче мусора из цветного стекла и полосок свинца. Он вложил в лук стрелу с блестящим золотым наконечником, натянул тетиву до отказа и выстрелил.

Кованая эльфийская стрела пролетела, словно луч полуденного солнца, над шлемами бегущих наемников и умчалась к далекому горизонту. Траектория стрелы представляла собой абсолютно прямую линию и тянулась вдаль, насколько хватал глаз. Невредимая тень продолжала карабкаться вверх по склону, приближаясь к ним.

— Там ничего нет! — воскликнул Калла Малланик. — Мы убегаем от пустого места, потому что моя стрела без промаха сразила бы его, если...

Тень дубинки удлинилась, потом сжалась, словно невидимая реальность, отбрасывающая ее, описала широкую дугу. Дуга и укорачивающаяся тень остановились на бегущем последним наемнике-человеке. В земле образовалась яма десяти футов в поперечнике. Большая часть наемника осталась на дне выемки, но некоторая часть разлетелась в стороны и достигла развалин церкви.

— Ну знаете, возможно, там что-то все же есть, — сказал Калла, рассматривая наконечник другой золотой стрелы с выражением удивления и озабоченности.

— Кому нужна Сомбризио? — произнес перстень, когда Джэнси снова попыталась просунуть в него палец. — Мы и сами такие герои-всезнайки, что не нуждаемся в ее помощи!

Теперь последним бежал наемник-эльф. Тень укоротилась, очевидно, отбрасывающий ее великан нагнулся. Наемник обернулся и взмахнул своим эльфийским мечом в форме листа с такой скоростью, что тот превратился в дрожащую, расплывчатую дугу.

Лезвие, достаточно острое, чтобы разрубить лунный луч, встретило пустоту. Только свойственная эльфу грациозность позволила ему сделать пируэт, а не упасть лицом вниз, что, вероятно, произошло бы с человеком.

Эльф внезапно подскочил в воздух на сотню футов и беспомощно задержался, схваченный чем-то невидимым.

— Ну, не знаю, — бормотал Калла Малланик. — Уверен, что с азимутом все было в порядке, но, возможно, я неверно определил угол возвышения.

Зазвенела его серебряная тетива. Стрела, сияя правотой, справедливостью и гордостью эльфов, просвистела сквозь пустой воздух и явно вышла на траекторию к лунной орбите.

Восьмой наемник кубарем вкатился в дверной проем часовни. Внутренность церкви залило жемчужное сияние. Музыка, успокаивающая, как ванна теплого сиропа, тихо зазвучала в ночном воздухе.

Невидимая рука подбросила висящего в воздухе эльфа повыше. Тень затряслась в двумерной проекции неразличимой трехмерной реальности.

Невидимая дубинка пришла в соприкосновение с видимым наемником и с громким «чмок» отправила орущего эльфа в полет к закату. Ошметки его снаряжения и ну... всего остального сыпались вдоль траектории его полета, как фрагменты метеорита при ударе об атмосферу.

— Ты готова? — спросила Джэнси и подняла правый кулак в сторону воздуха над основанием тени.

— Я? — возмутилась Сомбризио. — Я весь этот чертов день была готова, не так ли? Это ты не...

— По воле этого перстня! — крикнула Джэнси. — Стань кроликом!

Невидимый великан остановился прямо возле сияния над развалинами церкви, хотя Джэнси не стала бы биться об заклад, что он собирается на этом остановиться. На мгновение угрожающе нависшая тень замерла. Затем повернулась, присела и прыгнула назад в том направлении, откуда появилась.

У подножия холма взлетела пыль, там, где существо коснулось земли. Оно прыгнуло еще раз, и еще раз. Линия гейзеров пыли уходила в сгущающиеся сумерки, и каждый из них отстоял от предыдущего на добрую сотню ярдов.

— Пресвятая Сиф, — пробормотала Джэнси.

— Неплохо, даже я так считаю, — сказала Сомбризио. — И как раз вовремя, могу добавить.

— Не жди, что я стану с тобой спорить, — ответила Джэнси.

Им придется подождать до утра, чтобы собрать припасы, разлетевшиеся по склонам холма, но во вьюках лошадей что-то должно было остаться. Джэнси подумала, что неплохо было бы чего-нибудь съесть прямо сейчас, чтобы утихомирить желудок.

Собранный на склонах холма хворост горел ровным, жарким пламенем в костре перед разрушенной часовней. Отсутствие ветра способствовало тому, что дым, пахнувший так, словно серу поджаривали на кошачьем дерьме, не беспокоил сидящих у огня.

Уцелевшим наемникам предстояло немало потрудиться, чтобы поддерживать огонь. Тонкие, как волосок, шипы на многих растениях вокруг горели, как угли, но Джэнси эта проблема не

касалась. Положение командира имеет свои преимущества.

Сейчас самым важным для Джэнси было то, что она очень ясно различала в пламени фигуры: В том числе и фигуру принцессы Риссы. Риссу не подвергали пыткам — совсем даже наоборот; но сцены, которые наблюдала Джэнси, когда забывалась и смотрела в огонь, были для нее пыткой.

Джэнси была уверена, что это образы, посланные демонами, а не настоящие картины того, что происходит в апартаментах принцессы в Калтусе. Ей даже в голову не пришло спросить у кого-то из остальных, что они видят в пламени. Сомбризио уже поразвлеклась за ее счет, выдав тайные мысли Джэнси, и Джэнси не собиралась снова возвращаться к этой теме.

Калла Малланик мрачно уставился на содержимое только что вскрытой консервной банки.

— Предполагалось, что это торт. Да им же можно гвозди забивать! Если Интендантская Служба так твердо решила нас наказать, разве нельзя было подсунуть в консервы чумные бактерии? Прежде еда всегда доставляла мне удовольствие.

— Не хочу сказать, что Атос нас подвел... — угрюмо заметил наемник-человек. Он тащил к костру куст, который слабо сопротивлялся и звал маму. — Но, по правде говоря, я надеялся, что он выступит с большей фантазией.

— Ну, не знаю, — отозвался один из эльфов, волоча за собой напоминающее дородную матрону растение; собственно, это и была мать первого куста. — Мне понравился тот всплеск. Иногда самые простые эффекты запоминаются больше всего.

— Отдай Атосу должное, Арамис, — вмешался наемник, сидящий по другую сторону костра от Джэнси. — Великан дал ему не слишком большую

возможность проявить себя. Нельзя сделать шелковый кошелек из свиного уха.

— Почему? — удивленно спросил эльф. — Очень простое протеиновое превращение. Если бы я этим занимался, то начал бы с коллагена и...

Беседа перешла на технические подробности. Наемник бросил в огонь маленький кустик. Треск, с которым он вспыхнул, привлек внимание задумавшейся Джэнси.

Она поспешно опустила глаза. Совершенно ясно, что принцесса Рисса никогда не была в столь тесных отношениях с африканским муравьедом.

Сквилл сидел в шпиле часовни. Лестница наверх выглядела небезопасной, казалось, по ней просто невозможно подняться, но связисту все же удалось взобраться туда, после того как он понял, что не может связаться с Калтусом ни из какого другого места на вершине холма.

Наверное, он в конце концов пробился, так как Джэнси в интервалах между воем атмосферных помех расслышала: «...двое убитых, но вражеское нападение отбито...»

Может, эта церковь действительно находится в долине. Только место больше походило на холм, когда Джэнси пыталась добраться до церкви раньше, чем великан доберется до нее.

Взгляд Джэнси снова привлекли дрожащие изображения. Она неторопливо поднялась и перешла на другую сторону костра. Села спиной к огню и стала смотреть в темноту.

Вдали, во мраке что-то блеснуло. Она не разглядела, на горизонте или ближе, так как луна и звезды скрылись за полосой облаков, таких же черных, как земля под ними.

Почва дрожала, хотя, с другой стороны, она тут всегда дрожит.

— Слушай, я не надеялся в полевых условиях получить утку в желе из апельсинового сока, —

говорил Калла Малланик куску торта. Похоже, того так же интересовали его комментарии, как и остальных присутствующих. — По крайней мере, не от людей. Но не вижу причин, почему бы не выдать нам цыплят-маренго. Господи, ведь цыпленок-маренго был специально разработан для походного рациона!

Джэнси снова заметила вспышки. Говоря точнее, она поняла, когда прищурилась, что медленно перемещающееся явление становилось то более, то менее ярким, но полностью не исчезало.

— Отшельник! — позвала Джэнси.

— Наверное, он дрыхнет в церкви, — высказал предположение один из наемников.

— Так приведите его сюда, — приказала Джэнси.

— Ваш парень не оплошал, — сказал наемник-человек сидящему рядом с ним эльфу.

— Меларил? — отозвался эльф. — Да, это была хорошая работа, правда? Особенно для юнца, которому в прошлый четверг исполнилось всего семьсот лет.

— Учтите, — сказал другой эльф, — что настоящую распадающуюся дугу выполнил только граф Алмазоносец Неустрашимый, когда любовь нимфы Арахнейды заставила его броситься в жерло вулкана Огонь Земли.

— Ну, я не знаю, — возразил человек. — Алмазоносец стал ярко-желтым от серы. Во всяком случае, его куски. Я всегда считал, что это лишило событие некоторой доли величия.

— Вовсе нет! — настаивал эльф. — Это только сделало его еще более уникальным. Сколько еще желтых распадающихся дуг ты можешь назвать? Хоть еще одну можешь?

— Ну, был еще Карл Трусливый, — хихикнул человек. — Когда он тайком покинул Замок Опасный через потайную калитку, не заметив, что

осаждающие уже подложили под нее зажженную петарду.

Наемник бросил в костер растение-мамашу. Из сухого, как трут, дерева взметнулись искры и языки пламени. Всем, кто находился поблизости, пришлось отскочить. Джэнси голой ладонью прихлопнула тлеющее пятно на своем камзоле и выругалась.

— Ах, — произнесла Сомбризио, — с каким нетерпением я жду интеллектуальных бесед, которые вскорости буду вести с жуками и окаменевшими деревьями в Антурусе.

Джэнси обернулась и заорала:

— Отше...

Отшельник как раз приседал на корточки рядом с ней. Его лицо находилось всего в трех дюймах от Джэнси, когда она повернулась и заорала в сторону церкви, где, как она считала, он все еще спал. Отшельник взвизгнул и повалился на землю.

Наемники прервали свою беседу. Калла Малланик по другую сторону от костра поднял брови.

— Извини, — пробормотала Джэнси, помогая отшельнику сесть. Сомбризио хихикала, как спятившая летучая мышь. На этот раз в увиденной Джэнси огненной картинке участники мужского пола носили одежду мусорщиков, то есть оставшуюся на них одежду.

— Да ладно, — пришел в себя отшельник. — Что вам угодно, госпожа Гейн?

Он выглядел покорным, в отличие от его обычной манеры «я безумно сердит». Когда с ним обращались нормально, этот человек становился невыносимым. Чтобы он вел себя как следует, с ним надо было обходиться как с половой тряпкой. Ну, Джэнси была как раз в настроении заставить его вести себя хорошо.

— Вон то, — сказала она, указывая на слабый блеск в темноте. — Что там такое?

Когда Джэнси сосредоточилась, ей показалось, что она слышит стон, доносящийся из темноты и идущий оттуда же; впрочем, это мог быть ветер, или ее воображение, или приглушенные голоса стоящих в очереди пассажиров, ожидающих рейсового автобуса, идущего через Томидор. Она не знала, что там такое.

— О, — ответил отшельник. — Это просто гора. Пусть она вас не беспокоит.

— Много ты знаешь, — фыркнула Сомбризио. Джэнси наклонилась вперед.

— Какая гора? — спросила она так громко, что растрепала его спутанную бороду. — Такая же, как та, на которой мы находимся?

— Или долина, — сказал отшельник, задирая голову, будто пьющий цыпленок. Он не хотел создавать излишних трудностей, просто хотел ответить поточнее, испытывая здоровый страх. — А, нет, это настоящая гора. — Он нахмурился: — Или была горой. Она бродит по Запустению много столетий, ищет какого-то парня по имени Магомет, и уже порядочно поистерлась, почти до размеров маленького холмика.

Джэнси снова взглянула на восток. Вероятно — на восток.

— Кто, во имя ада, такой...

Ей не следовало произносить «ад», так как это вернуло ее мысли к огню.

— ...этот Магомет?

Отшельник пожал плечами:

— Понятия не имею. Конечно, у гор нет совсем никаких мозгов. Подозреваю, эта гора попала совершенно не в свое пространство-время и с тех пор так тут и бродит.

— Запустение Томидор притягивает всяких типов, которые не умеют отличить дырку в земле от собственной задницы, — заметила Сомбризио. И для большей выразительности пукнула.

— Ладно, но что значит это... это свечение, эти вспышки? — спросила Джэнси. Она была внутренне уверена, что этот свет прямо у нее на глазах придвигается все ближе. Разумом она понимала, что слабое мерцание света не позволяет точно оценить расстояние.

— Ну, — сказал отшельник, — это гора, поэтому она состоит из камня. Когда камень подвергается нагрузке, флогистон, заключенный в кристаллической матрице, сперва выделяется, а потом поглощается обратно. Когда содержание флогистона в окружающей атмосфере возрастает, то это вызывает свечение эфира.

— А-а, — произнесла Джэнси, притворяясь, что поняла его объяснение. Она была знакома с флогистоном не больше, чем с честными политическими деятелями.

— Он изучал алхимию на третьем курсе, пока не дал тягу из Квиберона от судебных исполнителей, — пояснила Сомбризио.

— Она просто бродит взад-вперед по Пустыне, — сказал отшельник, притворяясь, будто не слышал слов перстня. — Эта гора бродит. Совершенно безобидная. Если, разумеется, вы уберетесь с ее пути.

Теперь, когда Джэнси объяснили, что происходит, она поняла, что это похоже на массу камней, медленно перекатывающуюся через... ну, перекатывающуюся через все, что оказывается у нее на пути.

— Это все, госпожа? — смиренно спросил отшельник.

— Да, — ответила Джэнси. — Иди поспи.

Если как следует прислушаться, в ворчании горы звучали жалобные нотки, которые вполне могли складываться в имя Магомета...

С восточной (предположительно) стороны гребень водораздела был сух и лишен растительности,

если не считать ядовитых кактусов, покрытых острыми, как стеклянные осколки, колючками. С противоположной стороны раскинулось болото.

— Традиционалисты утверждают, что водоносный слой проходит по сжатым слоям лежащих под ним скальных пород, — произнес отшельник. — Мои изыскания, однако, указывают, что Запустение потеет.

Черная, как сердце банкира, вода вокруг кочек булькала. Болотный тростник стоял мертвый и серый, а существа, бродившие среди него, были скелетами в перьях, а не живыми птицами.

— Именно в таком месте, как это, я спасла принцессу Риссу из Драконьего Плена в Гибельной Трясине, — произнесла Джэнси, вслух предаваясь воспоминаниям.

— Ты спасла? — встряла Сомбризио. — О, конечно, полагаю, это ты висела на пальце у принцессы и превращала драконов в гигантских жаб с такой скоростью, что потом голова кружилась три дня!

— Не думаю, что тут есть Драконий Плен, — заметил отшельник, озабоченно вглядываясь в болото. — Говорили что-то о племени человекожаб, но, кажется, так и не выработали все детали контракта.

— Можно задать вопрос, сэр? — произнес один из наемников. — Госпожа, то есть. Какие наемники вас тогда сопровождали? В Гибельную Трясину?

— А, — ответила Джэнси. — Перед этим мы столкнулись с небольшой проблемой, видишь ли. С Убийственной Виноградной Лозой из Силоама.

— По правде говоря, — признался Калла Малланик, — мы израсходовали весь запас наемников до того, как добрались до Гибельного Болота.

— Признаю себя виноватой в том, что неполнила вовремя запас, — сказала Джэнси.

Калла нахмурился:

— Ну, все равно, возникли проблемы с набором добровольцев в Сандозе, когда мы пустились в путь.

— Их герцог выступил в поход на Церчингию сражаться против трехглавой людоедихи и ее приспешников, — пояснила Джэнси. — В Сандозе ощущалась нехватка воинов, если только мы не собирались ждать, пока созреет новый урожай пятнадцатилеток.

— А, — печально произнес наемник, кивнув убеленной сединами головой. — Ну, наверное, такой героине, как вы, госпожа, лучше знать. Но для такого простого народа, как мы...

Он выпятил покрытую седой растительностью челюсть в сторону следующих за ними наемников.

— ...героический поход представляется не совсем героическим, если в нем не участвуют соответствующие наемники.

Другой наемник, на этот раз эльф, энергично кивнул головой:

— А мне еще очень хочется, чтобы в походный паек включали немножко клюквенного соуса.

Джэнси смущенно поморщилась.

— Ну, мы наняли прекрасных наемников, как только получили возможность, — сказала она. — На самом дне квартала для иностранцев в Борок-лосте. Отчаянные ребята, готовые убить собственную бабушку, чтобы только посадить принцессу Риссу на трон в Калтусе.

— Двоих, — произнесла Сомбризио. — Двоих наемников. Раз, два.

— Но они действительно были очень отчаянные, — мягко сказал Калла. — Я лично не чувствовал себя спокойно, когда поворачивался к кому-нибудь из них спиной.

— Не очень-то впечатляющая охрана, — сказала Сомбризо.

— Что вы хотите? — воскликнула Джэнси. — Мы были на бобах, не так ли? Несколько месяцев бродили от одного проклятого замка до другого, от одного населенного монстрами озера, до другого, не говоря уже о Запустении Томидор. Нам что, надо было переплавить тебя, чтобы заплатить за шайку наемников?

— Гм, — отозвалась Сомбризо. — Хотела бы я поглядеть, как вы меня расплавите. Если ты полубогиня Третьей Эпохи, то я — миска с супом.

Похоронный звон раздался из глубины покрытого туманным саваном болота. Щебечущий смех птиц-скелетов смолк; сухие стебли тростника задрожали при полном отсутствии ветра.

Джэнси Гейн развязала ремешок, крепящий ее щит, затем взяла в правую руку Кастратор. Повела плечами, расслабляя мощные мускулы плеч, чтобы при необходимости быть готовой мгновенно среагировать.

— Ладно, — произнесла она. — Теперь мы спустимся в болото.

— Боже правый! — воскликнул отшельник. — Зачем, ради всех святых, нам это делать?

Джэнси помолчала, чувствуя, как ее благородная осанка постепенно теряет твердость.

— А? — спросила она. — Ну, чтобы смело продолжить путь к Затерянному Городу Антурусу и завершить наш героический поход, разумеется.

— Да, это конечно, — ответил отшельник, едва сдерживая отчаяние, — но мы не сможем пройти через болото. Эти кочки, они не выдержат человека.

— А как насчет лошадей, а? — фыркнула Сомбризо. — Они провалятся так глубоко, что вам придется ставить их друг другу на спину, чтобы уши верхней показались на поверхности!

Джэнси воткнула Кастратор обратно в ремни с силой, которую она с большей охотой приложила бы к более заслуживающему того объекту.

— Тогда зачем, — заорала она, — ты привел нас сюда? Полюбоваться видами Запустения Томидор, что ли?

— Ну нет, я намеревался пройти по вот этому твердому гребню, — ответил отшельник. — Видите ли, по нему удобнее идти, чем там, внизу.

Отшельник поскреб носком сандалии по земле. Поверхность была твердой, как бетон. Соли, оседавшие во время периодических наступлений болота, образовали прочное соединение с легкой почвой.

Джэнси вспомнила, с каким трудом она вызволяла Сомбризио от глиняной рубашки, когда их преследовал невидимый великан.

— А-а, — сказала она. — Ну тогда пошли.

— Ума палата, — произнесла Сомбризио в нос, растягивая слоги и подвывая. Судя по непрерывным взрывам ее насмешливого хохота, должно быть, это была какая-то шутка.

Небо напоминало раскаленную духовку. День уже должен был клониться к вечеру, но Джэнси не видела солнца с тех пор, как ее отряд поднялся на гребень.

Болото справа булькало и содрогалось. Один раз Джэнси случайно посмотрела в том направлении, когда на поверхности воды разверзлась дыра тридцати футов в диаметре. Это мог быть лопнувший пузырь, конечно, но она была уверена, что заметила зубы в глубине водяной глотки.

Дыра захлопнулась. Выгаращенные глаза размером с умывальный таз мигнули на Джэнси и снова закрылись.

Она поморщилась и отвернулась. Отряд шел дальше.

Вихрь мелкой пыли поднялся в воздух слева. Он выписывал зигзаги в направлении, примерно параллельном гребню. Вращающийся конец воронки прочерчивал на земле широкую линию. Змея, покрытая чешуей цвета огненных опалов, вылетела, крутясь, из пыли, в бессильной ярости пытаясь ужалить воздух.

Джэнси остановилась.

— Что это? — спросила она, указывая пальцем.

— Просто пылевой дьявол, — ответил отшельник.

— Но ведь ветра нет, — резко возразила она.

Первоначальная воронка уже разрушалась на расстоянии полумили от них, но слева от гребня, со стороны пустыни возникли еще четыре похожих вихря. Они двигались в унисон, будто были режущими инструментами, обтачивающими поверхность почвы.

— Я не говорил, что это ветер, — с раздражением возразил отшельник. — Я сказал, что это пылевой дьявол. И явно не один. Иногда осенью они клубятся, словно тучи саранчи.

Каждый из отдельных пылевых дьяволов вырастал из совокупности мини-вихрей, которые по мере вращения становились все больше. Воронки поднимались в воздух на несколько сотен футов. Их очертания, сперва почти прозрачные, становились желто-серыми, а затем черными, по мере того как вихри засасывали в себя почву.

— Они совершенно безобидны, разумеется, — прибавил отшельник. В его голосе звучало легкое сомнение. — Для людей.

Кактус-опунция яростно хлопал своими колючими листьями. Растение то ли пыталось вылететь из вихря, то ли заставить схватившую его воронку отпустить его. Пылевой дьявол лениво повлек свою случайную жертву вверх.

— Давайте двигаться дальше, — приказала Джэнси.

— А чья вообще это идея — остановиться и поглазеть? — осведомилась Сомбризио.

Тяжело нагруженные землей, которую они проглотили, дьяволы отошли дальше в пустыню и выплюнули свою пищу недалеко от наблюдателей. В полумиле от отряда Джэнси на только что ровном месте начала расти новая гряда.

Калла Малланик нахмурился. Он смотрел не на пылевых дьяволов, а на землю, которую они подметали по расширяющейся дуге.

— Глядите, — сказал эльф. — Там, внизу, что-то есть!

Затем прибавил:

— Там внизу много чего есть!

Там, где пылевые дьяволы выметали почву, возникали останки армии, погребенной в стоячем положении. Заостренные стальные шлемы — на некоторых сохранились потрепанные ленты, привязанные к наконечникам. Алебарды и гизармы, лезвия которых были выкованы в причудливой форме и украшены узорами из золота, меди и богатой черной эмали.

А под шлемами виднелись полусгнившие лица, скрытые вуалями из посеребренной кольчуги.

— Бежим! — закричал отшельник и первым последовал собственному совету. — Это погребенная армия Ворошека — Крайне Вспльчивого-Четвертого!

Это была армия, не меньше. Целых полмили поля, которое расчистили пылевые дьяволы, было усеяно высохшими солдатами. Джэнси не могла определить, на какое расстояние боевые порядки тянулись вдоль гребня, по которому двигался отряд, но вынуждена была предположить, что достаточно далеко.

— Но они же мертвые, правда? — спросила Джэнси, припуская бегом вслед за отшельником.

— Не совсем! — ответил он, пыхтя и выгалкивая из себя по слову, всякий раз как его правая пятка ударялась о землю. — Но они передвигаются не слишком быстро!

Вместе с армией были мумифицированы сторбившие плечи мамонты. Их длинная шерсть, выцветшая добела за время погребения, опала горстями, когда звери начинали двигаться. Позолоченные паланкины покачивались на спинах мамонтов, но тетивы луков сидящих в них лучников давно сгнили.

Когда пылевые дьяволы всосали лесс, покрывавший ноги солдат Ворошека, армия медленно двинулась к гребню, по которому отряд Джэнси к этому моменту уже бежал со всех ног. Мрачная угроза наступающих мумий была очевидной.

— Они нападают на нас потому, что мы из Фолтейна? — спросила Джэнси. — Я лично не из Фолтейна.

— Я-то уж наверняка не из Фолтейна! — согласился с ней Калла Малланик. Эльф достал стрелу, но не был расположен стрелять. Мишеней было слишком уж много, и маловероятно, чтобы стрела причинила воинам больший ущерб, чем три века, уже проведенные под землей.

— Во всяком случае, когда началась эта заварушка, мы даже еще не родились, — сказала Джэнси.

— Послушайте, каждый член династии Ворошеков назывался «Вспыльчивым»! — прокричал отшельник. — Какие у вас основания считать, что последний представитель этой линии нуждается в причине для того, чтобы скормить нам наши собственные кишки?

Так как граница территории, охваченной пылевыми дьяволами, являлась концом опасного участка — если за пределами этой полосы и были погребенные солдаты, то с ними было все в порядке: они оставались погребенными, — Джэнси

решила, что ее отряд сможет прорваться. Мумии двигались медленно и неторопливо, а склон уплотненного солью водораздела был так же крут, как стена замка, особенно теперь, когда вихри вынули всю почву рядом с ним.

С другой стороны, мумии были хорошо обученными солдатами. Они уже начали формировать боевые порядки в виде черепахи, кладя прямоугольные щиты себе на спину. Следующие подразделения взбирались на нижних солдат и образовывали следующую ступеньку, позволяя подняться очередным мумиям еще выше.

А мумий этих там была чертова уйма, что да — то да.

Джэнси сняла с правой руки Сомбризио и отдала перстень Калле.

— Возьми и иди, — приказала она. — Я займусь делом.

Она отвязала щит и вытащила из петель у пояса свой большой топор Кастратор. Ее отряд должен был почти успеть добраться до края опасной зоны раньше, чем солдаты Ворошека вскарабкаются на гребень.

Почти.

Пара мумий встала на спины своих товарищей и преодолела остаток расстояния до вершины гребня. Они тянули свои похожие на палки руки к ногам Джэнси. Эти передовые не представляли для нее опасности; она могла перепрыгнуть через алебарды и добежать до безопасного места. К тому времени, однако, как последний воин ее отряда вместе с вьючными лошадьми дотрусит до цели, эти двое станут целым взводом.

Кастратор снес головы обеим мумиям. Их шеи высохли как палки. Несмотря на острое лезвие топора, плоть разлетелась в щепки. А тела продолжали карабкаться на гребень. Джэнси толчком ноги сбросила их в сторону, опрокинув вниз дважды мертвых. Их падение развалило много-

ступенчатую пирамиду, словно карточный домик. Трупы рассыпались, подобно соломенным тучелам. Ударяясь о землю, некоторые тела разваливались на куски и превращались в кучки конечностей и праха. Но даже они слабо дергались, пытаясь выполнить неслышные приказы Ворошека.

Словно волна, которую гонит на дамбу напор штормового ветра, еще одна группа мумифицированных солдат вскарабкалась на гребень перед отрядом. Сквилл и отшельник резко остановились перед смертоносным препятствием.

Пара наемников пронеслась мимо Джэнси, пока она была занята. Они опрокинули мумий по обеим сторонам от Каллы Малланика.

Калла поднял сжатую в кулак руку с кольцом и крикнул:

— Ты мертвец!

Солдат Ворошека нелегко было в этом убедить, как Джэнси уже видела, но Сомбризио оказалась на высоте. Мумия приняла силу ее неудовольствия на грудь и сложилась, при падении рассыпавшись в пыль внутри своих доспехов.

Единственная проблема Сомбризио — как оружие, разумеется, — заключалась в том, что она воздействовала индивидуально. Если хотите разбить армию — а Джэнси очень хотелось разбить армию, — вам приходится убивать солдат по одному. А это недостаточно быстро.

Наемник-человек бросился на лес копий в руках мумий. Эта банда была первоначально вооружена пиками с коротким лезвием. Со стоном «Смерть и Слава!» наемник ухитрился закрыть своим телом поддюжины наконечников, выведя оружие из строя до тех пор, пока его не вытащат обратно.

Наемник-эльф прыгнул на расчищенное веком место, размахивая саблями в обеих руках.

Но не успел он нанести свой первый удар, как одна из мумий разрубила доспехи эльфа, сплетенные из трав, которые топтали ногами эльфийские девы, танцующие в честь Богини на празднике Самхейн.

Гизарма мумии глубоко вонзилась в живот эльфа. Крюк на конце вышел наружу с мотком кишок.

Мумия дернула оружие обратно изо всех сил своих еще сохранившихся мускулов. Эльф поднял большой палец левой ноги к правому колену, поднялся на цыпочки и сделал пируэт. Его сабли взвизгнули, вырезая широкий круг в рядах армии Ворошека, словно нож мясорубки. Лезвия выкованной эльфами дендритной стали укоротили ближайших к нему мумий на несколько тонких ломтиков.

Завершив свой маневр, наемник грациозно поклонился и упал. Из него получился очень тонкий труп.

Калла Малланик обрушил живую лестницу, по которой взбирались подкрепления, распылив мумии у края нижнего слоя с помощью Сомбризио. Ну и ну, если уж мумию убивали, она становилась совсем мертвой. Внутри зазубренных лат и прочего обмундирования не оставалось ни единой косточки, ни одного фрагмента скелета.

Однако еще оставались мумии, которые стояли между отрядом Джэнси и безопасностью. Джэнси вышла вперед и взвизгнула: «Принцесса!», издав свой боевой клич, чтобы покончить с этой проблемой.

Три копыеносца нацелили в грудь Джэнси свои копья, а четвертый мумифицированный солдат обрушил гизарму на ее рогатый шлем. Джэнси сжала в левом кулаке две близко расположенные ручки своего щита.

Она отбросила копья в сторону мощным краем щита. Один наконечник распорол мышцы

левого предплечья на протяжении восьми дюймов, но в возбуждении Джэнси этого даже не заметила. Она шагнула внутрь дуги, описываемой гизармой, и подняла свой бородатый топор.

В Кастраторе соединились тяжесть и сила удара топора с длинным и острым лезвием меча. Удар Джэнси всадил лезвие топора в шею и плечо воина, который орудовал гизармой. На нем была кольчуга из высококачественной плетеной стальной сетки. Большая часть двойных спаянных колец выдержала удар, но сушеная плоть внутри порохом вылетела из горловины и подмышек, словно взорвалась.

Мумия продолжала наступать. Гизарма упала, ее все еще сжимала отрубленная рука. Так как у обезглавленного солдата не было глаз, то, сделав несколько шагов, он нырнул в болото. Что-то его проглотило, затем удовлетворенно рыгнуло.

Джэнси ткнула одну мумию в лицо острым наконечником выступа на щите. Существо упрямо перехватило пику поближе к концу, чтобы пронзить деву-щитоносицу, поскольку она оказалась слишком близко для нормального удара пики.

Кастратор с хрустом врезался в левое колено мумии. Джэнси согнула руку со щитом и отшвырнула лишенный равновесия полутруп с гребня вниз, обратно в пустыню. Вероятно, он снова вскарабкается наверх, несмотря на отсутствие ноги, но, к тому времени как он доберется до гребня, это уже не будет иметь значения.

Джэнси шагнула вперед. Вокруг нее кишмя кишели мумии. Солдаты Ворошека были неуклюжими, их оружие на длинных древках не годилось для ближнего боя, но их все равно было очень много.

Слишком много, если бы она позволила себе над этим задуматься, но в схватке Джэнси Гейн руководили рефлексы и жажда крови.

Она наотмашь разила Кастратором направо, а краем щита — налево, уравнивая удары с обеих сторон. Острие на выступе щита действовало не столь эффективно против мумий, как против живых — в полном смысле слова живых — противников. Тогда она стала бить краем щита по их глазам, разбивая провалившиеся глазные яблоки и кости глазниц. Эта тактика, по-видимому, оказалась успешной, так как один солдат остановился и, топчась на месте, начал неуверенно тыкать в воздух своей алебардой.

Наемник-эльф сражался в кольце врагов по другую сторону от гребня. Удар гизармой отрубил ему обе ступни.

— Смерть и Слава! — воскликнул эльф, шагая вперед на щиколотках. Он оставлял за собой круглые лужицы золотистого ихора*. Его крис с волнистым лезвием одним ударом обезглавил пару мумий.

Та мумия, которая отрубила наемнику ступни, согнулась и со свистом нанесла еще один удар своей гизармой. На этот раз солдат постарался изо всех сил. Широкое лезвие, на котором была изображена сцена, где профессора поедают мозг своего коллеги, который не смог использовать инклюзивный язык, отрубило ноги эльфа по колени.

— Я еще и не начал сражаться! — воскликнул наемник, делая еще один короткий шаг вперед. Его крис вспорол очередного мумифицированного солдата. Мумия нагнулась, чтобы рассмотреть урон, тем самым подставив шею под следующий удар криса.

Гизарма описала еще один широкий полукруг, разбрызгивая золотистые капли с загнутого конца лезвия. У Джэнси было слишком много своих

---

* Ихор (греч. миф.) — жидкость, заменяющая кровь в венах богов.

забот, чтобы проследить за результатом, но она могла бы поклясться, что наемник ухитрился прикончить по крайней мере еще одну мумию, подпрыгивая на костях таза.

Джэнси, в свою очередь, взвела и крутанулась на пальцах правой ноги, описывая в воздухе восьмерку Кастратором. В высшей точке дуги топор обезглавил парочку солдат Ворошека. Когда лезвие опустилось, оно подрезало одну мумию по колени и еще одну — по щиколотки.

Двое последних все еще представляли некоторую опасность. Когда мумии свалились на землю, Джэнси раздавила их черепа в пыль подошвами своих кованых сапог.

О ее шлем звякнула гизарма и прошлась лезвием по спине. На мгновение глаза Джэнси заволокло туманом. Она резко обернулась и рубанула горизонтально по хрупкому черепу мумии на уровне глазниц.

— Я его держу! — закричал наемник-человек. Джэнси оглянулась через плечо. Наемник отпрыгнул в сторону, беспорядочно размахивая руками, чтобы отвлечь мумию, которая пыталась ткнуть своей алебардой с пикой на конце в спину Джэнси. — Я его...

Крак!

На наемнике была надета кираса из вареной кожи. Пика, квадратная в сечении и поэтому прорезавшая дыры с четырьмя краями под девяносто градусов, на ладонь вышла из его спины.

— Гораздо, гораздо лучше я справляюсь... — произнес наемник.

Джэнси обезглавила мумию, которая пыталась вытащить алебарду из груди парня.

— ...чем когда-либо прежде.

Калла и Сомбризио прикончили мумифицированного солдата. Он рухнул и превратился в кучу тряпья, ржавых доспехов и облачко запаха кедрового масла. Этот был последним из солдат, пре-

граждавших им путь, хотя вся линия гребня позади отряда людей теперь кишела солдатами Ворошека. Мамонты тоже шагали к гребню. Их паланкины свалились, когда лопнула сгнившая кожа упряжи.

— Вперед, вперед, — пробормотала Джэнси. Остаток ее отряда уже несся вперед со скоростью, которую не могли развить мумифицированные мускулы. Калла Малланик предложил Джэнси руку, зная, что последствием безрассудной ярости бывает сон, глубокий, как смерть — а сон в такой момент был бы верной смертью.

Они, спотыкаясь, бежали по твердой поверхности водораздела. Все, за исключением того, что находилось прямо перед ней, исчезло в сером тумане усталости. Взгляд Джэнси на окружающий мир свелся к заднице гневной выючной лошади, которая то и дело задирала хвост. Не хватает только, чтобы это животное собиралось наложить кучу именно сейчас.

— А вот многие, — пропела Сомбризио голосом, скрипящим, словно серебряная точилка для мелка, — после того как их жизни были спасены волшебным перстнем, сказали бы: «О, как бы нам отблагодарить этот перстень?» А другие, конечно, подумали бы: какого черта, давайте запишем нашу благодетельницу в самый затерянный город, какой только сможем отыскать...

Когда климат изменился, упавшее дерево было погребено лессом, но не окаменело. Собственно, судя по тому как дерево стонало, когда огонь костра проник внутрь ствола, оно даже мертвым по-настоящему не было.

Ну, к утру оно станет мертвым, за исключением, возможно, кончиков ветвей.

Сквилл сидел на корневище дерева, слегка отшатываясь, когда тонкие корешки извивались вокруг него в агонии. Пылевые дьяволы, возможно, те же самые, которые откопали армию Ворошека,

совсем недавно очистили от лесса это дерево. Для путешественников это было большой удачей. Однако нет такого блага, которое не обернулось бы для кого-нибудь злом: дерево вовсе не испытывало радости от такого поворота событий.

— Позывной «Крылатый Дракон-2» — базе «Крылатый Дракон», — повторял связист. — Отвечайте, прием. — Но ему отвечало только завывание атмосферы.

— Черт бы его побрал! — выругалась себе под нос Джэнси. — Не такое это место, где мне хотелось бы слушать, как воют души во тьме!

— Сквилл говорит, что ему придется вызывать их всю ночь, — мягко сказал Калла Малланик. — Его чары плохо распространяются при свете солнца. Демоны связи стесняются заниматься любовью при дневном свете.

— Кого, Хел побери, волнует, распространяются ли чары? — осведомилась Джэнси. — Я не стану возражать, если он засунет эту свою двенадцатифутовую волшебную палку прямо в свою специализированную задницу!

— Не хорони меня там... — пели четверо уцелевших наемников слаженно, как в парикмахерской, — ...в одинокой прерии...

— Пресвятая Сиф, интересно, у нас когда-нибудь истощится запас наемников? — пробормотала Джэнси. Мысли ее метались в диапазоне от мрачных вообще до мрачных о конкретных проблемах, которые она не в силах была решить.

— Где воют койоты... — пели наемники, словно пропащие души в приемнике специалиста по связи. — ...та-а-ак грустно.

— О, по-моему, все будет в порядке, — успокоил ее Калла.

— Как ты думаешь, здесь есть поблизости таверна, где мы могли бы пополнить их запас, если бы возникла такая нужда? — спросила Джэнси. — Отшельник! Здесь где-нибудь есть таверна с на-

емниками? Меня не волнует, если они окажутся не того сорта.

— Ну, не очень-то поблизости, — с сомнением признался отшельник. — Собственно говоря, довольно далеко, сказать по правде.

Джэнси выругалась. И стала ломать руки, чтобы выпустить часть слепой ярости, не повредив никого из окружающих.

Почти никого.

— Эй! — воскликнула Сомбризио. — Вот как ты обращаешься с перстнем, который спас твою жалкую жизнь, да?

— Прости, — извинилась Джэнси, разжимая руки.

— Ей нельзя повредить сжатием, — рассудительно заметил Калла Малланик. — Ты не смогла бы повредить ей, даже если бы целый день была по ней молотом на наковальне.

— О, прелестно! — отозвался перстень. — У Сомбризио нет чувств, не так ли? Давайте будем трепать ее своими грязными руками. Или еще лучше, можно стукнуть ее молотком!

— Я же извинилась! — сказала Джэнси.

— ...ответьте, база «Крылатый Дракон», от...

— Сквилл! — зарычала Джэнси. — Ты заткнешься, черт возьми, или хочешь, чтобы я скормила тебе этот рюкзак со всеми кристаллами?

— Джэнси, он должен посылать сообщения, — сказал Калла. — Иначе не останется записей для грядущих поколений.

— Грядущие поколения могут идти в задницу, — ответила Джэнси, но произнесла это тихо, явно стыдясь своей вспышки.

— Продолжай, Сквилл! — крикнул Калла. — Только постарайся побыстрее закруглиться, ладно?

— Позывной «Крылатый Дракон-2» — базе «Крылатый Дракон», — произнес искусник. На этот раз в его голосе звучало тихое отчаяние. Повторяющийся призыв Сквилла меньше действовал

на нервы, чем визг атмосферных помех, похожих на скрип ногтями по стеклу; по крайней мере, он делал все, что в его силах.

— Нужно иметь записи, — сказал Калла. Он похлопал по мощной, покрытой шрамами руке Джэнси. — На тот случай, если придется в будущем повторить наше путешествие, чтобы снова найти Сомбризио при возникновении новой ужасной опасности.

— Можно было просто держать Сомбризио в удобной шкатулке для драгоценностей в Калтусе, — с горечью произнесла та. — Но нет, это было бы слишком просто, не так ли?

— Ну, не вижу причин для этого, — ответила Джэнси. — Я хочу сказать — подвиг есть подвиг. Если в мире опять появится невообразимое зло, тогда какой-нибудь герой снова будет бороться с лишениями, соблазнами и подлыми ловушками злых кодунов. Вот и все.

Это говорило ее мрачное расположение духа, хоть она и не сказала ничего такого, о чем частенько не размышляла бы раньше.

— Ну да, но этот подвиг будет...

— О, хватит с меня этой чепухи, — перебила Джэнси. — Мне все равно, будет ли этот маршрут записан на полусгоревшем палимпсесте, найденном в развалинах дворца, или выгравирован на крученом ожерелье из неизвестного металла, извлеченном из могилы давно забытого царя, или начертан пылающими буквами на камне пальцем невидимого духа. Героический поход — вот что важно.

— Традиция важна, госпожа Гейн, — с упреком произнес Калла Маланик. Благодаря своей долгой жизни (это, разумеется, не относится к тем эльфам, которые избрали профессию наемников у могущественных героев), эльфы были большими почитателями традиций.

— Традицией является то, что герои отправляются совершать подвиги, — упрямо возразила Джэнси. — Они либо добиваются триумфа, либо складывают свои головы, и их кости служат суровым предостережением тем, кто придет потом. Все остальное — всего лишь очковтирательство.

— Безответственная тевтонка, — пробормотал Камла со вздохом. Было совершенно очевидно, что эта беседа ни к чему не приведет, поэтому он ее прекратил. Некоторое время оба сидели молча, и тишина прерывалась только храпом лежащего рядом отшельника.

Наемники, сидящие по другую сторону от корневища дерева, уже перестали петь. Теперь они ковырялись в банках с консервами с вполне понятным отсутствием энтузиазма.

— Я действительно разочарован Портосом, — сказал седеющий ветеран. Он был неформальным лидером среди контингента наемников-людей, который теперь сократился до него самого и юнца, который сообщил, что он из Бруклина.

— А я говорю, что он великолепно справился с делом, — возразил старший наемник-эльф. — С точки зрения людей, конечно. Вы видели, как он расставил ноги, чтобы остаться стоять, опираясь на алебарду, когда его мертвое тело уже окоченело?

— Конечно, — ответил седеющий ветеран, — это все хорошо. Но он применил фразу «Гораздо, гораздо лучше я справляюсь» в неподходящем контексте.

— Поступок — сам по себе контекст! — не согласился с ним главный эльф. — Нельзя же приносить контекст в деяние из окружающей среды.

— И кроме того, — вставил юнец из Бруклина, — зная Портоса, — может, это и было гораздо

лучше. И все же теперь, когда его нет, я сожалею, что обозвал его висячим растением.

— А вот это, — сказал ветеран, помахав пальцем перед лицом юнца, — ясный пример Автобиографического Заблуждения! И потом...

Он снова повернулся к эльфу:

— ...окружающая среда для деяния — вся Вселенная. Кто из нас может заявить, что отделился от окружающего мира?

— Ну, с точки зрения абсолюта я согласен, — вступил в разговор до того молчавший наемник. — Но с точки зрения эльфийской реальности...

Юнец из Бруклина вытащил губную гармошку. И начал наигрывать «Лорену», тихо аккомпанируя стоном горящего дерева.

Джэнси сплела пальцы, стараясь не закрыть Сомбризио, и произнесла, обращаясь к своим рукам:

— Знаешь, что меня по-настоящему достает? Несправедливость всего этого.

— Гм-м? — промылчал Калла Малланик. Он уже давно понял, что если игнорировать Джэнси Гейн, то она выйдет из себя и сделает нечто такое, что заставит обратить на нее внимание, и еще как. Пассивная агрессивность с большим топором — это не шутка.

— Я спасала жизнь и добродетель принцессы Риссы, должно быть, десятки раз, — горько продолжала Джэнси. — И вот я здесь, в Запустении Томидор, глотаю сухой паек.

— Правильно, — неожиданно произнесла Сомбризио. — И когда же это принцесса говорила тебе: «Джэнси, детка, меня понадобится чертовски много спасать. Нанимаю тебя для выполнения этого поручения, имея в виду перспективу отдать тебе руку и сердце после того, как мы преодолеем все эти ужасные опасности», а?

— Ну, этого, конечно, не было, — смущенно ответила Джэнси. — Но я действительно...

— И что касается спасения, — продолжала Сомбризио таким пронзительным голосом, который разбудил бы собак на три мили окрест, если бы в Запустении водились собаки. — Насколько я припоминаю, спасения было не меньше с одной, чем с другой стороны. Не меньше, уж точно, поскольку именно у принцессы на пальце была я.

— Ну, с этим я согласна, — призналась Джэнси. — Но все же мы были товарищами по несчастью, и вот она послала меня... — Она повела рукой: — ...сюда!

— Собственно говоря, — заговорил Калла, раз уж Сомбризио вытянула Джэнси из холодной самоуглубленности, — приказ был отдан принцем Рэнго. И мне показалось, что это скорее подразумевалось, а не было, ну, официальным приказом.

— Точно! — согласилась Сомбризио. — Знаешь, эльф, иногда мне кажется, что у тебя все же мозгов, как у брюквы. Эй, ты! Дева с топором! Ты ведь героиня, правда?

— Тебе ясно сказано, что это так, черт побери, — мрачно подтвердила Джэнси. Она злобно уставилась на перстень, явно прикидывая, действительно ли метеоритное серебро неуязвимо для стального лезвия Кастратора.

— Итак, если принцесса Рисса действительно твой друг, — продолжала Сомбризио, — что она должна была сказать? «Мой жених ищет героя, чтобы отправить его в некий опасный поход, который принесет этому герою вечную славу, но я ему сказала, что предпочитаю оставить тебя во дворце и завернуть в ангорский пух». Так она должна была поступить, ты, тупица?

— А! — произнесла Джэнси Гейн.

— Совершенно верно, «А!», — согласилась Сомбризио. — А теперь поспи немного, ладно? Я устала смотреть на твою уродливую физиономию.

Очевидно, Сквилл наконец-то связался с Калтусом, потому что слез с корневища, завернулся в плащ и лег по другую сторону костра. Двое наемников заняли пост у края освещенного огнем круга, чтобы сторожить лагерь. Другая пара тихо затянула песню «Долог, долог путь пред нами».

Ни песня, ни боль в перевязанных руке и плече не помешали Джэнси уснуть. Она провалилась в мертвый от усталости сон, словно камень, падающий в океанскую пропасть.

— Эй, влюбленная девица! — пропищал чей-то голос. — Проснись! Меня от твоих снов тошнит!

— Что? — вскинулась Джэнси. — Что...

На втором слоге она уже стояла на ногах, занеся Кастратор для удара. Два быстрых взмаха, и ее левая рука запуталась в коротком плаще, в котором она спала. Только после этого она проснулась окончательно и поняла, что это Сомбризио прервала ее сон, весьма далекий от любовных приключений.

— Ты и Рисса, — сказала Сомбризио. — Фу!

— Это ложь! — воскликнула Джэнси. — Это...

— Стража! — закричал Калла. Теперь уже проснулись все, от крика Джэнси, если не от пронзительного голоса Сомбризио. Могучий эльф нацелил свой лук с наполовину натянутой тетивой в землю у ног.

— Где вы, во имя Всех Кормящей Матери-Силы?

Ветер разогнал высокие тучи, и луна залила своим грозным светом пейзаж. Караульные, человек и эльф, находились в сотне ярдов от затухающего света костра. Человек помахал рукой. Больше во тьме ничего не шевелилось.

— Нам показалось, будто мы что-то слышали! — крикнул наемник. — Но здесь ничего нет.

Земля вздрогнула, что вызывало тревогу, которая не становилась слабее от того, что отряд уже привык к этому, пока пересекал Запустение. Стреноженные вьючные лошади вели себя беспокойно.

— Бежим! — взвизгнул отшельник. — Это гора!

У ног стоявших в карауле наемников почва вспучилась, словно ее поднял гигантский червяк.

Человек повернулся и вскрикнул. Поднимающийся утес перетек через него, рассыпая пьезоэлектрические искры. Килотонны камней расплющили наемника и его снаряжение до толщины молекулярной пленки.

— Спасайте припасы! — приказал Калла Маланик. Он знал так же хорошо, как и все остальные, что времени нет ни на что, кроме бегства, но также знал, что рассчитывать на щедрость Запустения Томидор означает обречь себя на медленную смерть.

Джэнси переложила Кастратор в левую руку. Потом вытянула сжатую в кулак руку с Сомбризио на пальце навстречу горе, словно приветствуя ее, и воскликнула:

— Ты окаменела!

Чары на гору нисколько не подействовали.

— Смерть и... — караульный эльф успел сделать два шага обратно к лагерю. Камень, почти такого размера, как голова наемника, упал с вершины надвигающейся скалы. Он точно пересекался с курсом бегущего эльфа.

Шлем из клыков вепря и золотой проволоки распался, а вместе с ним череп наемника. Эльф закружился все расширяющимися кругами, но все медленнее, по мере приближения к той точке, где ему предстояло вскоре упасть. В неверном свете в его фигуре нельзя было заметить ничего необычного, но, разумеется, он перестал кричать, когда камень вышиб ему мозги.

Вьючные лошади ржали и высоко вскидывали спутанные передние копыта. Путь был эльфийской работы, сплетенные из детского милосердия, постоянства дев и прочих тому подобных материалов. Лошади никогда не смогли бы освободиться от своих мифических пут. А даже если бы и освободились, сгруженные припасы были бы похоронены под надвигающейся горой.

— Я сказала, ты окаменела! — завопила Джэнси. Когда она говорила мумифицированным солдатам, что они мертвы, это имело поразительный успех. Сказать камню, что он камень, должно было так же естественно принести ей победу.

Скала перестала расти вверх. Теперь она снова начала рушиться вперед со все возрастающей скоростью.

— Ты идиотка! — сказала Сомбризио. — У горы не больше мозгов, чем у тебя, так как ты хочешь, чтобы я воздействовала на ее сознание? Взрывавай землю, кретинка!

Указания перстня были не слишком вразумительными, но никаких других идей у Джэнси не было. Ожидать, когда скала настигнет их, было и вовсе ужасной идеей.

— Тебе больно! — произнесла она, направив кулак на основание сверкающей горы. К этому моменту гора уже двигалась с поразительной скоростью, так как гравитация придавала значительное ускорение силе чар, которые одушевили гору.

— Иииииик! — взвизгнула вселенная, по крайней мере та ее часть, где в данный момент находились Джэнси Гейн и ее отряд. Земля отпрянула назад от боли, образовав вал из мелкого лесса, который унес Джэнси, ее товарищей и все подпрыгивающие причиндалы их лагеря прочь с пути горы.

«Запустение — живое существо», так сказал отшельник, или почти так, в начале их путешествия...

Когда расколовшаяся земля отпрянула назад, образовалась огромная яма. Гора, разогнавшись до чудовищной скорости, которая должна была по инерции продвинуть ее на тысячу ярдов вперед по залитой лунным светом пустоши, нырнула и стекла вниз, в провал.

В граните разверзлись и закрылись трещины. Вся поверхность горы светилась от выброса флогистона.

Виляющий хвост горы последовал за всем остальным в провал. Откуда-то снизу, с громадного расстояния, донесся раскатистый звук удара. Запустение Томидор было существом немереной глубины.

Джэнси поднялась на ноги. Калла и уцелевшая пара наемников начали собирать вещи. Возможно, гора снова прорвет ход на поверхность, но не сразу.

— Вот об этом волшебстве, — произнесла Сомбризио тоном утомленного удовлетворения, — магические орудия будут вспоминать даже в Пятой Эпохе Срединного Мира!

Кусты катились по пустыне, волоча за собой ветки в отчаянной, но тщетной попытке остановиться. Время от времени одно из вращающихся растений ударялось о невидимый барьер и замирало, расплющенное, истекая жизненным соком в сухую почву.

Ветра не было. Деревья с изуродованной корой, покрытой чешуей, словно проказой, ждали, когда их похоронит под собой пыль. Это было все то же обреченное и бесплодное место, которое Джэнси видела в последний раз тогда, когда... когда в последний раз открыла глаза в Запустении Томидор.

— Хочешь устроить здесь привал? — предложил Калла Маланик, явно сочувствуя физическому состоянию Джэнси.

Она поморщилась. Наверное, она сейчас похожа на ходячую смерть. Она несомненно и чувствовала себя как ходячая смерть; но как раз сейчас лучшим способом избежать Смерти во всем ее гибельном величии было продолжать идти вперед, пока они не дойдут до Антуруса.

— Нет, — ответила Джэнси. — Нам необходимо продолжать движение, пока еще светло. Кроме того, чем дальше мы уйдем от горы, тем лучше.

— Гора не питает к нам враждебности, знаете ли, — заметил отшельник. — Мы просто случайно оказались на ее пути.

— Ошибка, ошибка, ошибка, — возразила Сомбризио. — Казалось бы, ты должен знать кое-что о Пустыне, проведя в ней столько лет.

— Гора такая большая, что ей вовсе ни к чему питать к нам враждебность, — заметил Калла.

— Правильно, — подтвердил уцелевший наемник-эльф. — Я вспоминаю Илавила из рода Скал и его верхового бронтозавра. Он утверждал, что бронтозавр — самый покладистый из всех живых созданий. Возможно, он и был таковым, но однажды в холодную ночь он решил прижаться к Илавилу, чтобы согреться. Героическая смерть, как вы считаете?

Юнец из Бруклина опустил свою гармошку, на которой тихо наигрывал «В первом багажном вагоне». Лицо его было печальным.

— Жаль, что так получилось со стариком, — сказал юнец убитым голосом. — Он был... он был человеком, с которого мы все брали пример. А потом — бац — и его нет. Какая же это демонстрация мастерства, если тебя выдавили, как тюбик с зубной пастой?

— Гм-м, — ответил Калла. — Скорее как тюбик с красной краской, насколько я разглядел. Конечно, следует провести экстраполяцию, учитывая лунный свет.

Наемник-эльф обнял рукой плечи юнца и сказал:

— Не принимай это так близко к сердцу, малыш. У него не было ни единого шанса. Не в нашей власти выбирать, быть ли Тиббальтом, или просто одним из множества рядовых наемников.

— Я говорила о том, — произнесла Сомбризио, — что никого из вас, по-видимому, не интересует нечто такое, от чего зависит ваша жизнь...

Речь перстня оборвалась, завершившись болезненным воплем.

Джэнси посмотрела на свой палец.

— Ах, прости, Сомбризио. Я...

— Сплю на ходу, — закончила та. — В конце концов, почему сегодня что-то должно быть по-другому? Я хотела только сказать, что гора теперь уже не бродит наугад. Она следует за мной.

— Ерунда! — сказал отшельник.

— Вот как? — возмутилась Сомбризио. — Такая же ерунда как и то, что последним твоим деянием перед тем, как покинуть Калтус, было ограбление ящика для сбора пожертвований для бедняков в Приюте Сестер Утерянной Добродетели?

— А, — отозвался отшельник. — Я хотел сказать, что в этом есть смысл.

— И к тому же, — продолжала Сомбризио, которая никогда не останавливалась на полпути, учуяв душевную рану, — ты добыл всего-то три оловянные пуговицы и улитку.

Джэнси оглянулась в сторону наемников.

— Эй, малыш! — позвала она.

— И когда улитка выползла в ту ночь из твоего кошелька, она слизью написала на спине твоей одежды «вор», — с торжеством закончила Сомбризио.

Юнец из Бруклина поднял глаза.

— Да, госпожа? — ответил он, нервно сжимая в руке гармошку.

— Мне кажется, что Старик пострадал больше, чем даже Хормазд Центурион, — сказала Джэнси. — Я хочу сказать, что такое семьдесят восемь отдельных ран по сравнению с целой горой, которая на тебя обрушилась, а?

— Вот это да! — воскликнул наемник. Его глаза широко раскрылись от удовольствия. — Вы и правда так считаете, госпожа?

— Все так считают, малыш, — заверила его Джэнси.

— Ух ты! — обрадовался юнец. И продолжал, обращаясь к эльфу: — Послушай, ты заметил, как широко Старик раскинул руки и ноги, падая лицом вперед? Он уж постарался, чтобы его расплющило как можно тоньше. Вот это мастерство, если я когда-либо видел мастерство!

Калла Маланик взглянул на Джэнси.

— Это был добрый поступок, — тихо произнес эльф.

— Не могу больше выносить эту проклятую песенку о покойной матери в багажном вагоне, — ответила Джэнси так же тихо.

— Готова выслушать, почему гора меня преследует, благородная героиня? — осведомилась Сомбризио.

— Да, — ответил Калла. — Мы бы...

— Потому, что я больше всего напоминаю ей всемогущего пророка на его пути к небесам прямым переводом, — сказала Сомбризио, намеренно перебив эльфа. — Возможно, кто-то из вас считает, что может дать лучшее определение?

Джэнси пожала плечами. Это движение напомнило ей о ране в плече. Боль исчезала за завесой адреналина в минуту опасности, но совсем не проходила.

— Мне это кажется разумным, — заметил Калла. — Как ты считаешь, отшельник?

Отшельник прочистил горло.

— У вас очень мудрый перстень, — осторожно произнес он. — Несомненно, я не стану оспаривать данную оценку ситуации. Нет, сэр, только не я.

Сомбризио выдала поразительно длинную очередь газов.

Джэнси Гейн подняла правый кулак и почесала уголок рта костяшкой большого пальца.

— Эй, Сомбризио, — шепнула она.

— Да, тупица? — отозвался перстень.

— Спасибо, что разбудила меня вчера ночью, — сказала Джэнси.

— Ха! Я же тебе сказала — я слушала, как ты болтаешь во сне, и меня чуть не вывернуло.

— Все равно спасибо, — повторила Джэнси, опуская руку на обух Кастратора.

Ее больше не волновало то, как долго они будут искать Антурус. В конце концов, героический поход — вот что главное.

Тени внезапно удлиннились, гораздо раньше, чем следовало по причине захода солнца. Внезапно наступившие сумерки отвлекли Джэнси от мыслей, которые были еще мрачнее.

Отшельник на несколько шагов опережал остальной отряд. Он остановился с вытянутыми вперед ладонями, будто наткнулся на невидимую стену.

Джэнси сдернула с пальца Сомбризио и протянула массивный перстень Калле Малланику.

— Мой лук... — запротестовал было эльф. Он уже достал из колчана стрелу.

— Возьми перстень, — произнесла Джэнси тоном более устрашающим, чем любые слова.

Отряд вошел в неглубокую долину. При взгляде сверху Запустение Томидор выглядело бы плоским, как койка матроса-новобранца. Но те впадины и возвышения, которые с географической точки зрения были крохотными, тем не менее

ограничивали обзор стоящих на уровне земли до нескольких ярдов.

Это не объясняло наступившей темноты. Вьючные лошади, которых уцелевшие наемники вели двумя длинными цепочками, нервно ржали. Хотя животные находились всего в десяти—двенадцати ярдах позади эльфа и людей, идущих во главе отряда, они уже почти исчезли во мраке.

— Возможно, я свернул не там, где надо, — признался отшельник со сдержанным ужасом в голосе. — Когда гора... Вы понимаете. Думаю, нам лучше...

— Ладно, — приказала Джэнси голосом, дрожащим от ярости. — Разворачивай караван. Я подожду.

На скрытом тенью склоне холма засиял свет, сперва слабо, но все больше разгораясь, и осветил разрушенный храм, из которого исходил. Колонны, по большей части разрушенные, стояли по кругу. У их подножий валялся мусор из блоков и плит, остатки архитрава и купола кровли.

Свет сиял всеми цветами радуги. Это должно было выглядеть красиво, но вместо этого вызвало у Джэнси воспоминание о переливах сброшенной змеиной кожи.

Отшельник, медленно пятясь, обошел Джэнси.

— Очень сожалею, что повел нас этой дорогой, — прошептал он. — Кажется, мы наткнулись на храм Ириды, богини радуги, богини зла и несчастий.

Глаза Сквилла закатились от страха. Он сотворил переговорное устройство и начал с отчаянием что-то говорить в него. Джэнси сомневалась, что ему удастся вытолкнуть свои чары за пределы долины при таком магическом резонансе, но в данный момент во всем Среднеземье не было такого вопроса, который волновал бы ее меньше.

Она выставила перед собой Кастратор и шипастый щит под углом друг к другу, пытаясь охватить как можно большее пространство. Джэнси Гейн не любила играть в команде и никогда этого не делала. Она всегда атаковала прямо и неистово и продолжала рубиться до тех пор, пока хоть один человек оставался на ногах.

Это было хорошо, когда она сражалась в одиночку, но сейчас Джэнси была не одна, и ее люди не могли позаботиться о себе сами, как ее прежняя команда. Крапчатый Гулик, который любил в свободное время развлекаться, затевая пьяные свары; Доминик Блейд, которая на поле боя ничего не упускала и решала проблемы собственной саблей; даже Гар Квитник, подонок, конечно, но наш подонок. Когда Гар был рядом, не приходилось опасаться, что кто-то ударит тебя в спину.

Но сейчас...

Что-то двигалось в темноте. Сперва ей показалось, что это собака, но это было нечто более крупное. Возможно, медведь...

— Подданные Ириды когда-то были людьми, — сказал отшельник. Он говорил нараспев и только для того, чтобы не удариться в панику, а не для того, чтобы сообщить нужную информацию. — Но теперь...

Необходимой информацией был сам страх, охвативший отшельника на этом месте, когда он его узнал.

Фигура поднялась на задние лапы. Шагнула к Джэнси, громко хихикая. Свет, исходящий от храма, стал ярче. Там было еще много таких фигур, очень много, они поднялись на задние лапы и двигались вперед.

Это были пятнистые гиены, но шли они, как люди. Истекающие слюной челюсти, сквозь которые они смеялись над своими жертвами, были

вооружены зубами, способными разгрызть такие кости, которые не по зубам даже львам.

— Бежим! — закричал отшельник.

Вся долина теперь осветилась радужным сиянием Ириды и ее безжалостных подданных. Убегать было некуда, ни назад, ни куда-либо еще.

Десятки гиен радостно взвыли, опрокинув юнца из Бруклина и следом за ним могучего наемника-эльфа. Перекрывая смех чудовищ и треск разгрызаемых костей, их вожаки кричали «Запрещено! Запрещено!» почти человеческими голосами.

Лошади в последний раз заржали от ужаса. Подданные Ириды, одержимые жаждой убийства, уничтожали все.

— Принцесса! — выкрикнула Джэнси, бросаясь на гиену-вожака. Она могла привлечь к себе внимание стаи и спасти остальных хотя бы на несколько секунд. — Принцесса!

Гиены набросились на нее со всех сторон, но это Джэнси понимала. Бородатый топор со свистом врезался в грудную клетку гиены. Сломанные ребра, кровеносные сосуды и большая часть правого легкого брызнули на землю, когда грудина чудовища развалилась надвое.

Не только зубы гиены умеют дробить кости.

Острые выступа на щите Джэнси пробило тонкие носовые кости гиены и проникло в черепную коробку. Еще одна гиена наклонилась и попыталась сорвать наколенники Джэнси, но встретила ее кованый сапог и с воем рухнула, когда, резко опустив край щита, Джэнси перебила ей хребет.

Сзади на нее бросилась еще одна гиена. Даже не оглянувшись, Джэнси не раздумывая прикончила ее быстрым ударом головки Кастратора. Потом снова ткнула топором вперед, будто шпагой, всадив верхний конец в толстую глотку чудовища и сломав шейные позвонки.

Калла Малланик что-то кричал. Но его слова никак не могли повлиять на ее нынешнее положение, поэтому ее уши их не слышали. Та часть ее мозга, которая воспринимала речь, в такие минуты не работала.

Она вся пропиталась кровью. Часть ее принадлежала ей самой и лилась из правого бока. Она не почувствовала зубов, которые вцепились ей в ребра, но раскроила череп гиены лезвием Кастратора тем же движением, которым всадила головку топора в грудь твари, напавшей сзади.

Джэнси двинулась вперед. Гиены бежали прочь, все, кто уцелел. Бежали в свои берлоги, в вонючие дыры, выкопанные в руинах храма, и радужный свет стал меркнуть.

— Святые волосы Сиф, — пробормотала Джэнси. Повернулась. Чуть было не упала, потому что поток адреналина иссяк так же внезапно, как и возник. У нее почти не осталось сил в запасе.

Несколько лошадей уцелело от кровожадных зубов гиен. Они брыкались и лягались от ужаса. Сквилл стоял на коленях со своим передающим устройством, невредимый, но ослепший от страха. Отшельник стоял в трансе, уставившись на...

Джэнси замигала, глядя на нечто, очень похожее на более молодую копию Джэнси Гейн; на саму себя, молоденькую девушку, какой она была непосредственно перед тем, как приняла решение участвовать в своей первой военной кампании в качестве девы-щитоносицы, вместо того чтобы остаться дома и выйти замуж у себя в деревне, у края ледяных полей.

У фигуры, ее фигуры, на пальце правой руки была Сомбризио, так что это, наверное, Калла там стоит.

Иллюзия задрожала и исчезла, как картина, проецированная на дым. Калла Малланик встретился.

— Давай убираться из этого проклятого места, — сказал он.

Отшельник двигался как автомат, пока отряд не выбрался снова на дневной свет у входа в долину, и весь остаток дня, до того как они остановились на ночлег, давал только односложные указания.

Джэнси проснулась. Каждый мускул ныл. Там, где тело распоролась сталь или зубы гиены, болело сильнее, но разница была только в степени, не в качестве боли.

— Сиф! — пробормотала она. Две фигуры все еще сидели над углями костра. — Уже поздно, Калла? Ты должен был разбудить меня на вахту раньше.

Над Запустением Томидор сияли незнакомые созвездия. Обычно Джэнси не угадывала никаких очертаний в звездах, но здесь она их видела. К сожалению.

— Тебе необходимо было выспаться, — ответил Калла Малланик. — Ты весь день была похожа на одного из ходячих мертвецов. За исключением решающих моментов.

— Клянусь Сиф, — отозвалась Джэнси; но стоило ей пошевелиться, как мышцы разогрелись, и боль отступила до того уровня, который нормальные люди сочли бы терпимым. Она прищурилась, глядя через костер. — Отшельник, это ты? — спросила она.

— Да, госпожа Гейн, — ответил отшельник.

— Давай подбросим еще одно полено в огонь, — сказала Джэнси. Она подумала о возможных последствиях и прибавила: — А, нет ли... Огонь ведь не создает здесь картинок, а?

Калла пожал плечами.

— Я не видел, — ответил он. Вместо того чтобы подбросить дров, он потыкал концом толстой ветки, лежащей с краю, в середину углей. — Жа-

ра он тоже почти не дает, но, возможно, дело во мне самом.

— Я так и не спросила тебя, что ты сделал, чтобы отогнать этих гиен, — сказала Джэнси. — Я уж подумала, что нам конец.

— На самом деле ты подумала, — сказала Сомбризио, которая вернулась на палец Джэнси, — что напортила даже в героическом деянии. Когда уже поняла, что вообще ни на что не годишься.

Джэнси посмотрела на перстень.

— Если хочешь знать правду, — сказала она, — я думала о том, какую гиену стукнуть следующей. А после того как все немного успокоилось, я действительно подумала, что не справилась, да.

— Меня навело на мысль то, что сказал отшельник, — объяснил Калла. Он кивнул в сторону сидящего рядом отшельника, но тот впал в оцепенение с открытыми глазами. Может быть, на этот раз ему что-то мерещилось в неверном свете костра.

— Что слуги Ириды когда-то были людьми, — закончил эльф. — Я считаю это странным, но большую часть людских злодеяний совершают не злые люди.

— Э? — произнесла Джэнси. Возможно, ее стукнули по голове так сильно, что во всем услышанном ей мерещился какой-то двойной смысл. Опять-таки, могло быть и так, что это Каллу стукнули по голове.

— Нет, я хочу сказать вот что, — пояснил эльф. — Большинство людей опускаются до злодеяний с самыми лучшими намерениями. Они скатываются все ниже по дороге разрушений, полагая, что их поступки необходимы, и даже несут добро. Если бы они могли увидеть, что творят, ну, они бы остановились.

— Они бы не остановились, — возразила Сомбризио. — Просто нашли бы другое оправдание.

Человеческие существа еще более достойны презрения, чем эльфы, эльф.

— А те, которые уже безвозвратно потеряны... — продолжал Калла. Все они к этому времени уже поняли, что лучшим способом реагировать на шпильки перстня было их игнорировать. — Если им показать, во что они превратились, они, ну, они не могут этого вынести. Они бегут. Как убежали слуги Ириды.

— Я все же не понимаю, — сказала Джэнси. Ничего нового в этом не было. «Не волнуйся Джэнси, у нас все под контролем. Иди и наточи свой топор, почему ты этого не делаешь?» Как часто ей приходилось это слышать, или нечто подобное? — Ты показал стае гиен, что они гиены?

— Нет, — ответил эльф с вполне оправданной гордостью. — Я показал им, что они когда-то были людьми. Я обратил могущество Сомбризио на себя. Я проецировал всем, кто смотрел на меня, его собственное изображение, перед тем как он принял фатальное решение, приведшее его туда, где он сейчас находится.

Отшельник посмотрел на Каллу отчаявшимся, замученным взглядом.

— Мне кажется, — произнес отшельник, это были первые слова со времени битвы у храма Ириды, — что это означало использовать перстень против многих одновременно. А я понял так, что его могущество действует только на одно существо за один раз.

— Так я его растянула, парень, — сказала Сомбризио. — Подай на меня в суд! Если сможешь найти правосудие по эту сторону Внешнего Моря, которое не грозило бы тебе суровым наказанием за неуплату долгов.

— Я действительно хотел найти им хорошее применение, — сказал отшельник. Казалось, он ни к кому из присутствующих не обращается, кроме,

возможно, как к самому себе в молодости. — Каждый раз. Каждый.

— Наверное, ты посмотрела на меня только после того, как этот эффект пропал, Джэнси? — спросил Калла Малланик притворно равнодушным тоном.

— А? — повторила Джэнси. — Нет, я оглянулась назад, когда гиены начали разбегаться. Увидела себя, какой была ребенком, и удивилась, что происходит. Святая Сиф, все равно не понимаю, какое это имеет отношение к цене лисьего меха.

Калла пристально взглядела в нее:

— Ты не почувствовала сожаления по поводу выбора, который сделала, дорог, по которым не пошла?

Она пожала плечами. Проклятье, надо помнить, что этого нельзя делать, пока рана не заживет получше.

— О чем сожалеть? Я сделала выбор, все делают выбор. Люди, которые предпочли служить злой богине — Сиф, всем известно, что Ирида — злая. Люди, которые выбрали службу злу, по каким бы то ни было причинам, — злые люди. Все так просто.

Калла Малланик покачал головой, удивляясь.

— Ах, какой эльф в тебе погиб, госпожа Гейн, — сказал он.

— О, готова поклясться, — встряла Сомбризио. — И она произвела бы настоящий фурор, когда в ее детсадовской группе начали бы учить эстетическому восприятию, не правда ли?

— До Антуруса теперь уже недалеко, — сказал отшельник. Он все еще разговаривал сам с собой, или, по крайней мере, с частью себя. — Я проведу их по остальной части пути.

То ли костер, то ли Сомбризио вмещались, издав булькающе-шипящий звук.

— Я действительно собирался вернуть эти деньги, — прибавил шепотом отшельник.

То место пустыни, где остановился отшельник, отличалось только тем, что было совершенно бесплодным. Несколько тощих растений были разбросаны по склону. Они согнули стебли и спрятали головки с семенами в землю, когда увидели, что воины отряда Джэнси смотрят в их сторону. Более крупные экземпляры мерзко пахнущей растительности, характерной для пустыни, предпочитали отсутствовать.

Калла Малланик оглянулся назад, туда, откуда они пришли. На горизонте стояло облако пыли.

— Гора снова за нами гонится, — мрачно сообщил он.

Джэнси пожала плечами:

— Она перемещается не слишком быстро. Далеко еще до Антуруса, отшельник?

— Мы прибыли на место, — ответил отшельник. Он ткнул пальцем в землю. — Это как раз тут.

— Хел тебя побери, если мы на месте! — рявкнула Джэнси. — Я уже была в Антурусе, помнишь? Именно там я нашла этот чертов перстень!

— Именно там принцесса Рисса нашла мое всемогущество, — вмешалась Сомбризио высокомерным тоном. — И разумеется, Хел, или по крайней мере какое-то цивилизованное божество, равное твоей варварской богине смерти, заберет отшельника. Это происходит со всеми человеческими существами.

— Конечно, вы тут были, — сказал отшельник. — Но, к несчастью, за прошедшее с тех пор время Запустение, по-видимому, снова засыпало этот город. Антурус здесь, где-то под нами, под этой песчаной дюной. — Он шаркнул подошвой по земле. — То есть под грязевой дюной.

— И в большинстве случаев с большим опозданием, — пробормотала Сомбризио в качестве коды к предыдущему замечанию.

Отшельник растерял весь свой задор безумца, с которым вначале присоединился к отряду. И не потому, что боялся того, что Джэнси могла — вполне могла — с ним сделать. Он встретил ее гнев с выражением, которое нельзя было назвать иначе, чем покорным смирением.

— Ну и что нам теперь делать? — спросил Калла.

Эльф оглянулся через плечо в сторону горы. Конечно, она передвигалась не слишком быстро, и даже двигалась не прямо по направлению к героическому отряду. Ее маршрут больше походил на полет пчелы, она резко меняла курс и металась взад и вперед по местности, с трудом ориентируясь.

Но Калла не мог так быстро забыть, как на его глазах плоская равнина внезапно вздыбилась и превратилась в утес высотой в тысячу футов.

— Мне очень жаль, — ответил отшельник. — Я и правда не знаю. Возможно, вы могли бы оставить перстень здесь, а лесс его, в конце концов, засыплет?

— Или нет, — сказала Сомбризио. — Гм-м, знаете, я прямо так и представляю себе, как меня подхватывает с земли кондор и роняет в руки какого-нибудь могущественного и, без сомнения, злого волшебника.

— Кровавые ногти Хел! — пробормотала Джэнси. Она возглавляла экспедицию и поэтому именно ей приходилось решать, что делать. Обдумывать неразрешимые проблемы не было, мягко говоря, ее сильной стороной.

Тощий куст крыжовника медленно склонился к ее сапогам. Кончик острого, как иголка, шипа резко клюнул в шнуровку сапога.

Джэнси пинком отбросила растение прочь вместе с комом легкой почвы. Приземлившись, крыжовник крякнул и пополз подальше от отряда.

Джэнси оглянулась. Ее взгляд остановился на связисте.

— Сквилл! — позвала она.

— Госпожа? — отозвался тот, морщась. В последние дни он большую часть времени проводил с закрытыми глазами. Он не без оснований полагал, что они не покажут ему ничего такого, что действительно хотелось бы видеть.

— Я хочу, чтобы ты связался с Калтусом, — приказала Джэнси. — Скажи им, что город исчез — погребен неизвестно до каких времен. Спроси их, не следует ли нам вернуться вместе с Сомбризио обратно. Понял?

— Да, госпожа, — ответил Сквилл. Он присел на корточки и создал переговорное устройство. И снова закрыл глаза.

— Госпожа Гейн? — произнес отшельник.

Она снова посмотрела на него, удивленная тем, что он все еще стоит перед ней с многозначительным видом.

— Ты хочешь сказать мне что-нибудь полезное в конце концов? — осведомилась она.

— Не о том, о чем вы думаете, госпожа, — сказал отшельник. Он откашлялся и продолжил: — Я выполнил вашу просьбу наилучшим образом, насколько это было в моих силах. Здесь мне больше делать нечего. Поэтому я прошу у вас позволения, э, удалиться.

— Мы вернемся в Калтус, как только... — начал Калла Малланик. Он бросил взгляд на связиста, бормочущего в свое переговорное устройство. — Ну, очень скоро. Мы завезем тебя в твою хижину по дороге.

— Если можно, — возразил отшельник, — я поеду сам по себе. Видите ли, я направляюсь в

противоположную сторону. В Квиберон. Мне там надо расплатиться с кое-какими долгами.

— Там, — заметила Сомбризио. — И с долгами по всему северному побережью. И в Калтусе тоже.

— Да, боюсь, это правда, — сказал отшельник, пощипывая нижнюю губу. Джэнси подумала, что старик выглядит измученным и испуганным, но полным такой решимости, на которую она не считала его способным.

— Такой дряхлый старый болван никогда не сможет выплатить все свои долги! — сказала Сомбризио.

Джэнси помахала левой ладонью над перстнем, не дотрагиваясь до металла.

— Тише, тише, — пробормотала она.

— И не подумаю, — ответила Сомбризио. — Он даже не сможет найти работу. Разве только кому-нибудь понадобится упор для двери!

— И потом, у меня есть жена, — прибавил отшельник. — Ну, каждый делает, что может.

— Я так понял, что твоя жена... — сказал эльф, бросая задумчивый взгляд на Сомбризио, — ...ушла от тебя. А не наоборот.

Отшельник пожал плечами.

— Ничего не происходит в вакууме, — ответил он. — Наверное, я это всегда знал. Моя жена отвечает за свои поступки, но это не уменьшает ответственности за мои собственные.

— У нее был дружок? — задавая этот вопрос, Джэнси смотрела на пустынный горизонт поверх левого плеча отшельника, чтобы не встречаться с ним глазами.

Отшельник слабо улыбнулся:

— «Проваливай отсюда и убирайся туда, где не светит солнце» — вот что она в точности тогда сказала. Ну, он тоже теперь не так молод, каким был тогда. И в любом случае мне необходимо

извиниться перед ней, что бы потом ни случилось.

— Ну, будь я проклята, — сказала Джэнси Гейн.

— Возможно, — ответил отшельник. — Но я уже не столь уверен, что быть проклятым — необходимая составляющая человеческого существования.

Они дали ему выючную лошадь и более чем достаточную часть оставшейся провизии. Как сказал отшельник, пускаясь в путь на запад по крутому склону дюны, если у него останутся еще консервы из сухого пайка, когда он приедет в Квиберон, то, возможно, ему удастся продать банки капитану какого-нибудь корабля в качестве балласта.

Небо на западе было почти таким же черным, как настроение Джэнси Гейн. В облаках сверкнула молния. Если гром и прогремел, он затерялся на фоне обычного громыхания и вздохов Запустения.

Они разбили свой малочисленный лагерь на середине длинного склона. Сквилл присел на корточки в верхней точке лагеря, которая находилась на передней кромке дюны; более высокого места вокруг не было. Аппарат связиста попискивал от безнадежного отчаяния, когда тот пытался связаться со своими начальниками в Калтусе. Каждый раз когда вдалеке сверкала молния, какой-нибудь демон рычал, путая души обреченных.

Калла Малланик мрачно ковырялся в банке консервов. Костра не развели, так как на всей бесцветной равнине не было ничего крупнее куста крыжовника. Лучшее, чем можно было утешиться в данной ситуации, это тем, что пища в тускло-оливковых жестянках настолько неаппе-

титна в горячем виде, что есть ее холодной ненамного хуже.

— Ну, — произнес эльф, — мы могли бы попытаться проделать в почве дыру, как ты сделала, чтобы загнать гору в ловушку.

— Здорово придумано! — фыркнула Сомбризио. — Если вы попытаетесь проделать это, то в первый раз дыра закроется раньше, чем ты успеешь снять меня с пальца и бросить в нее. Однако во второй раз ты зароешь меня на такую глубину, о которой мне даже думать не хочется.

— Неужели? — удивленно спросила Джэнси.

— Будьте уверены, — ответила Сомбризио. — Во второй раз Запустение уже будет наготове. Оно утащит нас в свою глубину, как форель заглатывает муху. У меня будет компания на следующие три тысячелетия. Или еще дольше.

— Я так и думал, что это слишком просто, — сказал Калла. Он сунул в рот еще ложку еды из банки в качестве наказания за то, что позволил себе надеяться.

— Послушайте, меня это устраивает, — утешила их Сомбризио. — По-моему, вы оба и под землей останетесь такими же умными, как сейчас.

— Лучше всего, — громко произнесла Джэнси, — будет отвезти Сомбризио обратно в Калтус. Одного предмета недостаточно для нарушения магического равновесия. — Она откашлялась и продолжила: — Кроме того, перстень может пригодиться, если будет под рукой, для разных, знаете ли, вещей.

Джэнси говорила с нажимом, потому что знала, что всякий раз, высказывая мысль, не связанную с тем, чтобы разнести кого-либо на куски Кастратором, она выходит за рамки своей компетенции. Если вложить в высказывание достаточно настойчивости, слушатели, возможно, забудут, что, в сущности, Джэнси Гейн глупа как пробка.

Или вспомнят о Кастраторе, и это может стать еще лучшим способом заставить их с ней согласиться.

С вершины дюны до них с Каллой донеслось оживленное бормотание. Они не разбирали слов, но поняли, что Сквилл наконец установил связь, перестав попусту бросать заклинания в завывающую атмосферу.

— Если мы возвращаемся, — заметил Калла, проверяя свой лук с серебряной тетивой, — я бы предпочел отправиться в путь раньше, чем разразится буря. Дождь хлынет по этому склону потоком, словно первая волна всемирного потопа.

К ним трусцой подбежал Сквилл. Его все еще вытянутая в воздух волшебная палочка колебалась над ним, напоминая палочку маэстро, дирижирующего небом.

— Я пробился! — кричал связист. — Они говорят: «Спрячьте подальше!»

Джэнси поднялась нарочито медленно и угрожающе. Взялась руками за бока.

— Спрячьте подальше, — повторила она. — А они говорят, как именно, о Пресветлая задница Сиф, мы должны это сделать, если город погребен под землей?

Сквилл затормозил так резко, что чуть было не потерял равновесия. Плащ раздулся и снова опал у него за спиной.

— А-а, — ответил он. — Нет, госпожа Гейн, они мне этого не сказали. Я описал им положение очень, очень ясно, госпожа Гейн...

Связист заметил, как правая рука Джэнси сжалась на рукоятке Кастратора. Он зажмурился.

— ...и они просто сказали, э... то, что сказали, госпожа.

— Это не его вина, — мягко заметил Калла Малланик. — Конечно, во многих человеческих культурах существует традиция убивать гонца,

поэтому полагаю, мы могли бы — то есть если ты захочешь...

— Врезать ему как следует, — мрачно сказала Джэнси и отвернулась от связиста, пока не сделала чего-то такого, о чем не станет сожалеть, но будет знать, что должна бы сожалеть.

— Зубы Хел, — произнесла она. Существовало множество разных способов справиться с отчаянием. Единственный способ, оказывающийся для нее действенным, это на несколько минут пойти вразнос, но она понимала, что здесь ей придется удовольствоваться депрессией.

Не очень далеко от них сверкнул огонь.

— Неужели буря окружила нас со всех сторон? — спросила Джэнси, разминая ладони, чтобы избавиться от мурашек, появившихся после того, как она так сильно стискивала рукоятку топора.

Калла прищурился.

— Нет, — ответил он, — это опять гора. Выброс флогистона, когда в скале появляются и закрываются трещины, как говорил отшельник.

— До вас еще не доходит? — осведомилась Сомбризио.

— Гора! — одновременно воскликнули Джэнси и Калла.

— Знаете, — сказала Сомбризио, — я думаю, что в этом веке интеллектуальное превосходство находится в руках тараканов. Или что там тараканы используют вместо рук.

Дождя еще не было, но когда он наконец разразится, то хлынет, как струя коровьей мочи на плоский камень. Только в Запустении Томидор камней маловато. И коров, разумеется, тоже, насколько Джэнси могла судить.

Гора с грохотом приблизилась к подножию. Дюны подобно лавине, чем она в основном и

была, хотя камням приходилось самим затаскивать себя наверх, чтобы потом упасть.

Земля сотрясалась, как от ударов молота. От рушащегося гранита во все стороны летели брызги огня, искры, лучи и слабо светящиеся шары размером с копну сена. Эти последние повисали в воздухе и дрожали, мечтая о рае, в котором призрачные поезда мчатся по фантомам рельсов.

На мгновение поток камней, несущихся вперед, иссяк. Последовавшая за этим тишина была относительной, но казалась полной из-за грохота предшествующего ей катаклизма.

Джэнси Гейн и ее спутник-эльф стояли на вершине дюны. Они выбрали место в полумиле от лагеря, где сгрудились лошади и Сквилл. Нет смысла наводить гору прямо на припасы; хотя если дела пойдут плохо, это не будет иметь большого значения.

У них за спиной передняя кромка дюны обрывалась вниз под углом в шестьдесят градусов. От грохота горы из этой стены вылетали облака мелкой почвы. Пыль корчилась, словно женщина под пытками, опускаясь на землю тремястами футами ниже.

— Давай начинать расходиться, — сказал Калла Маланик. Он сделал два шага в сторону от Джэнси, глядя назад через плечо, чтобы убедиться, что она намерена следовать тому плану, который они выработали, пока гора еще находилась от них в нескольких милях.

Но Джэнси не собиралась ему следовать.

— Уходи с дороги, — приказала она. Ее глаза были прикованы к горе, которая снова понемногу росла; она держала Сомбризио в горстях обеих рук. — Думаю, я сама обо всем позабочусь.

— Ты думаешь? — вскипела Сомбризио. — Ты думаешь? Конечно, ты думаешь, что для тебя вляпаться в грязь то же самое, что для меня быть погребенной под живой скалой!

— Джэнси, — сказал Калла. Он говорил таким сдержанным серьезным тоном, каким уговаривают малыша, который ухитрился запереться изнутри в ванной комнате. — Брось мне перстень, отбеги на несколько шагов, а я его снова переброшу тебе. Нам надо не дать горе сосредоточиться на одной точке. У нее слишком широкий фронт, и нам не уцелеть, если она двинет прямо на одного из нас.

— Ладно, — ответила Джэнси. — Ладно.

Она швырнула Сомбризио из-под руки эльфу, затем пошла от него прочь вдоль по круче, притворяясь невозмутимой. Или это сработает, или нет. Если не сработает, то весьма мало шансов, что у Джэнси Гейн можно будет спросить, что же пошло не так.

Гора, на мгновение застывшая в задумчивости у подножия склона дюны, по-видимому, собралась наконец с духом, фигурально выражаясь. Кристаллическая масса стала расти вверх с постоянной скоростью, готовясь к последнему рывку под влиянием силы тяжести к цели, которую она почуяла.

По мере того как Калла с перстнем шагала на север по осыпающемуся гребню дюны, вздымающиеся слои скал слегка перемещались по направлению к нему. Движение горы становилось все более направленным, когда она приближалась к Сомбризио. Если бы масса камней была охотничьим псом, она бы уже лаяла с восторженным энтузиазмом. И так уже в хрусте и треске камней, скользящих друг поверх друга, ощущалась радость, как у собаки, виляющей хвостом.

— Можешь теперь бросить ее мне! — крикнула Джэнси, повышая голос, чтобы Калла услышал ее сквозь грохот геологического катаклизма. Она оставила свой щит и шлем в лагере, так как в настоящий момент они явно были бесполезны.

Кастратор тоже был бесполезен, но огромный топор все же раскачивался у ее правого бедра. Джэнси всегда хотела быть похороненной вместе с Кастратором. Если в следующие несколько секунд дело повернется плохо, правильнее будет описать ее будущие отношения с топором, как «перемешаться», а не как «похоронить».

— Держи! — крикнул Калла. К этому моменту он был уже в ста футах от Джэнси, но гора покрывала нижнюю часть дюны на ширину в несколько раз большую.

Эльф широко, всем телом размахнулся для броска. Его движения были так же грациозны, как у кота, прыгающего, чтобы разодрать какую-нибудь маленькую птичку на окровавленные перышки. Сомбризио, вращаясь и вспыхивая бледными искрами в свете разрядов надвигающейся горы, описала идеальную дугу, которая закончилась в ладонях Джэнси.

Джэнси пустилась бежать вдоль гребня склона. Кастратор бил ее по бедру. Подножие горы слегка сместилось в ее сторону, меж тем как стена камней быстро росла. Трение о сыпучую почву было недостаточным, чтобы совсем затормозить огромную массу, громоздящуюся в башню и перетекающую вперед.

При движении гора изгибалась, достигая предела модуля упругости кристаллов, из которых состояла. Между слоями камней распахивались и закрывались провалы, похожие на зияющие рты. Джэнси осыпало дождем гранитной крошки. Из этих каменных туч гремел гром, превосходящий человеческое воображение.

— Бросай меня сейчас, ты, дура безмозглая! — завопила Сомбризио.

Горный склон колебался всего в двадцати футах от Джэнси. На мгновение на его поверхности появилась расщелина, похожая на трещину в пересохшем бревне. Джэнси швырнула Сомбризио в

щель между гранитными плитами. Щель захлопнулась, а вся гора обрушилась вниз лавиной, которую ничто на свете не могло бы остановить.

Джэнси броском, вытянув вперед руки, нырнула вперед в том направлении, куда бежала. Хрупкая почва потеряла сцепление, соприкоснувшись с мегатоннами гранита. Край дюны взорвался столбом пыли, которая окутала поток холодных камней и полетела впереди него к плоской равнине тремястами футами ниже. Грохот продолжался необычайно долго.

Джэнси лежала на гребне склона. Гора пролетела мимо нее, но ее сапоги висели в воздухе над обрывом, куда рухнул край дюны, когда скала проскользнула мимо. Пятьсот футов поверхности склона дюны срезало, и теперь угол ее наклона составлял не шестьдесят градусов, а только половину.

Гораздо ниже подножия склона гора остановилась, содрогаясь. Калла Малланик поднялся на ноги на дальней стороне ниши, появившейся в дюне. Помахал рукой. Сквилл, которого едва можно было различить в пыльных сумерках, карабкался вверх по склону. Связисту необходимо было забраться повыше, чтобы послать сообщение в Калтус.

Чтобы послать сообщение в Калтус об успехе Джэнси Гейн.

Дождь лил потоками, ведрами, огромными накатывающимися волнами. От него даже слегка пахло коровьей мочой. Джэнси Гейн купалась раз в год, в ручье, когда таял лед, поэтому запах ее не особенно беспокоил.

Несмотря на бурю, ей следовало быть гораздо веселее, чем она была.

Калла Малланик поймал за повод серую кобылу, чтобы Джэнси могла закончить увязывать вьюк. Лошади полагалось стоять смирно и с

брошенными поводьями, когда ее навьючивают, но непогода привела ее в возбуждение. Сиф, неужели эта кобыла думает, что у нее есть проблемы?

Под хлещущими потоками дождя почва исчезала быстрее, чем добрые намерения на вечеринке холостяков. К тому времени как Джэнси схватила последнее вьючное седло, он уже смыл двадцать пять футов склона. Она надеялась, что этим проклятым лошадям понравится мокрый и грязный фураж, так как именно таким они его будут жевать до тех пор, пока они не выберутся из Запустения Томидор.

Они с Каллой навьючили гнедого жеребца. Конь чуть было не подвергся опасности быть задушенным собственным хвостом, но вовремя осознал опасность и перестал пятиться от Джэнси. Его грудь была покрыта пеной от страха, несмотря на смывающий ее дождь.

Джэнси остановилась, потом уперлась жеребцу в ребра коленом, чтобы затянуть подпругу еще на одну дырочку.

— Где, во имя Сиф, Сквилл? — крикнула она Калле.

Эльф показал на разваливающуюся дюну.

— Там же, где и раньше, — ответил он. — Думаю, он до сих пор пытается вызвать Калтус сквозь эту бурю.

Силуэт связиста вырисовывался на фоне западной части неба. Тучи скрыли все следы заката, но небеса постоянно освещали яркие молнии.

— Ну, если он не спустится к нам немедленно, мы уедем без него! — пригрозила Джэнси.

Сквилл встал. Сделал шаг по направлению к ним, будто услышал Джэнси на расстоянии четверти мили сквозь хаос потопа и раскаты грома. Помахал рукой.

Разряд молнии ударил в конец двенадцатифутовой волшебной палочки связиста. Вспышка

получилась ярче, чем все вместе взятые молнии, которые гроза швыряла на землю до сих пор. Кости Сквилла на мгновение проявились на фоне светящегося электрического шара, а потом растворились, как и все остальное.

Джэнси снова встала. Она не поняла, что сбило ее с ног и заставило приземлиться на задницу — удар электричества, расколовший небо гром или просто изумление.

— Давай двигать! — сказала она Калле. Эльф все равно ничего не слышал какое-то время после удара грома, последовавшего за молнией; но ему и не надо было говорить, что пора убираться с этого места.

Буря кончилась недалеко от основания дюны, скрывающей Антурус. Граница между дождем и его отсутствием была резкой, как лезвие бритвы.

Дюны, которая прежде покрывала Антурус. Дождь размыл лесс и унес его прочь с энгузиазмом, на который не способна ни одна бригада муниципальных рабочих. Огромные реки ила текли на все четыре стороны от этого места, следуя небольшим складкам рельефа и делая их еще глубже.

А может быть, потоки текли вверх. В конце концов, это же было Запустение Томидор.

Вьючные лошади ржали, поздравляя друг дружку с тем, что остались в живых. Калла Малланик остановился и снял с себя тунику, чтобы отжать. Даже если бы они прихватили с собой запасную одежду, ничто не могло побывать под таким ливнем и не промокнуть насквозь.

Джэнси оглянулась назад, на пенящееся, кипящее под дождем озеро.

— Наверное, мы могли подождать, — сказала она. — Антурус полностью освободится через двадцать минут.

— Не думаю, чтобы из этого что-нибудь получилось, — отозвался эльф. Его голос тоже звучал не особенно весело.

Небо на западе стало алым, хотя солнце уже должно было уйти далеко за горизонт.

— С Сомбризио все будет в порядке, — произнесла Джэнси оживленным голосом. — Когда-нибудь парень по имени Магомет увидит в куче песка некий предмет. Когда он нагнется, чтобы поднять его, предмет спросит, обращалась ли его мамаша в суд с иском к верблюду о признании отцовства.

— Да уж, — отозвался Калла. — Что бы гора ни делала, этот перстень и глазом не моргнет.

Джэнси пощелкала языком паре лошадей, которых вела за собой. И снова зашагала вперед.

— Мы действительно это сделали, правда? — сказала она. — О нас долго будут говорить. Герои, которые избавились от Сомбризио.

— Держу пари, — согласился Калла. — Это был не один подвиг, а целых полтора, я готов заявить об этом всему миру!

Раздался тихий звук. Джэнси резко обернулась.

— Прости, — сказал смущенный эльф. — Я на обед съел банку консервированных бобов с сосисками.

— Вот как, — отозвалась Джэнси. И снова щелкнула языком лошадям.

— Я тоже по ней скучаю, — произнес Калла Маланик едва слышно; но, с другой стороны, Джэнси этого и говорить не надо было.

За их спинами под кровавым небом блистали опаловые башни Антуруса.

ПРЕЛЮДИЯ ТРЕТЬЯ

— Какого роста подружки невесты, миледи? — недоверчиво спросила портниха.

Рисса показала рукой:

— Ну, я довольно высокая, а они обе выше меня. Кажется, у меня где-то есть несколько накидок Джэнси, а Домино... ну, она же была Домиником Блейдом, так что вы без труда можете повидаться с мужским портным, который ее обшивал. Она всегда жила здесь, в Калтусе, по крайней мере, когда не была на войне.

Морщинки вокруг глаз портнихи стали глубже. Они только что закончили вторую примерку подвенечного платья, и оно получалось сногшибательным. Осталось совсем немного рутинной работы: пришить бесчисленные ярды кружева, сотни жемчужин и подшить подол — в том числе и тридцатифутовый шлейф.

Теперь, с умелой помощью Дейзи, они разрабатывали костюмы для гостей свадебной церемонии. Гости было не слишком много, принимая во внимание, что это королевская свадьба. Вся семья Риссы была убита Калараном — как и семья

Рэнго. Это решило сложную проблему сочетания платьев матери невесты и матери жениха, но хватало и других проблем.

— Доминик Блейд, — повторила портниха слабым голосом. — Прекрасно, ваше высочество. Кажется, я что-то о ней слышала. Если я правильно помню, она черноволосая, а Джэнси Гейн блондинка?

— Правильно, — ответила Рисса. — Это создает трудности?

— Это действительно ограничивает нас в выборе цвета. Розовый, например, очень идет блондинкам, но редко льстит брюнеткам.

— Не думаю, что Джэнси оденет розовое, — сказала Рисса, слегка содрогнувшись при этой мысли. — Как насчет бледно-голубого?

— Я о нем думала, но обе вышеупомянутые дамы довольно загорелые. — Швея нахмурилась. — Бледно-голубой цвет придаст желтизну их коже. А как насчет светло-зеленого? Это вполне королевский цвет и он будет уместным, ведь за церемонией венчания сразу же последует коронация.

Рисса кивнула, и, пока они рассматривали лоскутки бледно-зеленой ткани, она размышляла о том, что этот цвет будет очень мил, когда они создадут Королевский Дом и выберут королевские цвета. И необходимость принимать подобные решения станет делом прошлого. Никого никогда не волнует, идут ли королевские цвета к цвету его лица.

Приблизительные наброски фасона платьев довели бедную портниху до отчаяния. Одежда, которая подошла бы мускулистой, пышной фигуре Джэнси, проглотит более стройную и сухощавую Домино. Платья, которые выгодно оттенили бы мальчишескую фигуру Домино, заставят Джэнси казаться громоздкой. Уходя с предварительны-

ми набросками фасонов, портниха бормотала под нос молитвы всем божествам, какие только были склонны ее слушать.

Рисса послала Дейзи проводить портниху до дому, заверив, что полчаса вполне способна сама о себе позаботиться. Хотя подразумевалось, что этим она демонстрирует свою благосклонность к портнихе, Рисса стремилась хоть ненадолго остаться одна. Дейзи была склонна нянчиться с ней, против чего Рисса не возражала бы, если бы это была ее собственная нянюшка. Однако эта несчастная дама погибла, когда войска Каларана грабили их фамильный замок. Она оказалась недостаточно молода и хороша собой для невольничьего рынка. Няня некоторым образом спасла Риссе жизнь, настояв на том, чтобы принцесса переделалась в платье служанки. Таким образом, никто из воинов не заподозрил, что принцесса уцелела, а не была уничтожена вместе с остальными членами семьи.

Чтобы отвлечься от мрачных воспоминаний, Рисса подошла к окну и принялась считать остальных участников свадебной церемонии. Крапчатому — Стиллеру — Гулику предстояло стать шафером. Она сделала в уме заметку проследить, чтобы цвет его костюма не контрастировал с красным цветом, так как он, несомненно, разгорячится и его лицо может пойти красными пятнами.

Вторым шафером должен быть Гар Квитник. Она слегка содрогнулась при мысли о том, что убийца будет стоять у нее за спиной, и упрекнула себя за недостаток доверия. Тем не менее ему нельзя отказать в его законном месте.

Гном Иббл, друг Крапчатого, должен был нести кольца — роль, которую по традиции играл один из представителей низкорослого подземного народа.

Этим исчерпывалось число основных участников. Список приглашенных состоял из различных почетных гостей, генералов от религии и верных соратников. Галереи Димского Собора будут открыты для публики.

Рэнго настоял, чтобы устроить продажу, пусть и по символической цене, дабы в Собор не проник всякий сброд. Она понимала его доводы, но все же сочла это несколько дурным тоном. Однако нельзя было игнорировать и тот факт, что война против Каларана истощила казну.

Рисса вздохнула. Рэнго теперь почти не походил на того человека, того блестящего воина, которому она отдала свое сердце. Зато выглядел рассудительным, ответственным руководителем. Без сомнения, народ его будет любить. А вот будет ли она? — спросила себя Рисса.

Лемма Таудей увидел силуэт принцессы на фоне оконной занавески, когда прибыл во дворец на встречу с принцем Рэнго. И подумал, хорошо, чтобы она сегодня не испортила настроение принцу. То, что он хотел рассказать принцу, и без того будет воспринято не слишком хорошо, даже если его высочество пребывает в самом лучшем настроении.

Принц Рэнго снова находился в личном зале заседаний. Сегодня он передвигал флажки на настенной карте, сверяясь с пригоршней карточек для заметок. В простых брюках и тесно облегающей тунике он был больше похож на военного командира, чем во время предыдущих визитов Лемма, и священник обнаружил, что это его беспокоит.

— Приветствую, Лемма, — сказал принц. — Садись. Я займусь тобой, как только закончу отмечать местонахождение отрядов на карте. Получил известия от своих героев, отправившихся в поход. Похоже, дела идут хорошо.

— Мне кажется, вы отмечаете передвижения больше чем четырех отрядов, ваше высочество, — заметил священник.

— Правильно, — ответил принц Рэнго, — я двигаю различные войсковые части вокруг Фолтейна. Кое-где все еще вспыхивают драки — бандиты нападают на жителей и тому подобное. Негоже отвоевать Фолтейн у Каларана, чтобы потерять его в гражданских усобицах.

— Совершенно справедливо, сир, — согласился Леммл.

Принц Рэнго закончил с картой и отнес на стол серебряный поднос. Слегка рисуясь, он откупорил пару сине-зеленых бутылок с узким горлом и надписями, сделанными белыми буквами на незнакомом языке. Они содержали коричневую жидкость, которая, как заподозрил Леммл, была идентична тому пойлу, которое он отведал во время своего предыдущего визита. Принц открыл металлические пробки бутылок при помощи любопытного приспособления и налил пенящуюся жидкость в два хрустальных кубка.

— Больше половины королевского винного погреба превратилось вот в это, — весело сказал принц. — К счастью, мне оно нравится. Ну, что нового в Храме?

Леммл отпил из кубка. И обнаружил, что сладкая, напоминающая сироп, жидкость слегка скрипит на зубах. Надо отдать ей должное, она освежала.

— Демон Тьмы продолжает выступать из черепа Каларана. Посланец Света отодвинулся так далеко в правую глазницу, что его почти не видно. Даже при том, что наиболее разрушительные проявления смещения пространства-времени начали исчезать — советники вашего высочества оказались правы на этот счет, — мне становится все

труднее убедить церковные власти в том, что все в порядке.

Улыбка принца Рэнго была холодной.

— Я хорошо тебе заплатил, чтобы ты развеял их страхи. Сделай это.

— Сделаю, — поспешно пообещал Леммл.

Он наклонился вперед на стуле, понизив голос настолько, что принцу тоже пришлось податься вперед, чтобы расслышать сказанное.

— Но, мой господин, что, если череп говорит правду? Что, если порождение Тьмы угрожает благим делам Фолтейна? Разве нам не следует что-то предпринять?

Принц громко расхохотался:

— Я не верю магическим побрякушкам. Как может череп злого волшебника снабжать нас сколь-нибудь надежной информацией? Клянись, Леммл, ты стал таким же суеверным, как твой хозяева! Я считал тебя солидным бизнесменом.

Леммл вспыхнул:

— Это правда, принц Рэнго. Однако магия — могущественная сила. Тот, кто с ней играет, играет с опасными вещами.

Принц похлопал по мечу в ножнах:

— Предоставь мне позаботиться об этом, Леммл. Этот меч победил великих противников. Сохрани спокойствие в Храме, и через несколько дней все уладится. Я буду коронован, и ничто не будет грозить мне и тем, кто хорошо мне служил.

— Да, ваше высочество, — слабо улыбнулся Леммл. — Я вернусь с докладом через несколько дней.

— Прекрасно. — Смех принца звучал громко, но глаза его оставались холодными. — И постарайся, чтобы твой доклад мне понравился.

— Постараюсь, сир, постараюсь.

Лемма поспешно покинул зал заседаний принца. В животе у него бурчало от смеси сладкого напитка и тревоги. Он уже благополучно добрался до своих комнат, когда вспомнил, что того меча, которым принц разгромил своих великих врагов, уже нет в столице. Молебной, как и остальные артефакты, увезли, чтобы спрятать.

ТРЕБУЕТСЯ ХРАНИТЕЛЬ

— Бэээээ!

Даже если бы драконы не обладали исключительно острым слухом, этот звук пробудил бы Шмирнова ото сна.

Не открывая глаз и не поднимая головы, массивная рептилия прислушалась, пытаясь определить источник шума.

— Бэээ-ээ.

Да. Никакого сомнения. В его пещере находится овца... нет, несколько овец.

Овцы!

Что, черт побери, эти идиоты из деревни задумали на этот раз?

— Бээээ. Дзынь.

Второй звук, почти заглушенный блеянием овец, насторожил Шмирнова. Он открыл глаза и поднял голову, отыскивая источник этого звука.

Овцы не носят доспехов. Будь то овцы о четырех ногах и покрытые шерстью, или двуногие, живущие в хатах, овцы доспехов не носят.

— Покажись! — потребовал дракон.

— Бээээ.

Теперь он видел овец, по крайней мере полдюжины, толкующихся у входа в пещеру. Однако,

как он и подозревал, ни одна из них не носила доспехов.

— Покажись! — снова крикнул дракон. — Объяви о своих намерениях, или я буду предполагать худшее и действовать соответственно!

Низкорослая плотная фигура появилась из-за каменного валуна и остановилась, вырисовываясь силуэтом на светлом фоне входа.

Гном! Сперва овцы, а теперь гном! Ну и ну. А он-то было подумал, что это будет еще один скучный день.

— Я Иббл! — сказал гном. — Я пришел с миром!

— С миром? — проворчал дракон. — Это было бы приятное разнообразие.

Тем не менее оружия у гнома видно не было... если только он не спрятал его за валуном. И потом...

— А где остальные? — презрительно усмехнулся Шмирнов.

Иббл заметно вздрогнул и бросил быстрый взгляд через плечо.

— Остальные? — спросил он.

— Не играй со мной в игры, человек! Снаружи тебя ждет еще по меньшей мере десять человек. Воины, насколько я могу определить по звуку.

Теперь, когда Шмирнов окончательно проснулся, он ясно слышал поскрипывание кожаных ножен и другие негромкие звуки, выдававшие группу вооруженных людей. Более того, именно то, что звуков этих было так мало, указывало не просто на воинов, а на закаленных в бою ветеранов.

Это уже больше похоже на то, что дракон привык ждать от людей.

Старый способ нападения втихую, э? Если бы в нем было немного меньше рыцарства, он

притворился бы, что не знает об их присутствии, и позволил им предпринять попытку.

— Есть и другие, да, — поспешно согласился гном. — Но никто из нас не замышляет против тебя ничего плохого. Мы только хотим с тобой поговорить. Только это, и еще, может быть, попросить тебя об одолжении.

— Об одолжении?

Это действительно становилось интересным. Порывшись в памяти, Шмирнов не смог припомнить, когда в последний раз человек просил его об одолжении, если такое вообще когда-нибудь было. Выполнит он просьбу или нет — сама просьба может оказаться забавной. И все же лишняя осторожность не помешает. Предательство и обман — торговая марка людей.

— Откуда мне знать, что это не подвох? — спросил он, позволяя подозрительной интонации просочиться в его голос.

Это возымело желаемое действие, и гном начал нервно посматривать в сторону входа в пещеру. Если Шмирнов рассердится, Иббл никак не успеет убраться на безопасное расстояние и ему придется расплачиваться... и они оба это понимали.

— Я... мы принесли тебе подарки в знак наших добрых намерений.

— Подарки?

Хотя многое из того, что люди знают или рассказывают о драконах, является преувеличением или совершенной ложью, слухи об их жадности истинная правда.

Шмирнов поднял голову на самую большую высоту, которую допускали его шея и потолок пещеры, и оглянулся в поисках обещанных даров, словно нетерпеливый ребенок... очень крупный нетерпеливый ребенок.

В поле зрения ничего явно похожего на подарки не наблюдалось.

— Бээээ.

Дракон секунду смотрел на овец, затем повернул голову и посмотрел вниз на гнома:

— Когда ты упомянул о «подарках», ты ведь не имел в виду этих жалких созданий?

— Ну... собственно, да, — ответил Иббл, отодвигаясь немного поближе к валуну. — Я... мы думали, ты, возможно, голоден.

Шмирнов опустил голову так, что она почти легла на землю, и оказался с посетителем практически лицом к лицу.

— И в обмен на это ты ждешь, чтобы я сделал тебе одолжение? — спросил он. — Тебе лично?

— Мы — посланцы принца Рэнго, — поспешно пояснил гном. — Одолжение, о котором мы просим, от его имени... для блага королевства.

— Принца, вот как? Но, разумеется, самого его нет в вашем отряде. Правильно?

— Ну... да.

— По правде говоря, — продолжал дракон, — я готов биться об заклад, что ты даже не командир отряда. Правильно?

Иббл выпрямился во весь свой миниатюрный рост и гордо выпятил грудь.

— Я — ближайший друг и доверенное лицо командира, — заявил он. — Более того, я был его правой рукой и товарищем по оружию во многих опасных военных кампаниях и героических походах, и...

Дракон резко прервал его тем, что запрокинул голову и издал короткий лай, который походил на смех больше любого другого звука, вырывавшегося из глотки Шмирнова за последние десятилетия.

— Давай посмотрим, правильно ли я понял, — сказала рептилия. — Твой командир не был уверен, что я окажу ему теплый прием, если он просто войдет в мой дом... выслушаю ли я его или просто изжарю на месте из общих соображений...

поэтому послал вперед тебя прощупать почву. Ты, в свою очередь, решил попытаться увеличить свои шансы на выживание, пригнав кучку овец, чтобы посмотреть, голоден ли я, прежде чем приблизиться ко мне самому. Пока что я правильно говорю?

— Ну... в некотором роде, — признался Иббл.

— Просто для справки, откуда ты взял этих овец?

— Овец? Гм-м...

— На том лугу, в долине под нами. Правильно? — подсказал Шмирнов.

— Собственно говоря...

— Там их довольно много, да?

— Ну...

— Ты не задумался, откуда они взялись или почему бродят без присмотра?

— Это меня действительно немного озадачило, — ответил гном. — Но там их так много, и мы подумали, никто не хватится тех, что мы забрали.

— В самом деле? — Дракон улыбнулся. — Ну, прикинь-ка вот что. Что бы ты сказал, если бы я тебе сообщил, что крестьяне держат это стадо специально для того, чтобы я мог подкормиться... по крайней мере настолько, чтобы оставить в покое их деревню.

— Это... имело бы смысл.

— Больше смысла, чем пытаться снискать мое расположение овцами, можно сказать, из моего собственного стада. Что на это скажешь?

— Я тебя понял, — вспыхнул Иббл. — И все же наши намерения были добрыми.

— Ах да. Ваши намерения. — Теперь Шмирнов уже искренне забавлялся. — Насколько я помню, как мы выяснили, это ваше намерение состояло в том, чтобы проверить мой аппетит... и по возможности утолить его, если я голоден... до того, как рискнуть подойти самим. Скажи, ты

можешь представить себе, как мне надоело питаться одними только овцами?

— Я... могу понять, что это может стать проблемой.

Гном снова выглядел смущенным.

— Я хочу сказать, что должен действительно проголодаться, прежде чем смогу вынести самую мысль о том, чтобы съесть еще одно из этих блеющих созданий. С другой стороны, я всегда рад поклевать что-нибудь новенькое... особенно что-нибудь небольшое. Я достаточно ясно выражаюсь?

На мгновение Иббл дрогнул, затем храбро расправил плечи:

— Если мы оскорбили тебя своим невежеством, лорд Дракон, то приносим свои глубочайшие извинения. Если необходимо нечто большее, чем извинение... ну, как ты уже заметил, мною можно пожертвовать.

Следует отметить, что драконы вообще, и Шмирнов в частности, не испытывают уважения к человеческим существам... в число которых, по их представлению, входят также гномы и эльфы. Но, будучи умными существами, они уважают мужество и восхищаются им... хотя бы только по той причине, что это качество вполне может быть истреблено, и поэтому нуждается в активном поощрении и защите.

— Хорошо сказано, Иббл. — Шмирнов улыбнулся. — Твой хозяин может тобой гордиться. Более того, ты можешь не беспокоиться. У меня нет намерения съесть тебя или нанести другой урон — тебе или кому-нибудь из вашего отряда.

— Благодарю тебя, лорд Дракон, — сказал гном, кланяясь. — Мне не нужно других гарантий, кроме твоего слова.

— Ну, не стоит слишком уж на него полагаться, — предостерег дракон. — Я оставляю за собой право изменить свое решение, если кто-либо

попытается злоупотребить моим гостеприимством, воспользовавшись им для нападения. Это понятно?

— Конечно, — заверил Иббл. — Однако я тебя уверяю, мой господин — благородный воин, который не опустился бы до таких низких уловок.

— В самом деле? — в голосе Шмирнова послышались саркастические нотки. — Удивительно, как много так называемых благородных воинов считают, что обычные правила поведения и ведения боя в битве с драконом соблюдать не обязательно.

— Поверь, мой господин не входит в их число. Я был рядом с ним во время битв с разными врагами, многие из них не были человеческими существами, а некоторые даже не были живыми, и никогда я не видел, чтобы он отступил от кодекса чести.

— Звучит достаточно веско, чтобы я согласился принять его, — сказал дракон. — Но вы меня простите, если я все же проявлю осторожность. Причина того, что нас осталось так мало, заключается в том, что слишком многие доверяли словам и обещаниям людей. Ну и кто этот твой господин?

— Это Стиллер Гулик, личный друг и товарищ принца Рэнго.

— Гулик? — Шмирнов нахмурился. — Ты имеешь в виду Крапчатого Гулика? У которого проблемы с цветом лица?

— Ты его знаешь?

— Я знаю о нем, — ответил дракон. — Я бы не дождался столь зрелого возраста, если бы не обращал внимания на то, кто или что может подняться на эту гору и напасть на меня. Если следишь за нынешней порослью героев и храбрецов, которые делают себе имя, это окупаются.

— Понимаю.

— И чем он занялся теперь, когда подружился с принцем? Когда я слышал о нем в последний раз, он был наемником.

— Это было до войны, — объяснил Иббл. — Мы примкнули к принцу, чтобы помочь свергнуть Каларана.

— Война? Каларан? — Шмирнов покачал головой. — Этому нет конца, не так ли? Клянусь, иногда я думаю, что вам, людям, так же трудно жить в мире друг с другом, как и с моим народом.

— Если позволишь объяснить, — сказал гном, — я уверен, ты согласишься, что наше дело было правое. Каларан воистину был порождением зла.

— Конечно. — Рептилия улыбнулась. — Он ведь потерпел поражение.

— Не понимаю.

— Проигравшая сторона всегда виновата, — пояснил Шмирнов. — Особенно учитывая то, что именно победителям предоставляется привилегия определять, что добро, а что зло.

— Но Каларан...

— Избавь меня от этого, — вздохнул дракон. — Просто иди и приведи Крапчатого, и мы послушаем, что он хочет сказать.

— Сию минуту, лорд Дракон.

Гном повернулся к выходу, потом заколебался.

— Э-э... лорд Дракон?

— Что там еще?

— Если я могу высказать предложение... в интересах мирного исхода этой встречи... может быть, ты воздержишься и не будешь называть его «Крапчатым». Прозвище возникло из-за того, что он покрывается бледными пятнами, когда ему грозит опасность. Эта особенность спасала нас множество раз, но он слишком уж ее стесняется.

— Чувствительный человек, — пробормотал дракон. — Что они еще придумают?

— Простите?

— Неважно. Приведи его... а я постараюсь запомнить твоё предложение.

Несмотря на подозрения, Шмирнов рассматривал человека, которого гном привел в его пещеру, с подлинным любопытством. Ему редко предоставлялась возможность рассмотреть человека, особенно воина, не торопясь. Его встречи с ними были традиционно краткими, а то, что оставалось потом, можно было рассмотреть только после долгой и кропотливой сборки.

Стиллер был впечатляющим образчиком... среднего роста, крепкого телосложения, с мощными руками и ногами, и все это венчала лохматая голова с волосами бронзово-красного цвета. Яркие синие глаза смотрели прямо в глаза дракона спокойно и бесстрашно, хотя, как и у его спутника, на поясе и португее этого человека явно отсутствовало оружие.

Шмирнов отметил, что, несмотря на данные заверения, кожа Стиллера действительно была покрыта бледными пятнами, предупреждающими об опасности, из-за которых этот человек и получил свое прозвище.

Это хорошо. Может быть, это заставит Стиллера вести себя прилично во время беседы.

И еще возникал интересный вопрос. Эти пятна предупреждают о реально грозящей опасности или о любой опасности, которую этот человек предвидит? Если правильно последнее, не похоже, чтобы эта особенность была столь полезна. Если первое, тогда в их встрече есть нечто такое, что может оказаться опасным для человека, несмотря на гарантии безопасности. Дракон снова решил, что следует быть настороже.

— Ты — Шмирнов? — требовательно спросил вошедший.

Рептилия долгое мгновение смотрела на него, потом медленно вытянула шею и оглянулась, обводя взглядом пещеру.

— Ты видишь здесь каких-либо других драконов? — наконец спросил дракон.

— Ну... нет.

— Тогда можно смело предположить, что я и есть Шмирнов, тебе не кажется? В самом деле, Стиллер, если тебе хочется задавать ненужные вопросы, то эта встреча может затянуться до следующей смены времени года.

Человек заметно вздрогнул, услышав свое имя.

— Я тебе говорил, — прошептал ему стоящий рядом Иббл, за что получил резкий толчок локтем под ребра.

— Ты меня знаешь?

— Еще один лишний вопрос. — Дракон вздохнул. — Как я уже говорил твоему маленькому другу, я знаю о тебе. Ты довольно широко известен... в основном благодаря своей привычке снижать численность населения, как человеческого, так и прочего. Считается, что тебе это здорово удается... если ты гордишься подобными делами.

Пятна Стиллера побледнели, так как кожа под ними покраснела.

— Я горжусь тем, что никогда не проливал кровь ни одного существа, если оно первым не проявляло намерения причинить вред другим, — гневно ответил он. — В отличие от некоторых здесь присутствующих, не указывая пальцем.

— Стиллер! — предостерегающе прошипел гном, но было уже поздно.

— И что это должно означать? — зарычал Шмирнов.

— Может, я и воин, — заявил Гулик, стряхивая руку Иббла со своего локтя. — Но я заслужил свою репутацию, сражаясь против вооруженных

противников... да и против некоторых созданий. Только не в моем обычае опустошать целые деревни и поселки, без разбора уничтожая воинов и неспособных к сопротивлению, как принято у тебя и твоих родичей. А если бы я так поступал, то у меня не хватило бы совести упрекать тех, кто забыл о привычных предубеждениях и пришел ко мне с миром.

Дракон несколько мгновений в упор смотрел на него.

— Я вижу, — наконец произнес он, — что если мы хотим побеседовать цивилизованно, то сперва надо кое-что выяснить между собой. Учти это, воин.

Шмирнов немного помолчал, чтобы собраться с мыслями.

— Если бы у тебя был дом, с хорошими охотничьими угодьями и чистой водой, где ты жил в довольстве большую часть жизни, и этот дом заполонили пришельцы нового вида, совершенно разрушившие тот образ жизни, к которому ты привык, как бы ты среагировал?

— Это зависит от того, что это за пришельцы, — сдержанно ответил Стиллер.

— Справедливо. — Дракон кивнул. — На минуту представь их себе как колонию ос. Сперва их немного и на них легко не обращать внимания. Однако они устраивают гнездо и начинают размножаться с угрожающей быстротой. Что еще хуже, по мере увеличения численности они начинают распутивать добычу, которая является твоей обычной пищей. И ты часто вступаешь в прямое соревнование с ними за одни и те же источники корма. Что бы ты предпринял?

— Попытался бы их прогнать или уничтожить, — признался человек, отводя взгляд в сторону.

— Убить столько, сколько сможешь, и сжечь их гнезда. — Шмирнов улыбнулся. — Вероятно,

убивая при этом без разбору как ос-воинов, так и не воюющих, рабочих ос. Правильно?

Никто из его гостей не ответил.

— Теперь продолжим наш сценарий, — сказал дракон. — Давай предположим, что, руководствуясь ошибочным чувством своего превосходства, ты слишком долго ждал. Захватчиков стало очень много, чтобы эффективно справляться с ними. И дело не только в этом; ты обнаружил, что, если их растревожить, они способны нанести тебе вред... даже убить тебя, если они достаточно искусны или если их достаточно много. Вместе с этим знанием приходит понимание того, что ты проиграл. Тебе и тебе подобным придут на смену новые виды, те, которых ты мог бы раздавить, если бы серьезно отнесся к ним тогда, когда они впервые появились.

Голос Шмирнова изменился, в нем зазвучала горечь; сцены прошлого снова оживали в его памяти.

— Тебе ничего другого не остается, как только отступить. Найти какое-нибудь укромное местечко, настолько бесплодное, что никто не станет его у тебя оспаривать, и ждать конца со всем доступным тебе достоинством. Беда в том, что у этих «ос» есть память. Память и чувства. Они помнят ущерб, который ты им причинил в прошлом, и начинают охотиться на тебя и тебе подобных... то ли из мести, то ли для того, чтобы избавиться от угрозы, которой на деле больше не существует.

Он слегка покачал своей огромной головой:

— Некоторые из нас сошли с ума от этого давления и предпринимали яростные, но безнадежные атаки, пока не нашли долгожданную смерть, породившую многочисленные легенды. Другие сидят в своих убежищах, а некоторые, подобно мне, даже заключили хрупкое перемирие с небольшими группами людей. Хотя я искренне благодарен за взаимную терпимость, вы

должны простить меня за то, что я отношусь к вам, людям, без особого восхищения.

Дракон погрузился в молчание, и посетители его не прерывали, поскольку ничего не могли придумать в ответ.

Наконец Шмирнов испустил тяжелый вздох и опустил голову в медленном поклоне.

— Боюсь, по зрелом размышлении мне следует перед вами извиниться. Перед вами обоими. Вы пришли ко мне открыто и попросили о мирной встрече, а я, пообещав вам безопасность, встретил вас слабо завуалированными оскорблениями и угрозами. Это нарушает сам дух гостеприимства, если не сказать больше, и мне следует просить вас о прощении. Моим единственным оправданием является вспыльчивость, порожденная длительной изоляцией. Мне следовало бы радоваться гостям, а не гнать их прочь.

Гулик поклонился в ответ.

— Твои извинения приняты, но в них нет нужды, лорд Дракон, — сказал он. — Выслушав твою точку зрения на конфликт между драконами и людьми, я признаюсь, что мне стыдно за некоторые вещи, сделанные и сказанные в прошлом. Как бы ни прошла наша встреча, ты дал мне много пищи для размышлений на будущее. Более того, обещаю тебе передать услышанное другим, чтобы они тоже могли поразмыслить над долго царившей несправедливостью. Что касается нашего приема, я испытываю только благодарность, что он был таким мирным, как ты обещал. Боюсь, тебя не приняли бы и вполовину так приветливо, если бы ты решил нанести визит к нам домой.

— Могу это засвидетельствовать, — улыбнулся Шмирнов. — Как и мои шрамы. Но мы договорились оставить подобные воспоминания в прошлом. Теперь скажи мне, что привело вас в мою берлогу с миссией мира? Должно быть, нечто

важное, так как я могу себе представить, сколь нелегким был ваш путь.

Стиллер фыркнул:

— Воистину нелегким. Если интересуешься, могу поведать тебе об опасностях, которые мы преодолели, чтобы стоять здесь сейчас.

— Пощади, — ответил дракон.

— Сперва мы подверглись нападению... Прошу прощения?

Стиллер прервал свою речь, когда слова рептилии проникли в его сознание.

— Я сказал «пощади», — повторил Шмирнов. — Не хочу быть грубым, но держу пари, что уже слышал все это раньше. Никогда не слышал о походе, кампании или просто путешествии, совершенном воином, в котором не было бы засад бандитов, нападений различных кровожадных созданий, отсутствия пищи и воды и по крайней мере одного крюка в сторону для того, чтобы разобраться с кризисом, возникшим по дороге. Я ничего не пропустил?

Стиллер переглянулся с Ибблом.

— Ну... нет.

— Скажи, тебе никогда не приходило в голову, что крестьяне, купцы и мелкие торговцы пересекают те же самые земли практически безоружными и не сталкиваются и с сотой долей тех опасностей, которые вы, герои, воспринимаете как повседневность?

Снова гости посмотрели друг на друга, каждый ждал, что ответит другой.

— Можете обсудить это на досуге, после окончания нашей встречи, — сказал дракон. — Когда будете обсуждать и если выясните, что я прав, предлагаю обдумать два возможных объяснения. Первое: само присутствие воина или вооруженного отряда будет воспринято вооруженным отрядом или созданием, обитающими в той местности, через которую вы двигаетесь, как нападение.

и, следовательно, спровоцирует ответные действия. То есть они начнут то, что сочтут контратакой в ответ на вашу атаку, которую вы, в свою очередь, сочтете нападением, и среагируете соответственно. То, что вам кажется необходимой самообороной, только подтвердит их опасения о наличии у вас дурных намерений, и схватка продлится до самой смерти. Схватка, могу добавить, в которой, прежде всего, не было необходимости.

Стиллер задумчиво нахмурил брови.

— А второе возможное объяснение? — спросил Иббл.

— Если опасности и сражения постоянно преграждают вам путь, возможно, вам следует задуматься о выборе маршрута, — улыбнулся Шмиров. — Если кто-либо дал вам карту или предложил столь опасный маршрут, он, возможно, пытается подстроить вашу гибель, делая вид, что помогает. Если же, наоборот, маршрут выбрали вы сами, тогда существует вероятность, что вы позволяете гордости воина взять верх над здравым смыслом. То есть пытаетесь прорваться сквозь преграды и опасности силой оружия там, где другие просто пошли бы в обход.

Стиллер прочистил горло.

— И снова, лорд Дракон, ты даешь нам пищу для размышлений. Могу ли я тем не менее напомнить, что это ты затронул тему нашего путешествия?

— Я?

— Да. Ты сказал, что, по твоему предположению, наше путешествие было нелегким, что я принял за предложение рассказать тебе о наших странствиях.

— А! Теперь я понял причину затруднения. Собственно говоря, мое упоминание о вашем несомненно трудном путешествии должно было подразумевать, что поручение, вам данное, должно

быть важным, иначе вы его бы не предпринимали.

— Вот как!

— Что возвращает нас к отправной точке. Уточню вопрос: какое поручение привело вас в мою пещеру?

Стиллер несколько раз мигнул, потом затряс головой, словно для того, чтобы в голове прояснилось.

— Мое поручение. Совершенно верно, — произнес он почти про себя. — Попросту говоря, лорд Дракон, я отправлен в качестве личного эmissара принца Рэнго просить тебя об одном одолжении.

— Это мне уже объяснил вот этот твой товарищ, — терпеливо ответил дракон. — Скажи, а кто такой этот принц Рэнго?

— Он — законный правитель этих земель, как по происхождению, так и по праву победителя. Недавно ему с успехом удалось свергнуть злого тирана Каларана, и он вскоре взойдет на королевский трон — одновременно женится и будет коронован.

— Этот Каларан, о котором ты все время говоришь, — спросил Шмирнов, — он мертв?

— Почему ты спрашиваешь?

— Прежде чем оказывать услуги любому человеку или группе людей, неплохо бы знать, кто еще может возникнуть и обидеться на меня за то, что я принял чью-то сторону.

— Каларан мертв, — твердо сказал Стиллер. — Я лично присутствовал при его гибели.

— Почему у меня такое чувство, что эта смерть не была легкой? — лукаво спросил дракон.

— Воистину не была, — подтвердил воин. — Хоть Каларан и воплощал зло, он был самым могущественным противником, с которым я когда-либо сталкивался или даже о котором слышал. У него, разумеется, были сторонники, и он не был новичком в Черной Магии. Большая часть

нашей подготовки к наступлению состояла в том, чтобы найти и получить в свое распоряжение несколько могущественных реликвий, которые могли помочь нам во время решающей схватки. Как воин я вообще-то презираю применение магии, но должен признать, что в этом последнем столкновении я был рад, что мы потратили время и собрали их. Потребовалось применить такие мощные средства, как свиток Гвайкандер, амулет Анакрон и перстень Сомбризио, прежде чем Каларан достаточно ослабел, чтобы его можно было свалить ударом меча. Без них, боюсь, наши планы рассыпались бы в прах.

— Впечатляет, — согласился Шмирнов. — Не уверен, однако, что понимаю. Если с этим Калараном уже разделались, тогда чем я могу помочь?

— Ну, это связано с одним из артефактов, — смущенно ответил Стиллер.

— Артефактов?

Голова Шмирнова взмыла вверх, и он оглянулся назад, в глубину пещеры, где хранились его собственные сокровища. Определив с первого взгляда, что они в целости и сохранности, он снова повернулся к воину:

— Хотя я и оценил оригинальность вашего подхода — ведь вы просите дать вам одно из моих сокровищ, вместо того чтобы украсть его или, убив меня, завладеть им, но должен признать, что меня ваша просьба озадачила. В моем кладе нет предметов, даже примерно приближающихся по могуществу к тем вещам, которыми вы уже овладели. А даже если бы у меня и было нечто такое, что могло бы вам помочь, но мне кажется, вы сказали, что битва уже окончена.

— Ты неверно понял, лорд Дракон, — поспешно заверил его Стиллер. — Мы не посягаем на твои сокровища. Совсем наоборот. Мы хотим попросить тебя присоединить один из наших артефактов к твоей несомненно ценной коллекции.

— А зачем вам это нужно? — с подозрением спросил дракон.

— Ну... чтобы ты мог хранить его для нас.

— Ты пытаешься сказать, что, по-твоему, артефакт будет храниться надежнее здесь, в моей пещере, чем в столице королевства, окруженной легионами королевских гвардейцев? — В голосе Шмирнова звучало недоверие. — Прости, но это идет вразрез со всем, что я слышал или узнал о самонадеянности человеческой породы... разве только ты чего-то недоговариваешь.

Стиллер испустил тяжкий вздох:

— Правда заключается вот в чем, лорд Дракон: нам сказали, что мы должны снова разнести артефакты по разным местам. Поэтому моим старым товарищам и мне поручили найти новые тайники для каждого из них. Вот что привело меня к тебе сегодня.

— Возможно, годы все же притупили мой ум, — сказал дракон, — я все еще не понимаю. Не мог бы ты объяснить еще, почему вам приходится прятать артефакты по различным местам?

— Странные события происходят у нас с тех пор, как могущественные орудия собраны вместе, — мрачно пояснил Стиллер. — Рыба и другие создания сыплются дождем с безоблачного неба. Неземные звуки... некоторые называют их музыкой... раздаются в воздухе из непонятно какого источника. Летающие машины появлялись в небе над столицей и снова исчезали. Самые устрашающие, богопротивные создания, неизвестные науке и даже не описанные в сказках, начали появляться в различных местах вокруг наших земель. Возможно, ты сам наблюдал некоторые из этих явлений?

— В общем, нет, — ответил Шмирнов. — Но, с другой стороны, я не очень-то следил за этим. Обычно, когда происходит что-то странное или необъяснимое, я отношу это к последним козням

ваших собратьев и по мере сил стараюсь не обращать на них внимания.

— Ну, они все равно происходят, — сказал Стиллер. — Ученые люди в столице пришли к выводу, что объединенная мощь артефактов, которые мы собрали в одном месте, каким-то образом привела к разрыву материи между нашим пространством и соседними. Более того, они предсказывают, что этот разрыв будет расти. Единственный выход, предложенный ими, состоит в том, чтобы артефакты снова унесли и спрятали в разных местах. Эту задачу принц Рэнго возложил на меня и моих товарищей, пока сам он готовится взойти на трон... и эта задача привела меня сегодня к тебе.

Он выпрямился и слегка поклонился.

— Гм-м. Очень интересно, — произнес дракон задумчиво. — А остальное?

— Остальное? — Воин нахмурился. — Не понимаю.

— Должно быть что-то еще, — настаивал Шмиринов. — В твоём рассказе остались неясности. Например, почему принц отослал все артефакты? Если проблема возникла оттого, что их все собрали вместе, тогда почему он не приказал просто спрятать один из них? В самом крайнем случае, думаю, он должен был отослать все, кроме одного, оставив самый мощный у себя под рукой, чтобы обеспечить себе долгое царствование.

Его гости посмотрели друг на друга и пожали плечами.

— Не имею ни малейшего представления, — ответил Стиллер. — Принц отдал мне приказ, и я его выполняю.

— Похвальная верность, — заметил дракон. — Но тут возникает еще один вопрос. Разве он не мог поручить это задание другим? Почему было необходимо посылать самых близких к нему людей, которые знают его лучше всех, в такое время,

когда самым разумным было бы оставить их рядом с собой? После того как вы помогли ему завоевать трон, кажется странной наградой послать вас снова в опасный поход, а не обеспечить почет и отдых?

— Я и сам задавал себе этот вопрос, — проворчал гном.

— Заткнись, Иббл, — резко бросил Стиллер. — А что касается твоего вопроса, лорд Дракон, могу только предположить, что принц счел нашу миссию настолько важной, что ее можно доверить лишь самым испытанным друзьям и сторонникам. Я горжусь тем, что включен в их число.

— Гм-м. Ну, если ты так считаешь... — с сомнением протянул Шмирнов. — Ладно, если это все, что тебе известно, тогда нет никакого смысла выпрашивать у тебя подробности. Собственно, меня это не касается. Важно только то, возьму я у вас этот артефакт на хранение или нет.

— И каков твой ответ на этот вопрос, лорд Дракон? — настаивал Стиллер.

— Полагаю, это будет зависеть от нескольких факторов, — ответил дракон. — Какая мне от этого выгода?

— Прошу прощения?

— Брось, Стиллер. Мы все здесь разумные существа. Ты от меня чего-то хочешь, как ты говоришь, одолжения. Что предложишь мне взамен?

— Ну... — начал воин, взглянув на Иббла в поисках поддержки и получив вместо ответа еще одно пожатие плечами. — Я не думал об оплате. Полагаю, если мы сможем договориться о какой-то сумме, я получу согласие принца ее гарантировать.

— Конечно, на это понадобится время. — Шмирнов вздохнул.

— Вовсе нет, — ответил Стиллер. — С нами чародей, который специализируется на колдовской

связи. Поскольку он все время держал связь с чародеем принца и посылал регулярные отчеты о наших передвижениях, то полагаю, ему не составит труда получить согласие на выплату денег.

— По правде говоря, я думал не об оплате, — сказал дракон. — Хотя признаюсь, этот новый скоростной способ связи меня заинтриговал.

— Но ты сказал...

— Я спросил, что ты можешь предложить мне взамен. У меня на руках и так уже достаточно сокровищ. Их довольно легко было скопить, поскольку мне их негде тратить.

Шмирнов пренебрежительно махнул хвостом, указывая на дальний угол пещеры.

— Ну, если тебя не интересует золото или драгоценности, что бы ты хотел получить в обмен за свою услугу? — спросил Стиллер, с некоторым трудом отводя взгляд от этого дальнего угла.

— Я об этом не особенно задумывался, просто руководствовался основным инстинктом: не отдавать ничего за так. Учтите, это для меня новая мысль, а вы к ней, возможно, уже успели привыкнуть. Дайте подумать...

Огромная рептилия несколько секунд задумчиво смотрела в потолок пещеры.

— Что бы мне могло и правда пригодиться, — сказал он, обращаясь больше к самому себе, — так это что-нибудь от скуки.

— Что ты там говоришь?

— Гм? О, прошу прощения. Я думал вслух. Видишь ли, самая большая проблема моего нынешнего существования в том, что оно невероятно скучное. Не говорите об этом жителям деревни, но бывают моменты, когда я даже подумываю нарушить заключенное с ними перемирие просто для того, чтобы чем-нибудь заняться.

— Знаешь, Стиллер, нам об этом, вероятно, тоже стоит задуматься, — сказал Иббл. — Когда эта миссия завершится и в королевстве наступит

мир, нам тоже может стать с непривычки скучно. Много лет мы только тем и занимались, что путешествовали и сражались.

— Любопытно будет узнать, воин, — сказал дракон. — Что делают люди, чтобы занять себя в бездействии?

— Разные люди занимаются разными делами, — пожал плечами Стиллер. — Некоторые любят копать в саду — лично мне это никогда не нравилось. Другие заводят себе хобби.

— А что делаешь ты?

— Я? Ну, когда мне предоставляется возможность, я люблю играть в карты... особенно в покер.

— Покер? — переспросил Шмирнов. — А что такое покер, скажи пожалуйста?

— Стиллер! — В голосе гнома появились новые, предостерегающие нотки.

— Расслабься, Иббл, — отмахнулся воин от своего товарища. — Я только отвечаю на вопрос лорда Дракона. Покер — это карточная игра... одна из многих, собственно говоря. Можно сказать, что это требующий длительного времени способ перераспределять богатство путем изучения математической вероятности.

— Это что? — Дракон нахмурился.

— Это азартная игра, — ровным голосом произнес Иббл. — Двое или больше игроков получают каждый по несколько карт и делают ставки на то, у кого на руках комбинация из самых старших карт.

— Это несколько упрощенное описание, — нахмурился Стиллер.

— А твое объяснение неоправданно бестолковое. — Гном в ответ скорчил гримасу.

— Звучит завлекательно, — сказал Шмирнов. — Ты мог бы меня научить?

— Почту за честь обучить тебя основам игры, лорд Дракон, — ответил воин. — Однако, чтобы

овладеть искусством игры, требуются долгие годы практики. К тому же нам придется включить в урок умение делать ставки. Многие тонкости игры связаны с умением делать ставки и блефовать.

— Стиллер!

— Расслабься, Иббл, прошу тебя, — прошипел Стиллер. — Помни, это не моя идея. Это просьба лорда Дракона. Если он желает поставить такое условие в обмен на его помощь, мне ли ему отказывать? Я ведь обещал принцу, что никакая опасность не помешает мне выполнить поручение.

— Опасность? — переспросил дракон. — Простите, но какая опасность может заключаться в подобном уроке?

— Прошу прощения, лорд Дракон, — сказал гном, — но опасность, которой я боюсь, грозит Стиллеру, а не тебе. Видишь ли, когда мы говорим о ставках... о том, чтобы ставить золото или драгоценности на какую-либо карту... такой обмен производится навсегда. Иными словами, ценности не возвращаются проигравшему после окончания игры. И часто игроки так огорчаются, проиграв большую часть своих богатств, что нападают в отчаянии на выигравших. Поскольку Стиллер очень искусно играет именно в эту игру, он подвергался нападениям вспыльчивых партнеров уж и не помню сколько раз. Следовательно, видя, что он собирается ввязаться в игру с таким явно устрашающим созданием, каким являешься ты, особенно если оно, как и ты, недостаточно разбирается в игре, я начинаю очень беспокоиться.

— Нет нужды бояться, маленький человечек, — ответил Шмирнов. — У меня достаточно сокровищ, чтобы не рассердиться, отдавая некоторую его часть в обмен на знания.

— Отлично, — сказал Стиллер, потирая руки.

— Конечно, только в том случае, если я не обнаружу, что та математическая вероятность, о которой ты упомянул, искусственно подтасовывается. Это будет равнозначно воровству, и такого я не потерплю.

— Вот как. — Воин несколько увял.

— Собственно, меня в этом потенциальном соглашении тревожит только одно, — продолжал дракон. — Ты упомянул, что для этой игры нужны двое или больше игроков. Хотя игра кажется привлекательной, а уроки доставят мне удовольствие, что я буду делать с этими знаниями после вашего ухода?

— Я мог бы включить в соглашение обещание время от времени возвращаться... скажем, два-три раза в год... и мы могли бы продолжать игру.

Стиллер всего один раз позволил себе метнуть взгляд в дальний угол пещеры, выдвигая это бескорыстное предложение.

— Это было бы замечательно! — воскликнул Шмирнов. — Полагаю, мы договорились. Идите и принесите свою безделушку.

По кивку Стиллера Иббл бросился к выходу из пещеры.

— Должен сказать, лорд Дракон, — произнес воин, пока они ждали, — что этот метод общения друг с другом гораздо более приятен, чем тот подход, который я привык применять к тебе подобным.

— Как один из представителей вида, почти стертого с лица земли твоими сородичами, могу только согласиться, — ответил дракон. — Многие можно сказать в пользу мирного сосуществования.

— Наряду с благодарностью от принца Рэнго я хотел бы принести и личную благодарность за это одолжение, — сказал Стиллер. — Мне будет гораздо спокойнее знать, что артефакт охраняет

тот, кто отличается не только свирепостью, но и умом.

— Ты слишком добр, — отвечивал Шмиринов. — Между прочим, ты так и не сказал, какой из артефактов доверяешь моим заботам. Надеюсь, не Сомбризио. Этот перстень может быть настоящей...

Он резко осекся, так как пещера осветилась.

Снова появился Иббл, неся с собой меч, излучающий мягкий, но явственный свет.

— Насчет Сомбризио не стоит беспокоиться, — сказал Стиллер. — С этой проблемой сражается Джэнси...

— Это же Молебой!

В голосе дракона звенели ужас и упрек.

— Ну... да, — подтвердил воин, немного ошарашенный реакцией хозяина.

— Ты ничего не говорил о Молебое, — прошипел Шмиринов. — Ты назвал только свиток Гвайкандер, амулет Анакрон и перстень Сомбризио.

— В самом деле? — Стиллер нахмурился. — Я, помню, говорил, что Каларан был окончательно сражен ударом меча. Возможно, я позабыл упомянуть, что этим мечом был Молебой. Уверяю тебя, я не задумывал никакого обмана.

— Прошу прощения. Сделка отменяется, — решительно произнес дракон.

— Отменяется? — вскричал воин. — Но почему? Это была непреднамеренная ошибка с моей стороны. Я хочу сказать, артефакт — это артефакт. Разве не так?

— Ты безумец, Стиллер Гулик, или просто дурак? — осведомилась рептилия. — Ни при каких условиях я этот меч и близко к себе не подпущу.

— Но...

— Это оружие — одно из немногих орудий, известных твоему народу, которое действительно может нанести мне большой вред. Меня можно убить одним ударом этого проклятого меча. Не

можешь же ты ожидать, что я буду держать потенциальное орудие исполнения собственного приговора в своей пещере! Мне очень жаль, но оно должно удалиться.

— Но где еще может найтись для него более безопасное место, чем здесь? — возразил воин. — Если ты его не принимаешь, куда мне с ним идти?

— Это мне совершенно безразлично, — ответил дракон. — Почему бы не отнести его обратно туда, где вы его когда-то нашли?

— Невозможно. Это укрытие больше не является безопасным.

— Почему? Насколько я помню, Молебою полагается быть под охраной довольно свирепого людоеда. Что с ним случилось?

— Он... гм-м... мы его убили, — смущенно признался Стиллер.

— В самом деле? — сказал Шмирнов. — Жаль. Впрочем, невелика потеря. Насколько я слышал, он был настоящий дикарь.

— У тебя есть хоть какие-нибудь предложения насчет того, куда нам его спрятать?

— Ни единого, — ответила громадная рептилия, качая головой. — Как я уже сказал, это ты и твой народ очень эффективно уничтожали создания, которые считали опасными и таящими угрозу. Смешно, правда? Потратив столько времени и энергии на убийство разных чудовищ, теперь вы не можете найти ни одного, когда он вам позарез нужен.

— Да. Смешно, — проворчал Стиллер. — Прошу прощения, если я не принял шутку с должным энтузиазмом, но ведь именно на моей шее застрял этот меч.

— Очень жаль, что у тебя нет какого-нибудь другого артефакта, — заметил Шмирнов. — Я бы не отказался присмотреть за свитком или амулетом. Как ты считаешь, нет никакой возможности

обменяться заданиями с одним из упомянутых тобой товарищей?

— Сомневаюсь, — ответил воин. — Мы все разъехались в разных направлениях... насколько помнишь, идея заключалась в том, чтобы отделить артефакты друг от друга. Боюсь, что, к тому времени как я догону одного из остальных, они уже избавятся от своих артефактов.

— Ну, мне очень жаль, что я не могу тебе помочь... и я говорю это искренне, — сказал дракон. — Мне действительно очень хотелось научиться играть в покер. Наверное, ты теперь не захочешь меня учить?

— Посмотрим, — ответил Стиллер, вспомнив на мгновение о сокровищах дракона. — Возможно, как-нибудь потом. В данный момент мне необходимо выполнить свое поручение.

— Желаю успеха, — сказал Шмирнов. — Если никакого решения не подвернется, вспомни, о чем я говорил раньше. Если остальные добьются успеха, можно будет оставить один из артефактов в столице, вреда это не принесет.

Двое друзей молча спускались вниз по склону от входа в пещеру Шмирнова.

— Ну вот мы и остались ни с чем, — наконец произнес Стиллер голосом, полным усталости.

— Я действительно думал, что на этот раз у нас получится, — вздохнул Ибл. — Я хочу сказать, что он согласился, и все такое. До тех пор пока он не узнал, что мы просим его сторожить именно Молебой.

— Только результат боя идет в счет, — напомнил ему воин. — Как бы ни была близка победа в схватке, конечным итогом было то, что он сказал «нет».

— Давай отдохнем тут немного и обдумаем следующий шаг, — предложил гном, замедляя шаг и останавливаясь.

— Устал? — спросил Стиллер, присев на корточки, как обычно во время отдыха. — Должно быть, стареешь, Иббл. Вспоминаю то время, когда такая небольшая горка была для тебя пустяком.

— Не в этом дело, — ответил Иббл, отмахиваясь от попытки друга пошутить. — Просто не спешу сообщить колдунцу-мономагу принца о нашей последней неудаче. Самое меньшее нам нужно придумать, куда мы отправимся дальше, до того как посылать сообщение принцу. Возможно, поражение будет выглядеть менее безнадежным, если у нас будет позитивный план, и мы его предложим одновременно с тем, как признаем отрицательные результаты своего последнего предприятия.

Стиллер скорчил гримасу, его скупая улыбка сменилась морщинками озабоченности.

— Я только надеюсь, что колдунец прибавляет кое-что от себя к тем выражениям разочарования, которые передает нам от имени принца Рэнго. Мне невыносимо думать, что Рэнго действительно так возмущен нами, даже учитывая непрерывную череду наших провалов.

— Вспомни, теперь это принц Рэнго, — ехидно произнес Иббл. — Не впервые золотая корона меняет личность того, кто ее надел.

— Возможно, ты и прав, — ответил Стиллер. — Он явно не похож сам на себя в последнее время. Я только надеюсь, что виной тому напряжение из-за предстоящего бракосочетания и коронации, и он снова станет прежним, когда все это останется позади.

— Надежда всегда остается. — Гном пожал плечами. — А пока что мы будем делать с Молебоем?

— Я надеялся, у тебя есть идеи. — Воин вздохнул. — Дракон Шмирнов был моей последней картой. Я даже не слышал о каком-либо другом

существо, достаточно злобном для охраны такого приза.

— Если бы только ты не убил того мантикора*... — сказал Иббл.

— Ты имеешь в виду людоеда?

— Нет, я имею в виду мантикора, — настаивал гном. — Помнишь того, которого ты зарубил раньше, чем мы успели поговорить с ним?

— Но ведь он застал меня врасплох. И что? — оправдывался Стиллер. — Я ожидал найти его на вершине холма и медленно приближался к нему. Когда он выскочил из кустов прямо над нами, я просто ударил с размаха, чисто рефлекторно.

— Я там был. Помнишь? — возразил Иббл. — В основном поэтому я решил, что будет лучше, если сначала я пойду к Шмирнову.

— Я уже сто раз извинялся за тот случай. Хочешь снова послушать? Ладно. Мне очень жаль. Мне не следовало убивать мантикора. Вот. И чем это нам поможет?

— Я только хотел сказать, что у нас осталось на одного потенциального хранителя меча меньше... а список с самого начала был не столь уж длинным.

— Знаю, — удрученно произнес воин. — Давай посмотрим: первый хранитель-людоед и мантикор мертвы, морлюди отказались, дракон тоже. И что теперь?

— Теперь сидим на склоне холма и беседуем сами с собой. — Иббл вздохнул. — Я все равно считаю, что мы могли бы просто закопать его в каком-нибудь овраге или где-то еще.

Стиллер покачал головой.

---

* Мифическое чудовище с телом льва, хвостом скорпиона и головой человека.

— Это мы уже обсуждали, — упрямо сказал он. — Это сработало бы только в том случае, если бы мы потом убили всех членов нашего отряда... включая колдунца — любимчика принца — и нас самих. Иначе кто-нибудь проговорится, и пойдет слух, что могущественный артефакт просто лежит поблизости и ждет, когда его возьмут. Нет, нам нужен хранитель, и злобный хранитель. Настолько неприятный, что, если кто-то и узнает, где спрятан Молебой, он дважды подумает, прежде чем попытается его достать.

— Но ты же не думаешь просто отвезти его обратно в столицу, — возразил гном. — Хотя, как верно заметил дракон, опасности не будет, если там появится только один артефакт.

— Это при условии, что другие успешно справятся с задачей, — напомнил Стиллер. — Кроме того, мне не нравится мысль, что я буду единственным из всего старого братства, кто не сможет выполнить поручение.

— Значит, мы зашли в тупик, — подытожил Иббл, поднимая камешек и бросая его в кусты. — Полагаю, мы можем попытаться еще раз поговорить с морлюдьми.

— Они довольно резко нам отказали, — возразил воин. — Кроме того, не уверен, что мечу будет полезно храниться под водой.

— Предполагается, что его невозможно уничтожить, — сухо заметил гном. — Именно это делает его столь ценным.

— Возможно, он не изнашивается и не ломается. Но все же это сталь, а вода и сталь — старые враги.

Говоря так, Стиллер вытащил меч и стал рассматривать его сияющее лезвие.

— Он выглядит вполне обычным, если не считать свечения, — заметил он. — Интересно, связано ли оно как-то с его неразрушимыми свойствами?

— Нет. Это просто небольшое колдовство. — Иббл махнул рукой.

— Как ты сказал?

— Свечение. Это просто эльфийский заговор на свечение, — сказал гном. — Эти чары довольно легко наложить, и они действуют пару веков. Тот, кто изготовил этот меч, вероятно, заговорил его на свечение в виде бесплатного приложения.

— Ты раньше ничего об этом не говорил.

— Ты раньше не спрашивал. Я думал, что ты уже знаешь об этом.

— Никогда о таком не слышал. Откуда тебе известно?

— В той деревне, где я вырос, был эльфийский кузнец, ковавший мечи. Он мог заговорить на свечение любой предмет, если его просили.

— Как далеко отсюда твоя деревня?

— Пару дней езды верхом. Если у нас останется время после выполнения задания, можем заехать туда, и я вас познакомлю.

— Поедем туда сейчас, — сказал Стиллер, поднимаясь.

— Сейчас?

— Да. Кажется, у меня есть идея.

Эльфийский оружейник свысока смотрел на двоих посетителей.

— Молодой человек, — сказал он, — если бы Иббл только что не поведал мне, что вы его друг и герой, я бы назвал вас либо глупцом, либо безумцем.

— Уверяю вас, сэр, я ни то ни другое, — спокойно ответил Стиллер.

— Ну, судя по вашей просьбе, этого не скажешь. Сделать дубликат Молебоя?

Он показал на сияющий меч, который они положили на его верстак.

— Если бы я мог это сделать, я бы не держал кузницу в такой крошечной деревушке, как эта.

Половина чар, при помощи которых изготовлен этот меч, со временем была утеряна, а для тех, которые еще помнят, нужно затратить долгие годы только на сбор ингредиентов. Ты зря тра-тишь свое время... и мое тоже!

— Пожалуйста, Анкен, — вмешался Иббл. — Вы-слушай нас до конца.

— Вы неверно меня поняли, сэр, — сказал во-ин. — Я не спрашиваю у вас, можете ли вы изго-товить второй Молебой. Как вы и сказали, для этой задачи ни у одного из современных оружей-ников не хватит ни умения, ни знаний. Я толь-ко прошу выковать меч, который будет выглядеть как Молебой. Обычное оружие с лезвием, загово-ренным на свечение.

Анкен несколько мгновений разглядывал дво-их приятелей.

— Фальшивый Молебой, — наконец произнес он. — Никогда о таком не слышал. Вы двое, случа-ем, не собираетесь продать подделку вместо на-стоящего? Или отдать подделку законному вла-дельцу, а настоящий оставить себе?

— Я не могу открыть вам причину нашей просьбы, — твердо ответил Стиллер. — Но даю вам слово, что наши цели чисты и благородны.

— Ты же знаешь меня всю жизнь, Анкен, — вставил гном. — Ты когда-нибудь уличал меня в чем-то бесчестном?

— Это правда, — задумчиво согласился эльф. — Дело в том, что ты всегда был несколько туповат для этого.

— Так вы можете это сделать? — настаивал Стиллер. — И что еще важнее, захотите ли?

Вместо ответа Анкен взял в руки Молебой и начал его внимательно рассматривать.

— Вид у него не такой уж грозный, правда? — сказал он почти что про себя. — Присядьте, маль-чики. Кажется, у меня есть в запасе пара мечей,

которые дадут нам необходимые детали. Может, придется переделать рукоять, но это не займет много времени.

— Лорд Дракон! Вы тут? Это Стиллер Гулик и Иббл.

Огромная рептилия повернула голову к источнику звука.

— Стиллер? — спросил дракон. — Ты вернулся так быстро? Означает ли это, что ты готов начать давать мне уроки покера?

— Собственно говоря, да, — ответил воин. — Но сперва мне придется тебя удивить.

Он подал знак гному, который снял с плеч джутовый мешок, полез в него и достал меч с сияющим лезвием.

— Стиллер. — Голос Шмирнова звучал угрожающе. — Я полагал, что совершенно ясно выразил свои чувства по поводу этого меча.

Стиллер не обратил на его слова никакого внимания.

— Поставь его туда, Иббл, — велел он, указывая на место, не дальше чем в трех шагах от входа в пещеру.

— СТИЛЛЕР!

— Ну-ну, лорд Дракон, — спокойно сказал Стиллер. — Наскільки я понял, тебя волнует то, что какой-нибудь впавший в заблуждение или слишком самоуверенный вояка возьмет это оружие и попытается применить его против тебя. Верно?

— Я уже сказал вам, что не допущу присутствия в своей пещере Молебоя. Это слишком опасно.

— Но, Шмирнов, если кто-то попытается применить против тебя вон тот меч, его ждет жестокое разочарование. Видишь ли, это не Молебой.

— Чепуха, — проворчал дракон. — Я узнаю этот проклятый меч повсюду.

— Так же подумает и любой агрессор, — согласился воин. — Но он совершит ошибку.

Он снова кивнул Ибблу, который вынул из своего мешка еще один сияющий меч.

— Вот — настоящий Молебой, — провозгласил Стиллер торжествуя. — Он будет надежно спрятан в этом мешке в глубине твоей пещеры. Тот, что у входа, — подделка... он лишен могущества, только заговорен на свечение, что совершенно безопасно. Любой, кто попытается использовать это оружие против тебя, совершит самоубийство.

Шмирнов вытянул шею вперед, качнул головой сперва в одну, потом в другую сторону, рассматривая оба меча.

— Хитро придумано, — наконец произнес он. — Конечно, ваш род всегда не имел себе равных в искусстве предательства. Должен признаться, что не могу отличить один меч от другого. Вы уверены, что подделка именно тот, который у двери?

Дракон был так занят разглядыванием мечей, что не заметил испуганного взгляда, которым обменялись двое друзей.

— Поверь мне, — непринужденно ответил Стиллер, делая знак Ибблу снова спрятать второй меч в мешок. — Итак, с таким дополнительным уточнением, наш договор заключен?

— Ну, — сказал дракон, — ты умеешь убеждать, и мне очень хочется научиться играть в покер, но я все же не буду чувствовать себя в полной безопасности, если этот меч будет лежать в моей пещере. Даже спрятанный в джутовый мешок, это все же Молебой. Я ощущаю иронию возможности быть убитым мечом, который тот, кто им овладеет, будет считать второсортным.

Стиллер и Иббл обменялись взглядами, полными разочарования. Потом гном оживился.

— Наше посещение Анкена напомнило мне, что не только эльфы владеют мастерством накладывать чары. — Он таинственно понизил голос: — Гномы умеют работать с камнем!

— Это очень мило, Иббл, — сказал Стиллер, — но какое это имеет отношение к тому, чтобы найти хранителя для Молебоя?

Иббл радостно запыхтел:

— Мы заключим оба меча в камень. Молебой будет заключен в каменную плиту — я могу его предварительно завернуть, чтобы он не крошился, — а фальшивый Молебой частично вставим в броский пьедестал.

Стиллер подхватил мысль своего товарища:

— Тогда ты сделаешь из фальшивого Молебоя что-то вроде украшения и приманки. Настоящий же Молебой будет спрятан, еще один камень в каменной пещере! Это прекрасно, Иббл!

— Спасибо, — скромно ответил гном.

Голос дракона задрожал от волнения.

— Что тебе нужно, чтобы изготовить твой волшебный камень?

— О, всего лишь немного песка, гравия, извести и глины, — сказал гном. — Ингредиенты вполне обычные. Настоящее волшебство заключается в их сочетании. Мне понадобится несколько дощечек, чтобы изготовить форму, в которой я отолью эту плиту.

— А ты можешь сделать ее любой формы? — спросил Шмирнов.

— Почти любой, — гордо ответил Иббл, поспешив прибавить, — но делать причудливую форму будет гораздо дольше.

— Я и не хотел ничего причудливого. Я просто подумал, что каменная плита примерно такой высоты, — он показал своей когтистой лапой, ка-

кой именно, — послужит идеальным карточным столом.

— Это я могу сделать, — пообещал Иббл.

— А теперь, — спросил Стиллер, скрывая свое нетерпение, — с этим добавочным усовершенствованием, мы договорились?

— Теперь договорились, — ответил Шмирнов. — Теперь мы можем начинать наши уроки игры в покер.

— Отлично! — потирая руки, воскликнул воин. — Я решил, что мы начнем с раздачи пяти карт.

— Я предпочел, если бы ты начал с той разновидности, где карты выкладывают на стол, а не держат в руке.

— Прошу прощения? — Стиллер изумленно заморгал.

— Мне кажется, мне будет легче научиться этой игре, потому что карты для меня слишком малы, и так мне будет легче ими играть, чем держать несколько карт в одной лапе. Раздача пяти или семи мне подойдет.

Воин подозрительно прищурился:

— Мне показалось, ты сказал, будто не умеешь играть в покер.

— То, что я не умею играть, не означает, что я никогда не слышал об этой игре, — объяснил Шмирнов.

— Гм-м, — задумчиво хмыкнул Стиллер.

— Поверь мне. — Дракон улыбнулся.

— Только благодаря необычайно странному стечению обстоятельств он оказался у меня, — говорил Анкен. — Но я не хочу утомлять тебя рассказом о них. Важно только, чтобы он попал к настоящему воину, который обратит его силу во благо, сохранив в тайне его местонахождение.

Его покупатель продолжал рассматривать сияющее лезвие со смесью благоговения и скепсиса.

— Так это действительно легендарный Молебой? — произнес он. — Он выглядит довольно обычным, правда? Ты уверен, что не ошибаешься?

— Поверь мне. — Анкен улыбнулся.

Эльф ждал первого предложения цены от воина, прикидывая, до какого предела можно поторговаться. У него оставалось еще три копии, которые можно продать другим, но это не должно влиять на цену данного меча.

ПРЕЛЮДИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

— Мы можем закончить примерки, когда эти леди вернутся из... — Портниха сделала паузу. — Как вы сказали, где они?

— Джэнси отправилась в пустыню Томидор, а Домино — в самые дальние области Озерного Края, — ответила принцесса Рисса, вертясь из стороны в сторону, чтобы рассмотреть себя в подвенечном платье.

На корсаже сверкали жемчужины, глубокий вырез и подол юбки были отделаны кружевом. На отстегивающемся шлейфе кружев было еще больше, и его украшал герб Королевского Дома Регодия, единственной уцелевшей представительницей которого она являлась.

— Как продвигается работа над вуалью? — с беспокойством спросила она.

— Успешно, ваше высочество, — с улыбкой успокоила ее портниха. — Как только принц сообщил размер короны, к которой она будет прикреплена, работа пошла без остановок.

— Ты видела корону? — с любопытством спросила Рисса.

— Нет. — Худое лицо портнихи залил румянец. — Принц объяснил, что готовит для вас

сюрприз и что никто, кроме златокузнецов и ювелиров, работающих над ней, не должен видеть ее до дня свадьбы. Он сказал, что это будет его подарок вам.

— А ты уже думала о том, что подаришь ему, птичка моя? — спросила Дейзи. — И о подарках участникам свадебной церемонии?

Принцесса Рисса нахмурилась:

— Думала, но зашла в тупик. Они все такие разные. Найти один подарок, который всем бы им подошел, будет очень сложно — если это не оружие, конечно, что кажется неподходящим к данному случаю.

— Совсем не подходящим, птичка моя, — сурово подтвердила Дейзи.

— Очень мило будет выглядеть подарок с новой королевской эмблемой, — предложила портниха, — может быть, хрустальное блюдо или рама для картины.

Рисса покачала головой:

— Насчет эмблемы идея хорошая, но мы еще не закончили ее разработку. И в любом случае я даже не могу себе представить, что станут делать Домино, Джэнси, Стиллер или Гар с хрустальным блюдом.

Она на мгновение вообразила себе Домино, которая поит коня из гипотетического хрустального сосуда, или Гара, который использует его, чтобы изобрести новый, но поэтический способ убийства.

— Одежда, разумеется, исключается, — поспешно сказала портниха. — А как насчет редких вин?

— Большая часть запасов в королевских погребах превратилась в коричневое тягучее пойло, которое только Рэнго и нравится, — ответила Рисса, снисходя до слабой улыбки при упоминании о женихе. — Мы импортируем вина в бочках для

свадебного пира, но я не рассчитываю, что и это вино останется вином.

— А есть у участников свадебной церемонии какое-нибудь хобби? — спросила портниха.

— Домино занималась выращиванием лошадей, но я не уверена, продолжает ли она это дело. Крапчатый — я хочу сказать, Стиллер — играет в карты. — Она нахмурила брови. — Я так и не узнала, есть ли хобби у Джэнси. Ее воспитали, как воина, и мы в основном занимались тем, что воевали.

— А этот Гар? — неуверенно спросила портниха. — У него есть какое-нибудь хобби?

Принцесса Рисса кивнула:

— Он убивает людей. Элегантно.

— Наверное, оружие будет самым лучшим выходом. — Дейзи вздохнула. — Что-то вроде парадного кинжала, на котором оставлено место для нового королевского герба, когда он будет готов.

— Я поговорю с Рэнго, — сказала Рисса, хотя ей этого совсем не хотелось. — Он наверняка знает кузнеца, который сможет быстро их изготовить.

— Сперва тебе следует переодеться, рыбка моя, — предостерегла ее Дейзи. — Он не должен видеть твой наряд до дня свадьбы!

В зале заседаний будущий новобрачный совещался с Леммлом Таудеем. Когда священник закончил доклад, принц нахмурился.

— И таким образом, ваше высочество, я неоднократно уводил разговор от черепа. Теперь, когда в Храме царит праздничное оживление в связи с подготовкой к бракосочетанию и коронации, этот вопрос придется оставить открытым и вернуться к нему после.

— После? — Принц поднял свои элегантные брови. — После все будут счастливы. Артефакты

вернутся на свои места, магические феномены прекратятся, и мы вступим в эру покоя и справедливости.

Лемма нахмурился:

— Я искренне на это надеюсь, ваше высочество. Тем не менее я прежде занимался изучением истории таких предзнаменовательных приспособлений, как этот череп: они редко ошибаются. Их предзнаменования иногда неверно толковали, а их предостережениями пренебрегали, но если они настойчиво предупреждают о надвигающемся Зле, значит, это Зло надвигается.

— Понимаю, — сказал принц и с искренним наслаждением сделал глоток своего бурого пенящегося напитка, — а ты считаешь, что я слишком легкомысленно отношусь к этим предзнаменованиям.

Лемма набрал в грудь побольше воздуха.

— Одним словом, сир, — да.

Он сунул руку в рукав своей одежды и достал мешочек, который получил от принца во время последнего визита. Мешочек звякнул, он был даже немного более полным, чем раньше.

— Я много размышлял, — продолжал он, — и решил вернуть некоторые ваши жертвования на благотворительные цели. Не буду говорить о том, что произошло между нами, но я священник, и понял, что не могу забыть о своем долге.

Принц внимательно смотрел на Лемма, затем его взгляд переместился на карту на стене. Он встал, изучил положение нескольких флажков, затем вернулся на место.

— Лемма, на этой карте я отмечаю продвижение нескольких объектов. Синие флажки отмечают последнее известное местонахождение моих героических друзей.

Лемма повернулся к карте. Он услышал, как за его спиной принц вынул пробку одной из бутылок и освежил вино в кубках.

— Красные флажки отмечают скопления бандитов и места обитания чудовищ, — продолжал принц, — зеленые флажки отмечают природные катаклизмы — наводнения, землетрясения, смерчи. Желтые флажки отмечают катаклизмы не природного свойства.

— Кажется, таких много в Калтусе, — заметил священник, принимая кубок с вином из рук принца.

— Действительно, но их меньше, чем было прежде, — возразил принц. — Несколько моих героев уже возвращаются назад, а количество катаклизмов, как природных, так и не природных, постоянно снижается. Говоря кратко, я искал каких-либо доказательств того Зла, по поводу которого вы с черепом так суетитесь, и не нашел никаких следов.

Лемма сделал глоток из кубка. Он показался ему чуточку более горьким на этот раз — возможно, магический сладкий напиток начал портиться. Его бы это только обрадовало. Он не разделял привязанности принца к этому пойлу и скучал по кубку доброго вина или кружке пива.

— Я испытываю облегчение от того, что вы так тщательно все проверили, сир, — сказал он, — но продолжаю придерживаться своих убеждений. И больше не могу служить вашими глазами и ушами в стенах Храма. Я также должен вас предупредить, что буду настороже и разоблачу тех, кто попытается сменить меня в этом качестве.

Рэнго печально покачал головой:

— Ты неверно судишь обо мне, священник. Разве ты не помнишь, что это ты явился ко мне со своим предложением, а не я к тебе? Думаешь, если ты был продажным, то и другие будут такими же, или что я стану просить других священников служить одновременно и короне, и Храму?

Нет, когда ты пришел ко мне, я принял это за знак свыше, указывающий, что Боги Света желают, чтобы я имел глаза и уши в их владениях. Теперь, когда ты покидаешь мою службу, я завершу эту фазу своего правления.

— Надеюсь, это так. — Лемма поднялся, пошатываясь, напряженный разговор подействовал ему на нервы. — В таком случае позвольте откланяться, господин мой, и благословить ваше грядущее супружество.

— Прощай, Лемма Таудей, — ответил принц со странной улыбкой. — Больше мы не увидимся.

Получив разрешение удалиться, священник пошел по каменному коридору, который внезапно стал казаться ему бесконечным. Голова кружилась. Одну каменную стену невозможно было отличить от другой. Он три раза прошел мимо одного и того же гобелена и никак не мог попасть к боковой двери, через которую обычно приходил на встречи с принцем.

Позвать на помощь было исключено. Он не знал, какой прием окажут ему гвардейцы принца, некоторые из них были грубыми солдатами, ожесточенными службой во время войн против Падшей Птицы-Солнца. Он побрел вперед и вдруг застыл, услышав легкие шаги, приближающиеся к нему по каменной лестнице. Вскоре показалась принцесса Рисса.

— О Боже! — воскликнула она, опускаясь на колени рядом с ним. — Что с тобой?

Он попытался ответить, и его вырвало на ее туфли.

Когда он очнулся, то обнаружил, что лежит на соломенном тюфяке в прохладной, полутемной комнате. Принцесса стояла рядом с ним на коленях, в руках у нее был тазик с холодной водой и кусок ткани.

— Я в тюрьме? — прошептал он.

— Это как посмотреть, — ответила принцесса. — Это комната, предназначенная для моей компаньонки. Дейзи предпочитает уходить домой, к мужу, поэтому комната свободна. После всего, через что я прошла, охрана моей добродетели никого особо не волнует.

— А, — простонал он.

— А что случилось с тобой? — спросила Рисса. — Насколько я могла догадаться, тебя отравили. Я дала тебе слабительное, а потом накормила активированным углем, чтобы абсорбировать остатки.

Лемм Таудей открыл рот:

— Я беседовал с принцем Рэнго. Я...

Он осекся. Эта хорошенькая женщина — невеста принца. Она только что спасла ему жизнь и спрятала его, но можно ли ей доверять? Принцесса пристально смотрела на него, и он вспомнил о стали, скрытой в этой красивой груди.

— Принцесса, я был шпионом принца в Храме...

Он рассказал ей обо всем, не умолчав даже о тех деньгах, которые получил, и о тех, которые оставил себе. Рассказал о своих подозрениях, что Зло надвигается и что каким-то образом принц заинтересован в том, чтобы скрыть усиление этого Зла.

Принцесса Рисса слушала и хмурила брови.

— Я тоже беспокоилась о принце, — призналась она, когда Лемм закончил свой рассказ. — Он совершает поступки, ему не свойственные. Ему нравится вести расходные книги, проверять счета и проводить совещания. Когда он ездит верхом или тренируется с мечом, то делает это так, словно выполняет обязанность, а не получает удовольствие. Не знаю, что с ним случилось, но меня страшит эта свадьба так, как не должна

страшить ни одну невесту, и пугает коронация, как ни одну будущую королеву.

Лемма выпил прохладной, чистой воды, которую она налила ему из глиняного кувшина. В его рту все еще оставался привкус прокисших остатков собачьего обеда, но в голове постепенно прояснялось.

— Что нам делать, моя госпожа? — спросил он.

— Ты сказал, что, по словам принца, некоторые из героев уже возвращаются обратно?

— Да, он не уточнил, кто именно, но казался довольным.

Рисса кивнула:

— Скоро будет назначен день бракосочетания и коронации. Ты станешь моими глазами и ушами в городе. Тебе никак нельзя возвращаться в Храм, так как принц явно хотел, чтобы ты умер.

Лемма кивнул:

— Я боюсь оставлять череп без присмотра. Что, если принц пошлет кого-нибудь его украсть или повредить? Это могущественное волшебное устройство и последнее, что осталось от Падшей Птицы-Солнца.

— Верно замечено, — ответила Рисса. — Как только станет темно, ты должен прокрасться в Храм и принести его сюда. Я застираю самые грязные места на твоей одежде.

— Что, если принц увидит, как я выхожу из дворца? — спросил Лемма. — Его должно удивлять, что мое тело до сих пор не найдено.

— Правильно, — согласилась Рисса. — Я расскажу ему правдоподобную историю, объясняющую пропажу твоего тела, — в последнее время во дворце полно волшебных явлений, — а ты уйдешь из дворца в одежде одного из покойных членов семьи Рэнго. Сможешь переодеться в собственную одежду, когда отойдешь на безопасное расстояние.

Лемма начал было протестовать против такого унижения его достоинства, но слова замерли у него на губах. Принцесса была права, и выражение ее лица показывало, что спорить бесполезно. Это была леди, которая умела настоять на своем, а не выросшая во дворце неженка королевской крови.

На мгновение ему даже стало жаль принца, но только на мгновение.

ИСТОРИЯ ДОМИНО

Домино вытянулась в полный рост, и кончики ее пальцев прикоснулись к брезентовой крыше палатки; это помогло ей прогнать из мускулов остатки ночного оцепенения. Снаружи до нее доносились голоса просыпающихся воинов ее роты, которые привыкли вставать рано, с первыми розовыми проблесками зари на востоке.

Черт возьми, хорошо снова выступить в поход! Даже спать на голой земле. Конечно, будучи генералом, она могла претендовать на койку, но на койке двоим слишком тесно. Она улыбнулась, и ее взгляд с нежностью остановился на Джорде, все еще спящем на груди смятых одеял и подушек. Темно-русые всклокоченные волосы, обрамлявшие лицо в форме сердечка, делали его больше, чем обычно, похожим на ангела. Поддавшись минутной слабости, она даже подумала, не предоставить ли Рейфу поднимать роту, а самой заняться Джордом, но быстро подавила в себе это желание, хоть и не без усилия.

Мысль о том, что Джорду будет грозить опасность, а вовсе не собственная репутация среди подчиненных волновала ее, когда он настоял на своем и отправился вместе с ними. Только после

того как она уступила просьбам поэта, Домино подумала о реакции своих людей. К счастью, большинство из них все еще пребывали в шоке от новости, что их полковник Блейд оказался женщиной — Домино. При таком положении дел они были склонны возражать не больше, чем если бы любой другой командир завел себе лагерную подружку. Осложнения могут возникнуть только в том случае, если она будет уделять Джорду больше внимания, чем следует.

Однако, оставляя спящего поэта его сновидениям, Домино задавала себе вопрос: как чувствовал бы себя Джорд, если бы знал, что солдаты в основном смотрят на него как на генеральскую шлюшку?

— Привет, Сет, — поздоровалась она с мальчиком, который возился у костра ниже по склону от ее палатки. — Все спокойно?

Сет откинул с глаз прядку соломенных волос жестом, отдаленно напоминающим салют, его внимание было полностью поглощено картофелинами, которые он выгребал из угольков костра. За год, прошедший с того дня, когда она нашла этого умиравшего от голода беспризорника в разрушенной войсками Каларана деревне, он поразительно вырос, но оставался худым, как девятилетний ребенок. Худой или нет, но он был предан ей безоговорочно, и поэтому из него вышел идеальный слуга, особенно в дни ее маскарада. В отличие от должным образом выученного ординарца, он никогда не настаивал на том, чтобы ее одевать и подавать оружие, и она подозревала, что если бы он даже узнал ее тайну, то унес бы это знание в могилу.

Конечно, теперь в этом не было необходимости, но Домино его оставила при себе. Сет был надежным, верным, добрым, послушным и еще многим сверх того. И кроме того, его терпел Злюка, что тоже немаловажно.

— Все спокойно, сэр, — ответил Сет, дую на пальцы, чтобы остудить их. — Полковник Рейф передал, что мы можем сняться в течение часа.

Домино рассеянно кивнула головой:

— Отлично. Приготовь мое снаряжение, когда освободишься, Сет.

Взяв в одну руку картофелину, а в другую жестяную кружку с горячим крепким чаем, она пошла проверить своих солдат.

Рота была довольно немногочисленной, всего каких-то две дюжины солдат, несколько санитаров, посудомоек, конюхов, возниц фургонов, сорок лошадей, стая разномастных собак и Злюка. Всего около восьмидесяти душ, если у собак и лошадей есть души (а в этом она была уверена), и Злюка. Большая их часть сейчас пребывала в движении, крутилась почти праздничная карусель из черно-зеленых мундиров, темно-коричневых кожаных лат и время от времени поблескивающего металла — там, где полировали или точили мечи.

Беседы смолкали, когда она проходила мимо, все расступались перед ней, словно по волшебству, но Домино едва ли это замечала. Для нее так было всегда, с самого начала, сперва в тени ее блистательного отца, генерала Кермана Блейда, затем все больше и больше благодаря собственным заслугам. Она останавливалась у каждого костра, позволяла подлить себе в кружку чаю, принимала предложенную краюшку хлеба или ножку жареного кролика. Пока она добралась до конца лагеря, успела со всеми поздороваться и позавтракать.

— Ах ты, чертов урод, конская твоя задница, ублюдок морской ведьмы! — раздался знакомый вопль с той стороны, где паслись ротные кони.

— Прямо по расписанию, — фыркнул Рейф, рыжеволосый заместитель Домино.

Домино улыбнулась своему другу.

— Кажется, да.

Поджарый ветеран кавалерии, настолько обветренный, что даже веснушки на лице почти стерлись, Рейф мог бы претендовать на командование собственным подразделением. Собственно, он получил звание полковника и повышение, когда Домино стала генералом. Но когда до него донеслись слухи о том, что она уходит в поход, он испросил позволения ее сопровождать, не желая «трепать новое звание на каком-нибудь парадном плацу».

Принц Рэнго охотно согласился, а Домино обрадовалась компании такого опытного товарища. Из всех ее соратников он один принял перемену ее пола как нечто само собой разумеющееся, словно довесок к чудесам и странностям их победы над Калараном. Она могла доверить ему командование ротой, когда задание Рэнго требует ее отсутствия.

Они вместе смеялись над отрывистыми проклятиями, которыми сыпал старший конюх, кузнец и ветеринар, Йор Чейз.

— Его ничто не научит, правда? — спросила Домино.

— В тот день когда Чейз признается, что существует конь, с которым он не может подружиться, реки потекут вспять, — согласился Рейф. — А тут еще Сет водит за собой Злюку, словно барашка на ленточке, — думаю, конь это делает специально, чтобы позлить Йора.

— Может быть. — Домино встала. — Пойду спасать Чейза от самого себя, и через полчаса выступаем.

Йор Чейз был крупным, плотным северянином, из того же народа, что и Джэнси Гейн. Как и его соотечественница, он был верным и надежным — и раз приняв решение, твердо шел к поставленной цели. Светловолосый богатырь давно уже хвалился, что нет такого коня, которого он

не заставил бы полюбить себя, и выделялся из всех скорее этой похвалой, а не более тривиальным подозрением в неумении ездить верхом. И к тому же его похвальба соответствовала действительности — до тех пор, пока у Домино не появился Злюка, и хотя Чейз настаивал, что Злюка — не конь, это не мешало ему придумывать разные хитрости, чтобы подружиться с ним.

Все они заканчивались одинаково: Чейз приземлялся на задницу в грязь, весь в синяках от ударов копыт. И все же, глядя поверх головы Чейза, сидящего в колоде с водой для лошадей, Домино думала о том, что может понять, почему конюх не оставляет попыток.

Хотя Злюка по размерам был не крупнее любого коня в роте, он излучал грацию, она струилась по нему, как вода по полированному граниту. Шкура жеребца имела бледно-зеленый цвет; его длинная грива и хвост были белыми, как морская пена. Уже одно это было достаточно поразительным, а он имел еще прозрачные зеленые копыта, похожие на тяжелое, толстое стекло, каким-то образом лишенное пузырьков. Его глаза горели тем же зеленым светом, без зрачков и радужки, хотя Домино замечала, что идущий изнутри свет разгорался сильнее, когда у коня портилось настроение и он делался злобным.

В данный момент они положительно метали искры, пока жеребец приплясывал вокруг Домино, а потом опустился на колени, словно верблюд, чтобы она могла сесть верхом. Она поняла намек, вскочила верхом без седла и вцепилась всеми пальцами в пенную гриву — даже ради нее Злюка не желал мириться с упряжью.

— Доброе утро, сэр, — произнес Чейз, неуклюже поднимаясь.

— Доброе утро, сержант, — отозвалась она, но все ее внимание было поглощено Злюкой, кото-

рый затеял танец с собственной тенью. — Ночное Небо и Голубь готовы?

— Да, сэр! Конечно, сэр! — Чейз свистнул, и к ним трусцой приблизились две лошади в полной упряжи. — Вы их берете с собой?

— Думаю, они поскачут следом, — ответила Домино, — но все же дай мне поводья, на всякий случай.

Чейз повиновался, и она направилась на свою высотку на Злюке, выступающем гордо, словно на параде. У Сета уже должно быть все готово, и она сэкономит ему время — не придется бежать еще и за лошадьми. Голубь был лошадью Сета; небольшой серебристо-серый мерин, еще немного — и он бы претерпел унижение, перейдя в разряд пони, надежный, спокойный, идеально подходящий для мальчика, который впервые сел на лошадь всего год назад.

Ночное Небо — другое дело. Черная кобылица из Аппалузы, почти такая же необычная, как Злюка, была любимицей Домино, пока Злюка не заставил ее и думать забыть о других лошадях. Отдав Ночное Небо Джорду, она сделала лошади не меньший подарок, чем всаднику, так как это позволило ей не принимать участия в сражениях, где много хороших коней становились калекami или погибали.

Обогнув лагерь по периметру, Домино быстро оказалась у своей высоты. От стоянки осталась только небольшая груда снаряжения, которое они возьмут с собой, и кострище, которое Сет начал засыпать песком, заметив ее приближение.

Джорд поднял глаза от свитка Гвайкандер и приветливо улыбнулся, но это не отвлекло ее внимания от фиолетового синяка на его правой скуле. Домино спрыгнула с жеребца на землю раньше, чем тот успел остановиться.

— Джорд! Что с тобой случилось?

Поэт грустно улыбнулся, его свободная рука поднялась, прикрывая синяк, а почти фиалковые глаза округлились в притворном изумлении.

— Это? — Он говорил хорошо поставленным баритоном, отточенным долгими часами чтения вслух. — Ну, он уже был здесь, когда я проснулся. Думается, тебе лучше знать, откуда он взялся, дорогая.

Домино ужаснулась и залилась краской.

— Ты хочешь сказать, что я могла... вчера ночью?

Она лихорадочно пыталась припомнить. Неужели она снова была слишком грубой? После долгих лет тренировок в стремлении сойти за мужчину, она только теперь начинала понимать, как хрупки люди.

Джорд рассмеялся:

— Нет, Домино, не беспокойся. Просто я утром был неуклюжим.

Сет внезапно вскинул голову:

— Это я сделал, сэр. Вы сказали мне, что я могу разбирать палатку, и я забыл о том, что он еще не выходил. Поэтому выдернул колышки...

— И все это обрушилось на меня, — закончил Джорд. — Сет, я же сказал, чтобы ты успокоился. Мне следовало давно проснуться. Брезент всего лишь слегка содрал кожу, Домино. Со мной все будет в порядке.

Домино нагнулась поближе, чтобы рассмотреть.

— Пойдешь к сержанту Чейзу. У него есть мазь, от которой синяк к завтрашнему утру пройдет.

— Он и так пройдет, правда... — начал было Джорд.

— Это приказ, солдат, — резко оборвала его Домино, запуская пальцы в гриву Злюки и одним прыжком вскочив на него.

Джорд пристально посмотрел на нее, потом его легкий характер возобладал.

— Ну-ну, генерал. Скажи, а разве сержант Чейз не ветеринар?

Домино кивнула:

— Да, но он еще и целитель от природы, его заговоры и настойки собраны со всего света. Я бы не позволила тебе лечиться у доктора менее опытного, чем тот, кто пользуется наших коней.

Серебряный звук горна, трубящего сбор, спас ее от неуместных — и неуклюжих — оправданий. Кивнув Сету и улыбнувшись Джорду, она развернула Злюку и поскакала на свое место впереди центральной колонны роты. Джорд либо ехал рядом с ней, либо отставал и садился в один из фургонов с припасами, где мог работать над своим переводом.

Принц Рэнго не возражал, когда Джорд попросил его позволить ему закончить работу, но настаивал, чтобы, как только они достигнут Озер, Гвайкандер был отправлен в грот без промедления. Однако он ничего не сказал о том, что они должны спешить изо всех сил, и поэтому, зная, что Джорду осталось перевести еще порядочный кусок текста, Домино не слишком гнала роту вперед.

Рейфу же она просто сказала, что в районе Озер их может подстергать опасность, и нет смысла перенапрягать людей и лошадей. Если у полковника и были основания подозревать другие причины, он мудро решил их не высказывать. Однако судьба позаботилась о том, чтобы Домино не оказалась лгуньей.

Они медленно поднимались на гору, стараясь не слишком отрываться от тянущихся позади фургонов, когда к ним галопом подскочил дозорный.

— Генерал Блейд! — задыхаясь крикнул он. — Огонь и разрушения! Бандиты! Человек...

— Обратитесь по форме, рядовой! — рывкнула она.

— Есть, сэр. — Всадник выпрямился и ухитрился отдать честь. — Мы столкнулись со следами бандитских действий впереди по маршруту. Маленькая деревушка разграблена и сожжена. Мы нашли старика, который уцелел, и его ведут сюда, но медленным шагом.

— Какие-нибудь свидетельства того, что бандиты все еще находятся поблизости? — спросила она.

— Нет, сэр.

— Полковник Рейф, возьмите пятерых солдат и прочешите местность, поищите этих бандитов. Керран, — продолжала она, поворачиваясь к дозорному, — ты поезжай встречать того старика. Если он не ранен, пусть его доставят прямо ко мне.

— Есть, генерал.

Не дав себе труда посмотреть, каких именно всадников выбрал Рейф, Домино послала приказ усилить охрану фургонов и прибавить темп, чтобы закончить восхождение до наступления темноты. Сет материализовался рядом с ней, и она послала его приготовить чай, так как громкие голоса предупредили о возвращении Керрана со стариком.

— Генерал Блейд, — крикнул ей Керран с некоторым облегчением в голосе, — вот стар... Вот фермер Деннис.

Человек, сидевший на коне позади Керрана, безусловно заслуживал эпитета «старик». Те волосы, которые еще у него сохранились, больше походили на невесомое воспоминание о волосах, а его кожу так густо покрывали морщины, что даже сами морщины были сморщенными. Но его лицо покраснело от негодования, когда Керран начал произносить слово «старик», а узловатые

руки так стиснули талию Керрана, что солдат чуть не поперхнулся собственными словами.

— Генерал Блейд, — начал Деннис треснувшим голосом, затем остановился, уставившись на Домино прищуренными глазами. — Ты не генерал Блейд. Я воевал под началом генерала Блейда тридцать лет назад.

Домино велела Керрану развернуть коня так, чтобы Деннис оказался рядом с ней.

— Тот генерал Блейд был моим отцом, Керманом Блейдом, — объяснила она, как ей уже неоднократно приходилось делать за свою военную карьеру.

Деннис продолжал смотреть на нее.

— Ты баба!

— Рада, что зрение у тебя сохранилось, — сухо ответила она, — я — генерал Домино Блейд. А теперь рассказывай о бандитах, или клянусь, я отзову тебя из запаса, а затем велю выпороть за нарушение субординации.

— Говорит, как Блейд, — пробормотал Деннис, — даром, что девка. Вот как обстоит дело, Блейд. Два дня назад в мое селение — процветающая община, исправно налоги платим, почти четыре семьи фермеров — ворвались какие-то бандиты. Потребовали золото и добро, которых у нас не было, а если бы и было, не отдали бы. Они нам грозили, но мы держались твердо. На следующий день они вернулись, забрали все, что у нас было, и спалили все, что не смогли взять.

— Почти четыре семейства? — переспросила Домино.

Деннис сдержанно фыркнул:

— Ага, моя внучка, Эми, должна была выйти за Гиса из Хиллвиля. Мы им построили прекрасный дом и вспахали для них поле. А теперь ее похитили, а Гас в Хиллвиле пытается собрать войско.

В эту минуту к ним подъехал Рейф, его обветренное лицо выражало тревогу.

— Генерал, на пару слов.

Домино взмахом руки велела Керрану с Деннисом отъехать в сторону.

— Да?

Рейф полез в седельную сумку и вынул оттуда клочок показавшейся ей знакомой зеленой ткани с черной отделкой.

— Люди старика без боя не сдались, — сказал он. — Я отрезал это у убитого бандита. Мундир кавалериста.

— Один из наших, — выдохнула Домино. — Маскарад или, по крайней мере, кто-то, нарядившийся в наши цвета. По-моему, теперь нам надо заняться этими бандитами.

Рейф коротким военным кивком выразил согласие.

— В нескольких милях ниже найдется безопасное место для лагеря, если мы поторопим фургоны. Отдать распоряжения?

— Да. — Домино увидела, что Сет вернулся с чаем. — Отлично, парень. Отведи стари... Отведи Денниса назад к фургонам и устрой поудобнее. Я потом пришлю кого-нибудь выслушать подробный рассказ о событиях.

К ним подъехал Джорд, свиток Гвайкандер висел у его бедра, словно меч, а футляр с перьями был приторочен к седлу Ночного Неба.

— Можно, я возьму это на себя, генерал? Это освободит твоих солдат.

— Сделай это, — приказала она. — И представь полный доклад за обедом.

На мгновение она смягчилась и улыбнулась:

— Ты ведь пообедаешь со мной?

— Как прикажете, леди, — ответил он, почти правильно отдавая честь, — как только прикажете.

На следующий день после полудня они на-ткнулись на первую банду, разбившую лагерь в лощине возле Хиллвила. Оставив восемь солдат охранять фургоны и другое имущество, Домино повела остальных против бандитов.

— Они терроризируют Хиллвиль так же, как по рассказам стар... Денниса его селение, — отпартовал Рейф. — Я послал Чейза и Керрана в город переодетыми кузнецом и его подручным, и они принесли достаточно слухов. Тот почти что внук стар... Денниса. Как его звали?

— Денниса? — спросила озадаченная Домино.

— Нет, того молодого человека, — Рейф пару раз хлопнул себя по лбу, — вспомнил! Гас его зовут. Этот Гас тот еще смутьян. Он считает, что бандиты или убили, или похитили его возлюбленную, и не собирается им этого спускать.

— Молодец, — одобрительно сказала Домино. — После того как я увидела во время вчерашней поездки, что они сделали с селением стар... Денниса, могу только одобрить его намерения. Как же стар... Деннис уцелел?

Рейф хохотнул:

— По всей видимости, он спал на своей кровати, и они приняли его за покойника, приготовленного к погребению. Он проснулся только тогда, когда они подожгли дом, и успел услышать их замечания относительно того, что «это хороший поступок — помочь семье кремировать старого жмурика».

Домино подавила смех.

— Я удивляюсь, что стар... Деннис признался в этом. Мне казалось, он из хвастовства опустит все унизительные подробности.

— Этот твой поэт выгудил из него эти подробности, — признался Рейф, — я не услышал ничего странного в рассказе стар... Денниса, но Джорд сразу уловил недоговоренное.

Отведя глаза в сторону, чтобы Рейф не заметил ее необъяснимого удовольствия тем, что он похвалил Джорда, она уловила какое-то движение далеко на севере.

— Что там такое, черт побери? — воскликнула Домино, становясь коленями на широкую спину Злюки, чтобы лучше видеть. — Похоже на отряд из людей с факелами и копьями! Это не могут быть бандиты. Керран доложил, что они находятся к югу и к западу от Хиллвиля.

— Это отряд из людей, сэр, — сказал Рейф, передавая ей свой полевой бинокль, — но это не копья, во всяком случае, у большинства из них. Это мотыги и вилы, и несколько садовых грабель, если не ошибаюсь. И держу пари, что тот толстый парень, весь в прыщах и с решительным лицом, и есть почти что внук стар... Денниса.

Домино всмотрелась в отважного предводителя, а потом вернула бинокль Рейфу.

— Он случайно не родственник Крапчатого? — спросила она, припомнив верного соратника принца Рэнго. — Впрочем, неважно. Рейф, возьми пятерых людей и останови этих крестьян — если потребуется, силой. Мы не можем позволить гражданским делать за нас работу. Это дурно повлияет на наш престиж у налогоплательщиков, особенно в мирное время.

— Не останется ли тогда с вами слишком мало солдат, сэр? — спросил Рейф, подавая сигнал пятерым воинам.

— Конечно, нет, — ответила Домино, и Злюка, повинувшись ее желанию, развернулся на месте плавно, как вздымающийся гребень волны. — В тот день когда десять моих кавалеристов будут не в состоянии справиться с любым количеством бандитов, мы займемся бизнесом по производству собачьего корма. Ну, выполняйте приказ, полковник!

Жестом приказав оставшимся солдатам следовать за собой, Домино ровным галопом повела роту всадников, дорогу которой указывал Керран, к лощине, где стояли бандиты. У бандитов могли быть лазутчики в Хиллвиле, а в этом случае ее роте пригодится любое преимущество во времени.

То, что они увидели, с топотом прискакав к лагерю и готовясь его окружить с натянутыми луками и саблями наголо, намного превзошло самые худшие ожидания Домино. Она знала, что придется иметь дело с дезертирами, некоторые из которых прежде служили в ее собственной армии, и даже в ее собственном полку, но такого она и вообразить себе не могла.

Бандиты воспользовались хорошей погодой и разбили лагерь под открытым небом. Единственным сооружением, на строительство которого они удосужились потратить время, было некое подобие загона, сделанное из срубленных молодых деревьев, связанных веревками. В этой клетке томились исхудавшие, большеглазые пленники, предназначенные, без сомнения, для продажи на каком-нибудь дальнем невольничьем рынке, подобном тому, на котором была продана принцесса Рисса. Домино пожалела их, но сами бандиты привели ее просто в ужас.

Их было около двух десятков, все вооружены и в доспехах. До них явно донесся слух, что Хиллвиль собирается напасть. Многие носили мундиры, но при виде того, в каком эти мундиры состоянии, кровь закипела в жилах Домино. Сапоги ободраны и покрыты засохшей грязью; фуражки надеты набекрень. Один парень даже нацепил неуставную куртку поверх форменных рубашки и брюк.

Дрожа от возмущения от увиденного, Домино рывком остановила Злоку на краю лощины.

— Вы окружены превосходящими силами, — провозгласила она, беззастенчиво игнорируя тот факт, что это не совсем соответствовало действительности. — Бросайте оружие, и, возможно, мы обойдемся с вами не так сурово.

Воцарилась тишина, пораженные бандиты переглянулись. Некоторые, по-видимому, занимались подсчетом голов и прикидывали шансы. Затем худой, лысеющий мужчина в донельзя потрепанном мундире пехотинца выступил вперед.

— Ваши силы превосходят наши? — переспросил он.

Домино уставилась на него, и ее светло-карие глаза сделались стальными.

— Да. А теперь бросайте оружие, не то я прикажу лучникам стрелять. Уверяю вас, я бы предпочла взять пленных.

Воцарилась тишина, в которой слышался мужской голос, спросивший:

— Этот конь зеленый? Черт, надо бросать пить.

Ведущий переговоры бандит крикнул с вызовом:

— Вы не посмеете стрелять! У нас здесь пленники — не будете же вы ими рисковать. Ничего вы не сделаете.

— Посмотрим! — крикнула в ответ Домино, подавая сигнал своим людям и поднимая свой лук. — Я — генерал Блейд, и мои люди не посмеют промазать.

Первый залп уложил десятерых бандитов, включая и вожака. Остальные сдались с похвальной быстротой. Рейф подъехал, когда солдаты Домино вязали бандитов и освобождали пленных.

— Мы остановили крестьян за четверть мили отсюда, — доложил он. — К двоим пришлось применить силу, но Чейз говорит, они выживут.

— Отлично, — ответила Домино. — Ты когда-нибудь видел такое отвратительное зрелище, как

эти люди, Рейф? Из уцелевших две трети одеты во что-то вроде мундиров — многие из них наши люди, сбившиеся с пути истинного. Я собираюсь с ними побеседовать. Хочешь со мной?

— С удовольствием, сэр.

Керран выстроил пленных бандитов вдоль одного края лощины, как можно дальше от разгневанной толпы их бывших жертв. Домино с одобрением отметила, что интендант роты уже разбирается в захваченном добре с помощью двух бывших пленниц.

— Я этим займусь, капитан Керран, — сказала она, презрительно глядя сверху вниз на неряшливо одетых пленников. — Поезжай и проверь, как дела у основных сил роты. Мы должны присоединиться к ним в течение двух часов. Скажи также стар... Деннису, что по крайней мере часть его семьи спасена.

— Черт, он и в самом деле зеленый, — раздался все тот же тонкий голос.

Злюка всхрипнул, а Домино издала сухой смешок.

— Вы трое, — произнесла она, махнув рукой в сторону бандитов в гражданской одежде, — отправляйтесь с рядовым Арленом и помогите интенданту. Мне надо сказать этим семерым несколько слов, которые к вам не относятся.

Не в силах сдержаться, она соскочила со спины Злюки и подошла к первому в шеренге бандиту. Он был одет в ошметки мундира пехотинца, на рукаве которого болталась оборванная эмблема пикинера.

— Что ты можешь сказать в свое оправдание, солдат? — рывкнула она.

— Сказать? — Он нервно шаркнул ногой. — Ну, мы хотели есть, а крестьяне не хотели делиться с нами, и...

Домино хлопнула кнутовищем по голенищу сапога. Пикинер подпрыгнул и осекся.

— Мне наплевать, почему ты занялся грабежами, приятель. Я хочу знать, почему ты предпочел при этом сохранить свой мундир.

Бандит смущенно взглянул на свои потрепанные штаны.

— Я как-то не думал об этом.

— Я как-то не думал об этом — дальше? — сказал Рейф голосом, шелковым, как удавка.

— Я как-то не думал об этом... сэр? — Пикинер замолк, впервые вблизи разглядев Домино.

— Так-то лучше, — сказал Рейф. — Обращайся к генералу уважительно, крыса. Если ты носишь мундир, то полагается соблюдать вежливость.

— Минуточку, — раздался голос с другого конца шеренги, — у меня процедурный вопрос.

— Шаг вперед, — скомандовала Домино.

Человек, выдвинувшийся из шеренги, был коренастым, небритым молодым человеком в черно-зеленом мундире кавалериста. Разглядывая его, Домино решила, что он никогда не служил под ее командованием.

— Интересно, — спокойно произнес он, сунув большие пальцы за ремень, — почему вы с нами разговариваете так, будто мы все еще в армии? Я, например, был с почетом отправлен в отставку после последней яростной битвы против сил Зла, и, насколько я знаю, никто из присутствующих не состоит в армии, как и я.

Выражение лица Домино стало мрачным и безжалостным.

— Ты носишь мундир — хоть и опозоренный, — который отец научил меня чтить. Одного этого достаточно, чтобы вскипела кровь честного человека, но ты и твои дружки опозорили армию, совершая свои ужасающие преступления в мундире, который гражданские могут ошибочно принять за цвета армии. Однако, если настаиваете... Полковник Рейф, в соответствии с приказом

принца Рэнго мы выполняем задание короны. Напомните мне, какую власть мне это дает?

— Власть требовать должного содействия от всех и от любого из слуг короны. Власть набирать войска для службы вышеупомянутой короне. Власть снова призвать в ряды армии любого бывшего военного. — Он злорадно усмехнулся, глядя на самозваного адвоката, который теперь побледнел и задрожал. — И власть отправлять правосудие от имени короны по своему усмотрению. Среди прочих полномочий, сэр.

— Отлично, полковник, будьте свидетелем, что я только что снова призвала в армию эти семь жалких душ. А теперь, — сказала она голосом, хриплым от подвалившей ярости, — я собираюсь осмотреть их мундиры. Мне почему-то кажется, что они не выдержат инспекции.

Через некоторое время Домино сидела верхом на Злюке и смотрела, как бандиты судорожно дергаются и расстаются с жизнью на самодельной виселице, которую Гас и его добровольцы соорудили из палок загона для пленников. Виселица вышла немного коротковатой, поэтому бандиты скорее умирали от удушья, чем ломали шеи. И все же, учитывая столь краткие сроки, это было вполне приличное сооружение.

— Это последний? — спросила она.

— Да, сэр, — ответил капитан Керран, — рядовой Хоб Танжер, в число обвинений входят нечищенные сапоги, пуговицы и другие медные детали; разорванный и грязный мундир; волосы растрепаны, лицо небрито, грабежи, бандитизм, заговор с целью порабощения людей, насилие и убийства.

— Отлично, капитан. Я обещала пообедать вместе со стар... с Деннисом и его воссоединенным семейством. Очевидно, свадьба тоже будет иметь место. Поехали туда.

— Есть, сэр!

Действительно, свадьба имела место, сельская свадьба, изобилующая разнообразными обычаями, в которых Домино нашла все что угодно, — от шокирующего до просто отвратительного. Сама церемония оказалась достаточно приятной, но после многочисленных тостов Эми вскочила на стул, а женщины постарше начали сгонять к ней всех остальных, кто помоложе. Домино набычилась.

— Что это такое? — спросила она у Джорда, который сопровождал ее на свадьбу.

— Эми собирается рассыпать цветы из своего букета на головы женщин, — объяснил Джорд. — Это деревенский обряд — заговор плодородия.

— Черта с два, — сказала Домино, уворачиваясь от зовущих ее старух. — Ты себе представляешь, сколько я плачу одной умелице в городе, чтобы только остаться неплодородной? Да они издеваются!

— Нет, — ответил Джорд, — просто считают, что цель жизни женщины — нарожать много детей, и Эми, как новобрачная, передает свою удачу остальным.

Домино схватила свою пивную кружку и направилась к выходу. Джорд пошел следом.

— Ты огорчена, Доми, — сказал он, даже не пытаясь придать голосу вопросительные интонации.

— Да, — резко ответила она. — Все эти обычаи отвратительны!

— Ну, — заметил Джорд, беря ее ладонь в свои руки, — другие женщины, кажется, не возражают. Собственно, они даже кажутся довольными.

— Они идиотки! — решительно отрезала Домино, одним глотком прикончив большую часть пива. — Безумие иметь единственной целью жизни деторождение.

— Это вовсе не такой плохой вариант, Домино, — мягко сказал Джорд, — особенно для фер-

мерской семьи. Эми повезло больше, чем многим. Гас любит ее и, чтобы спасти, готов был сразиться с двадцатью бандитами. Ее могла постичь худшая участь, чем позволить ему заботиться о ней и нарожать кучу ребятишек.

— Она могла бы сама о себе позаботиться, — ядовито ответила Домино, — а не позволять ему распоряжаться ее жизнью. Посмотри на Риссу — совершенно самостоятельная девушка, прекрасно справлялась со всеми трудностями, привезла Сомбризио вместе с Джэнси, а теперь слоняется по дворцу и ждет, когда другие сделают работу, пока она ожидает звона свадебных колоколов и коронации.

— Ну, по крайней мере, венчание должно пройти весело, — сказал Джорд, направляя беседу на более нейтральную почву. — Ты ведь участница свадебной церемонии, да?

Домино кивнула:

— Да, Рисса попросила и меня, и Джэнси. Интересно, в каком наряде она ожидает нас увидеть? У меня ничего нет, кроме военной формы.

— Мне кажется, обычно невеста выбирает платья для подружек, — ответил Джорд, — так что тебе нечего беспокоиться.

— Беспокоиться? — Домино пожала плечами. — Я не беспокоюсь. Просто на трех предыдущих свадьбах я присутствовала со стороны жениха — была шафером Рейфа.

Джорд подавил смех.

— Правда? Ну, мне кажется, из тебя получится прелестная подружка невесты. Я так и вижу тебя одетой во все светло-лиловое и со множеством кружев.

— Как ты считаешь, мои волосы не слишком короткие? — спросила она, с беспокойством пригладив коротко стриженные волосы на затылке. — Я никогда не позволяла им отрасти. Длинные волосы так неудобны в походе, а только мы начали

устраиваться в городе, принц Рэнго снова нас отправил в дорогу.

— Нет, они не слишком короткие, — сказал Джорд, проводя пальцем по ее шее, — я нахожу их очень мягкими и соблазнительными.

— Вот как. — Домино просияла. — Светло-лиловое, ты думаешь, с кружевами? Ты и правда считаешь, что это будет хорошо смотреться?

— Превосходно, — ответил Джорд, обнимая ее рукой за талию. Снова начала играть музыка. — Хочешь потанцевать?

Домино смутилась и ответила не сразу.

— Я умею только вести в танце.

— Неважно, дорогая. Ты можешь освоить новую тактику. — Он взял ее за руку. — Считай это военной тренировкой.

— Это я могу, — сказала она, — но боюсь, нам придется уйти довольно рано. На этой свадьбе нам не придется танцевать до рассвета.

— Конечно, — согласился Джорд. — Нам надо снова пуститься в путь завтра с утра пораньше.

Домино подмигнула.

— Я больше думала о том, чтобы поваляться в сене с одним поэтом. Если тебя это заинтересует, конечно.

— Как прикажет мой генерал. — Он улыбнулся. — Как она прикажет.

Рота покинула Хиллвиль на следующий день около полудня. Гасу и Эми соседи из деревни помогли отстроить ферму в качестве свадебного подарка, а Домино оставила им большую часть громоздкой добычи, отнятой у бандитов, как подарок от их роты.

— Может, вы хотите что-нибудь взять в знак нашей благодарности, генерал? — спросил Гас. — Все мы так вам обязаны.

— Только одно, — ответила Домино. — Вевки.

— Вевки? — хором переспросили Гас и Эми.

— Веревки, — повторила она. — Если дела дальше на севере так плохи, как рассказывают, то подозреваю, что нам предстоит еще многих повесить.

И она оказалась пророком. В тот самый день когда рота покинула Хиллвиль, разведчики капитана Керрана захватили шестерых бандитов, на этот раз одетых в цвета Каларана. Домино выслушала жалобы местных фермеров, проверила содержимое лагеря бандитов, посмотрела на их рваные мундиры и приказала повесить всех шестерых.

Два дня спустя они встретили еще десятерых, и снова Домино вынесла смертный приговор. Когда она наблюдала за массовым погребением, к ней подъехал изящный человек на легкой верховой лошади. Он натянул поводья, остановился, и Домино на секунду охватило желание проигнорировать его. Потом она со вздохом напомнила себе о своих обязанностях и сделала ему знак приблизиться.

— Привет, Пиггон, — сказала она, пытаясь говорить вежливо. — Прекрасный день для казни, как ты считаешь?

— Генерал, — ответил он, не отвечая на ее попытку пошутить. — Я готовлюсь послать магическое сообщение принцу Рэнго, и я задаю себе вопрос, как мне объяснить наше медленное продвижение к Озерам?

Домино внимательно посмотрела на маленького рыжеволосого, с козлиной бородкой колдунца, не в первый раз удивляясь, как он ухитряется ездить верхом в длинной юбке.

— Не понимаю твоего вопроса, Пиггон; — ответила она тем негромким стальным голосом, звуки которого заставляли самых храбрых из ее людей усомниться в своей силе воли. — Что особенного тебе нужно объяснять?

— Ну, — ответил он, разворачивая карту уверенным взмахом руки в широком рукаве, — по моим оценкам, мы движемся очень медленно. Эта возня с бандитами еще больше нас задерживает. Полагаю, мы отстали от графика, и я желал бы знать, как мне объяснить причину этого принцу.

— А что нужно объяснять? — снова спросила Домино так же тихо. — Насколько я понимаю, твое дело — посылать отчеты. Так посылай, но ни на минуту не воображай, что это дает тебе право требовать от меня объяснений.

Злюка топнул копытом, и зеленые алмазные искры света рассыпались по мху. Пиггон на мгновение заколебался, словно желая возразить, затем прищипорил своего коня и ускакал обратно в лагерь.

Домино немного подождала, пытаясь подавить в себе гнев, затем последовала за ним, но этот эпизод не давал ей покоя, и в ту ночь она ворочалась с боку на бок и в конце концов толкнула локтем Джорда, который уже почти уснул.

— Мне не нравится Пиггон, — заявила она.

Полусонный Джорд приподнялся на локте:

— Почему?

Домино теребила уголок подушки.

— Он так высокомерен — пытается отдавать приказания мне! И мне не нравится его имя.

— Его имя? — Джорд улыбнулся. — Пиггон — да, некрасивое имя. На этот счет у меня есть теория, Домино.

— Что?

— Ты можешь себе представить, чтобы мать назвала своего сына Пиггоном?

Домино отрицательно покачала головой.

— Я тоже. Следовательно, «Пиггон» — это, должно быть, прозвище, и хотя большинство прозвищ придумывают те, кто ровня тебе, но только те,

кто стоит выше, могут заставить тебя его сохранить. Правильно?

— Как Доминик вместо Домино? — спросила она, и ее низкий голос внезапно охрип. — Да, знаю. Продолжай.

— Ну, единственная группа, которая удовлетворяет обоим критериям, — это чародеи. Принц Рэнго уверял нас, что Пиггон — мономаг, колдунец, обученный только одному-единственному трюку, поэтому он в некотором роде чародей-неудачник. — Джорд пожал плечами. — Так что он получил некрасивое имя и еще кучу проблем. Должно быть, мономаги во многом похожи на критиков и обозревателей — они не могут сами добиться успеха, поэтому ошиваются вокруг какого-нибудь дела и учат остальных, как работать правильно.

— Бедный поэт. — Домино рассмеялась и запустила пальцы в курчавые волосы на его груди. — У тебя такой странный взгляд на вещи. Я буду более терпеливой к Пиггону, если только он не начнет учить меня командовать моей ротой.

— Хорошо. А сейчас, — сказал он, протягивая руку и гася свечу, — я тут приберег для тебя один сонет.

— Я не слишком-то хороший критик, — прошептала она, притягивая его к себе.

— Это хорошо.

На следующее утро, когда Домино ждала, пока Сет принесет ей свежесваренный чай, из палатки медленно выбрался Джорд, одетый только в длинную тунику.

— Собираетесь произвести смотр своим войскам, генерал? — зевая произнес он.

— Да, — ответила она, со смущением осознав контраст между его теплым после постели полунагим телом и своим, затянутым в жесткий мундир.

— Теперь дела будут отнимать у тебя больше времени, — заметил Джорд, принимая из рук Сета чай и свои штаны.

— Почему это? — спросила она.

— Компания, тянущаяся вслед за ротой, вырослась, — ответил он. — Интересно, откуда они берутся?

Домино проследила глазами за его рукой, и ее недоумение быстро рассеялось. Она поняла, о чем он говорит. Рота осталась прежним компактным подразделением, но с южного конца к их лагерю примыкало скопище разномастных палаток и ярко раскрашенных фургонов. Целая коллекция странных зверей бродила между ними. Домино была уверена, что разглядела верблюда и, вероятно, ламу среди лошадей, мулов, осликов и быков.

— Кто они такие, черт побери?

Ей ответил Сет, скармливая Злюке пригоршню соленых сардинок:

— Ходят слухи, будто это Колдовской Народ генерал, и призваны они сюда вами.

— Какой-то детский бред... — начала Домино, но осеклась, увидев обескураженное выражение лица Сета. — Спасибо, Сет. Это ценная информация. Извини меня. Я пойду и поговорю с полковником Рейфом.

Она нашла Рейфа за инструктажем разведчиков на основании слухов о бандитах, собранных в последней деревне, через которую они проезжали.

— Теперь они лучше одеваются, — говорил он, — и вряд ли станут носить мундиры, но вас это не должно сбивать с толку. Многие из них имеют военные навыки, и так как политика генерала заставила их бояться виселицы, то можно ожидать от них всяческих хитростей. Разойдись!

Рейф кивнул Домино:

— Доброе утро, генерал. Рота почти готова выступить.

— Очень хорошо. — Она повертела в пальцах плетку. — Полковник, почему меня не проинформировали о сопровождающих нас людях?

— Сопровождающих? Вы раньше не возражали... — Выражение его лица изменилось. — О... эти. Да, странно, правда?

— Как давно они едут за нами?

— Первые появились после второй или третьей стычки с бандитами, — ответил Рейф, — примерно в то время, как ваша политика по отношению к нарушителям спокойствия стала очевидной. Когда я намекнул им, что их присутствие нежелательно, то получил ответ, что они в своем праве и у нас нет причин запрещать им путешествовать по общей земле.

— Они мешают роте? — спросила Домино.

— Нет, даже помогают. Среди них есть пара целителей, и они помогали Чейзу подлатать наших людей. Возможно, интендант у них кое-что выменивает. У нас явно появилась более свежая пища, чем можно было ожидать.

— Понимаю. Продолжай, Рейф, и пусть этот разговор пока останется между нами. — Домино задумчиво почесала подбородок. — Когда тронемся в путь, я полагаю, мне стоит навестить нашего квартирмейстера.

Приближение генерала на ее бледно-зеленом коне несколько взбудоражило и заставило засуетиться обитателей интендантских фургонов. Означенный генерал на означенном коне улыбалась несколько сардонически. Еще в начале ее карьеры Керман Блейд дал ей совет никогда не исправлять то, что еще не сломано. Интендантская часть процветала под ее благожелательным небрежением, но никогда не мешает напомнить, что командует тут она.

Хотя формально квартирмейстером был Колум Врейм, в действительности его обязанности выполнялись совместными усилиями его самого и его жены Биши. По прежним военным законам Биша не могла носить звание, но Домино планировала кое-что изменить, и Бише, хотела она того или нет, предстояло стать одной из первых женщин, получивших звание задним числом.

Биша, а не Колум встретила генерала, когда Злюка трусой подскочил к первому фургону. Худая, почти угловатая, черты лица и слишком большие уши делали правдоподобными слухи об эльфийской крови Биши, но ее большие глаза были карими, а прямые волосы — каштановыми, да и манеры ее ничем не походили на эльфийские.

— Генерал Блейд, хорошо, что вы заехали навестить нас! — воскликнула она голосом почти пронзительным. — Держу пари, что вы хотите проверить Сета. Он в головном фургоне, готовит уроки.

Домино покачала головой:

— Нет, Биша, нет нужды проверять Сета. Он всегда прекрасно справляется. Я приехала посоветоваться с Колумом. Где его можно найти?

— Колум? Он где-то здесь, — Биша не успела договорить, как Домино почувствовала, что Злюка под ней шевельнулся.

Зеленый конь легкой походкой протрусил к заднему концу крытого фургона и сунул внутрь нос. Внутри кто-то то ли взвизгнул, то ли вскрикнул, и Злюка отступил на несколько шагов назад, прижав к голове уши, хотя глаза его сверкали злорадным весельем.

Домино не удивилась, увидев, что жертвой Злюки был пропавший квартирмейстер.

— Сержант Колум, — сухо произнесла она, когда конь бросил последнего в грязь.

— Генерал Блейд, — ответил Колум, с трудом поднимаясь на ноги, пятясь подальше от зубов Злюки и одновременно пытаясь отдать честь. — Рад вас видеть, сэр.

— Вольно, Колум.

Колум был высоким мужчиной, раздобревшим от доброй кормежки и слишком частых поездок в фургоне. Его светлая кожа порозовела от ветра, а аккуратно подстриженные волосы имели мягкий оттенок серебра при свете свечи.

— Забирайся обратно в фургон, чтобы мы не отстали. Можем поговорить неофициально.

— Есть, сэр, — ответил он и неуклюже полез в фургон через заднюю дверцу. Злюка вытянул шею, словно собираясь подтолкнуть его сзади, и дородный сержант взлетел, как на крыльях.

Домино подавила улыбку и пошла в атаку.

— Ты ведешь торговлю с той разношерстной бандой, которая тащится следом за нами, Колум. Учитывая, что мы не знаем, каковы их намерения, ты можешь нажать себе серьезные неприятности.

Колум побледнел:

— Сэр! Вы же знаете, я не стал бы участвовать ни в чем таком, что может навредить роте. То, чего они хотели, настолько безобидно, что я не мог усмотреть ничего плохого в обмене с ними.

— А чего они хотели, сержант? — спросила Домино, и в ее голосе звучало больше терпения, чем она в себе чувствовала.

— Веревку, сэр, только веревку.

— Веревку? Какую-то особенную веревку?

— Нет, сэр, — начал было он, но тут вмешалась Биша, прыгивая со своей повозки и подходя к ним.

— Да, генерал, в ней есть нечто особенное. Они хотели те обрывки веревки, которые мы

собираем после казней через повешение, те, из которых были сделаны петли.

— Ну, и на что же она им сдалась? — задумалась Домино. — Это же самая перекрученная часть веревки, ее труднее всего использовать еще раз.

— И я так считал, — поспешно вставил Колум, — и поскольку они предлагали в обмен на плохую веревку хорошее мясо и пиво, то я подумал, что генерал не станет возражать.

— Не стану, Колум, — задумчиво ответила Домино, — считай, что пока убедил меня, но полагаю, мне стоит поехать назад и нанести визит нашему пестрому каравану.

— Обождите, генерал, — посоветовала Биша. — Они очень обидчивый народ, похожи на смазанных салом ежей, скользкие и колючие одновременно. Позвольте мне сперва предупредить их, чтобы они успели вспомнить о вежливости.

— Прекрасно, — согласилась Домино, — но в сумерках я все равно их навещу, будут они готовы или нет.

В тот вечер, после того как рота разбила лагерь, Домино проследила за повешением очередной полудюжины бандитов, затем вымыла руки, причесалась и поехала на встречу с Колдовским Народом. И Джорд, и Рейф предлагали поехать с ней, но она отказалась.

— Если я могу попасть в беду всего в двадцати ярдах от собственного лагеря, значит, так мне и надо. — Она рассмеялась. — Если не вернусь к рассвету, высылайте кавалерию.

Въезжая в лагерь незваных спутников, Домино прикинула их количество и решила, что их примерно около дюжины, если не считать разнообразных — и часто весьма странных — животных.

Однако у нее осталось меньше времени на разглядывание странного городка из палаток, па-

вильонов, юрт и цыганских кибиток, чем ей бы хотелось, так как пришлось все внимание обратить на встречающую ее делегацию.

Один из встречавших — горбун, на спине у которого рос не один, а целых два горба, широкогубый, с унылым выражением вытянутого лица, едва видимого под неопрятными космами бурых волос. Вторая — женщина с внешностью типичной старой карги. Единственным ее украшением были седые волосы. Нос загнут крючком, а кожа покрыта темными пятнами и выдублена; скрюченные пальцы держат полированный посох того же светло-коричневого цвета, что и выцветшие глаза.

— Ты! — взвизгнула карга. — Домино! Доминик! Ты, от которой меня тошнит...

Горбун сплюнул на дорогу, что сразу же заставило ведьму замолчать. Затем выпрямился, насколько мог, широко развел руки, обернутые тканью, и начал говорить нараспев, голосом таким же резким и раздражающим, как попавший в глаза песок.

— На горе себе потревожила ты нас, генерал Блейд! Это общественная дорога, и у нас на нее такое же право, как и у твоей роты. Мы — могущественные волшебники. Предупреждаю тебя...

Ведьма ткнула в носок его сапога концом своего посоха, окованного серебром.

— О, заткнись, Мэл. Домино нас не боится. Да и чего ей бояться? Она нанесла поражение самой Падшей Птице-Солнцу. Заключила таинственные соглашения с Морской Ведьмой. Нечего ей бояться столь жалких, нищих пьянчуг, как мы.

Домино уставилась на них с таким изумлением, которое редко себе позволяла. Ей казалось, что Злюка под ней смеется, и это ощущение ее больше встревожило, чем успокоило.

— У вас передо мной преимущество, — наконец удалось ей выговорить, — так как вы знаете

мое имя, а я ваших пока не знаю. Может, можете мне?

— Я Мэл, — ответил мужчина, — с далекого Востока. Не обращай внимания на эту старую дуру и трепещи, ибо я обладаю силой, с которой следует считаться!

— Он подзаборный колдун, — спокойно произнесла карга, — или колдун песчаных дюн, все одно. Меня называют Чокнутой Бабулей, но я предлагаю называть меня просто Бабулей. Моя специальность — предсказывать будущее.

— Причем скверно, — ядовито прибавил Мэл, снова сплюнув, — но мы не о том говорим. Генерал Блейд приехала, чтобы познакомиться с нашей веселой шайкой.

— Я уже знаю, чего она хочет, а ты нет! — заявила Бабуля, весело подпрыгнув.

— А, чепуха, — прошипел Мэл, — ты даже не знаешь, что у тебя на ужин.

— Нет, знаю, — возразила она, — овсянка с медом и мятный чай. Ха!

— Ты больше ничего и не ешь, — проворчал Мэл. — Вряд ли это справедливый тест.

— Ты просто завидуешь.

— Вовсе нет!

— Завидуешь!

— Нет!

— Да!

Продолжая препираться, они двинулись обратно по дороге. Домино, качая головой, пустила Злюку шагом следом за колдунами и поехала в их лагерь.

Разнообразные строения были в беспорядке размещены вокруг костра, который трещал и выбрасывал вверх языки пламени, бросая тени на сгрудившихся вокруг него людей. Через несколько мгновений Домино уже не была так уверена, что это тени делают их такими странными, так

как когда ее глаза привыкли к освещению, она поняла, что наивная терминология Сета, возможно, точнее, чем она полагала.

Это не было собрание организованных в гильдию магов, таких, какие помогали принцу Рэнго во времена сражений против Каларана. Под влиянием на секунду вспыхнувшего в ней озарения Домино поняла, что это были люди, в которых таилась магическая сила и которых она деформировала почти так же, как пространство вокруг столицы деформировалось под влиянием избытка магической силы в артефактах.

Соскочив на землю со спины Злюки, она приняла складной походный табурет из рук хрупкой, почти до степени дистрофии, эльфийской женщины. Мэл и Бабуля тоже уселись, а остальной Колдовской Народ придвинулся поближе.

— Ну, генерал, мое внутреннее зрение подсказывает мне, что вы заехали, чтобы разнюхать, какая нам польза от вашей роты, — прокаркала Бабуля. — И узнать, зачем мы покупаем веревки ваших повешенных.

— Это мог узнать любой любитель подслушивать, — пробормотал Мэл, — или любой, у кого меж ушей не только овсянка.

Домино не обратила на него внимания.

— Да, именно поэтому я здесь. У меня важное поручение от принца Рэнго, и я не могу позволить поставить под угрозу его выполнение. Если вы задумали помешать моей миссии, я буду вынуждена действовать против вас так же, как против бандитов.

Бабуля расплылась в щербатой улыбке:

— Нет, мы не собираемся мешать вам выполнять ваше поручение, генерал. Не нужно пускаться в ход мое могущество, чтобы понять, что принц не послал бы четверых своих любимцев в дикие места без серьезных причин.

— Твое могущество! — Мэл сплюнул в костер, вызвав взрыв зеленых и фиолетовых искр. — Перестань молоть вздор, старая карга.

— Попросту говоря, генерал Блейд, — продолжала Бабуля, — нам нужна ваша веревка, потому что она пригодится нам для заклятий и заговоров. Обычно нам приходится долго искать, где происходит повешение, но вы просто настоящий буре-вестник.

— Понятно. — Домино задумалась. — Это разумно, пока вы не слишком уменьшаете наши запасы веревки. Возможно, будет даже полезно, если ваша банда будет следовать за моей: Озера — район опасный и волшебный.

— Да, — согласился Мэл, — это так, но вы уже раньше отваживались навестить его и двигаетесь туда не слишком... поспешно.

Домино гневно посмотрела на него:

— Что ты хочешь сказать, чародей? Если ты подразумеваешь, что я забываю о своем долге, я тебя прикажу повесить.

Вокруг костра поднялся возбужденный шепот. Домино уловила обрывки разговоров. «О-о-о, фаланги пальцев!» «Мне череп!» «Волосы! Волосы и ногти!» «А я хочу его одежду!»

Мэл побледнел, затем зарычал и стал плевать в костер с такой силой, что взлетел сноп разноцветных искр.

— Ша, ша, дети, — успокоила всех Бабуля. — Послушайте, генерал, я уверена, что Мэл ничего такого не имел в виду. И в качестве доказательства наших добрых намерений позвольте мне предсказать ваше будущее.

Она, пошатываясь, поднялась на ноги. Сильно надавливая на посох, начала чертить в пыли окружности и посыпать их порошками, которые доставала из мешочков, спрятанных в плетеном веревочном поясе.

— Конфеты, пирожные и сласти всевозможные, — ворковала она, улыбаясь Домино удивительно доброй улыбкой. — Это потому, что ты девочка, милочка. Должно быть, ты совершенно сбила с толку вещунов Каларана, когда они работали с улитками, ракушками и зелеными лягушками — это то, из чего сделаны мальчики, сама понимаешь.

Домино лукаво улыбнулась:

— Приятно, что смогла помочь, пусть даже все это уже позади.

— Тихо, — сказала Бабуля, крутя узловатыми пальцами над своими рисунками. — Посмотрим, что готовит тебе будущее.

Наполовину сомневаясь, наполовину замороженная, Домино затаила дыхание, когда патока и корица засверкали и стали испаряться, распространяя запах пекущихся пирожных.

— Вижу долгую дорогу и деревья, на ветках которых раскачиваются бандиты, — начала предсказательница.

— Вот это предвидение, — презрительно фыркнул Мэл.

Домино слегка нагнулась, разок стукнула его за ухом, а когда он стал падать, подхватила. Злюка фыркнул. Больше, по-видимому, никто этого не заметил.

— Путь заканчивается трижды, — бормотала Бабуля, с трудом выглатывая каждое слово, давясь каждым слогом. — Один раз в походе, один раз в Озере, один раз в комнате с высоким потолком. Я вижу, тебя ждет одновременно и успех, и неудача. Ты сохранишь то, что должна потерять, и потеряешь то, что принимаешь за истину.

Мэл застонал, ворочаясь в грязи рядом с костром. Случайно коснувшись рукой горячего пепла, он взвыл и вскочил на ноги с поразительной

прыгью. Его нога попала в магический рисунок Бабули, и ведьма без чувств рухнула на землю.

— Бабуля!

Домино подняла старую леди, словно тряпичную куклу (хотя у нее никогда не было тряпичных кукол, разве только в качестве мишени для стрельбы), и осторожно опустила на ложе из соломы, словно по волшебству появившееся рядом с костром. Колдунья уже начала шевелиться. Домино устроила ее поудобнее, и ведьма с отважным пылом стала прихлебывать подслащенный медом чай, принесенный ярко-зеленым гоблином.

— С тобой будет говорить Некротика, — прошептала Бабуля, — у нее для тебя есть предостережение — это дар, в дополнение к моему пророчеству.

Домино воздержалась от комментариев по поводу ценности пророчества Бабули. Она слабо верила в то, что нечто настолько противоречивое может иметь значение, разве что в самом общем смысле.

— Где эта Некротика? — спросила ее Домино. — Я выслушаю ее предостережение, но не ждите, что я стану обращать внимание на какую-то жалкую попытку помешать мне выполнить приказ принца.

— Смело сказано, генерал, — раздался хриплый шепот из темноты, — но мое предостережение не имеет никакого отношения к поручению, данному тебе принцем. Оно скорее связано с последствиями твоих собственных действий.

— Говори, — сказала Домино, сжав зубы и предвидя еще один выговор по поводу медленного движения роты.

— Я — некромант, — продолжал голос, — специалист по колдовству, связанному с мертвыми. Действия твоей роты выгодны для меня во многих отношениях, поэтому я полагаю, что ты заслуживаешь честного предупреждения: ты под-

вергаешь опасности те самые районы, которые стремишься защитить.

— Загадки. — Домино фыркнула. — Все вам подобные говорят загадками — подозреваю, чтобы прикрыть свое невежество. Я, солдат, привыкла говорить без уверток, Некромант. Мне доводилось сражаться с созданиями как естественными, так и сверхъестественными, поэтому меня не так-то легко запутать. Говори свою речь без этих выкрутас, или я пойду своим путем!

— Так грубо полковник Доминик Блейд разговаривал с Морской Ведьмой, — подал голос зеленый гоблин, заново наполнявший чашку Бабули чаем где-то поблизости. — Больше яиц, чем мозгов, говорили тогда, но думаю, Морская Ведьма знает.

— Да. — В темноте возникло какое-то движение, и та тощая эльфийская женщина, которую Домино уже заметила раньше, вступила в круг света. — Я припоминаю.

Домино изогнула бровь, глядя на Некротику.

— Эльф, который имеет дело с мертвецами? Я думала, твой народ интересуется естественными вещами, такими, как погода, животные и цветы.

— Это правда. — Казалось, от улыбки Некротики туго натянутая кожа на ее высоких скулах готова треснуть. — Я впервые открыла в себе мой талант и могущество, именно когда пыталась вырастить призрак цветка. Это тоже способ существования. Ответ на мой вопрос, генерал Блейд. Ты знаешь, почему большинство казней через повешение производится на перекрестках дорог?

— Нет, никогда об этом не задумывалась.

Некротика потрогала свисающую с ее громадного уха кольцо-серьгу, на которой были вырезаны крошечные черепа.

— Так я и думала. Причина этого обычая в том, что духам казненных будет трудно выбрать маршрут, по которому поехали их убийцы.

Поскольку большинство привидений привязаны к месту смерти, такая неуверенность в маршруте загоняет их в ловушку.

— И эти повешения, которые совершались по моему приказу, — сказала Домино, — были произведены на открытой местности, а мы двигались медленно.

— Да, — шепнула Некротика. — Я поймала в ловушку некоторые из призраков, и из них вышло отличное блюдо, но их будет больше, и я могу не справиться, если вы не прекратите казни.

Домино вскочила на ноги и свистнула Злюке.

— Никогда! Правосудие будет совершаться, Некротика. — Она схватила Злюку за гриву и одним прыжком оседлала его, не дожидаясь, пока конь опустится на колени. — Мы просто сделаем перекрестки.

Женщина-эльф уставилась на нее, а остальной Колдовской Народ затрепал и зачирикал от изумления, все, кроме зеленого гоблина, который катался по земле, умирая от смеха.

— Она это сделает! Сделает! — пищал он.

Домино помахала на прощание рукой:

— Спасибо за ваши предостережения и пророчества — и за чай. До тех пор пока вы будете соблюдать наше соглашение, моя рота будет защищать вас всех. Если выступите против меня, у нас и для вас хватит веревки.

Когда она вернулась к своей палатке, Сет ждал ее с ужином.

— Я его накормил, — сказал мальчик, кивнув головой в сторону Джорда, чей силуэт виднелся внутри освещенной лампой палатки, — чтобы он мог еще позаниматься.

— Молодец, Сет, — сказала Домино и мило стиво похлопала его по плечу. — Как твои уроки?

— Наверное, хорошо, — ответил он, шаркая одной ногой по земле, — я бы предпочел получить меч, лук и коня, чем учиться на клерка.

— А я — клерк? — спросила Домино, впиваясь в жареного фазана руками и зубами одновременно.

— Нет, сэр! — возмущенно, но с восхищением в голосе воскликнул мальчик. — Вы настоящий воин!

— Однако я умею читать, писать и считать, — сказала Домино, вытирая жирные руки о штаны, — и мой отец, генерал Блейд, настоял на этом, как на части моего военного образования.

— Правда? — Сет неожиданно стал серьезным. — Спасибо, генерал, теперь я уберу, если позволите.

— Давай, Сет, — сказала она. — Я сейчас приду, только умоюсь.

Когда Домино вошла в палатку, Джорд поднял руку, давая понять, что ей не следует его прерывать. Она сняла с себя доспехи, подавая их по одному наружу Сету, чтобы тот их смазал маслом. Джорд продолжал писать так долго, что она почти уснула, когда он наконец погасил лампу и присоединился к ней.

— Доми! Доми! — Он слегка подтолкнул ее. — Проснись, дорогая.

— Гм, — промычала она, перекатываясь поближе и прижимаясь к нему. — Закончил наконец-то занятия на сегодня? Сколько тебе еще осталось работы, между прочим?

Он выпустил ее из объятий.

— Не мелочись, Домино. Свиток Гвайкандер — это причудливый старинный артефакт, написанный архаичным письмом кем-то из древних волшебников.

— Нет, пойми меня правильно, — возразила Домино, покрепче прижимая его к себе. — Я понимаю трудность того, что ты делаешь, но люди уже начали судачить о том, как медленно мы продвигаемся. Мне придется приказать поторапливаться.

— Уф! — задохнулся Джорд. — Домино, полегче! Ты сломаешь мне ребра!

Она сразу же отпустила его, и он упал на спину, смеясь и задыхаясь. Отдышавшись, он снова привлек ее к себе.

Через несколько минут Джорд приостановил свое занятие и сказал:

— Через пару дней кончу.

— Джорд, я всегда знала, что ты силен, но... — Домино покраснела. — Ах, ты о свитке. Забудь о нем и займись своим генералом.

— Готов служить, моя леди.

На следующее утро Домино встретила с Рейфом и разделила роту.

— Мы слишком легкомысленно относились к происходящему, — сказала она. — Думаю, мы можем рассчитывать, что чародеи помогут нам в защите фургонов, поэтому оставим тут минимум солдат под командованием Чейза. Если я правильно помню, Керран во время войны имел дело со строительством укреплений.

— Это правда, сэр, — ответил Рейф. — Он действительно прекрасный плотник, хотя и не любит признаваться в этом.

— Прекрасно. Я хочу, чтобы он отобрал небольшой отряд, который будет ехать впереди, на расстоянии одного дня пути, и сооружать для нас виселицы в тех местах, где останутся фургоны в конце дня.

— Значит, они будут готовы заранее, — сказал Рейф с волчьей улыбкой, — но ведь подготовка к повешению не отнимает столько времени.

— А, ну они будут заниматься не только этим, — ответила Домино. — Меня предупредили, что мы выпускаем на свободу «призраков» и что лучшим способом загнать их в ловушку будет проводить казни на перекрестках. Поэтому...

— Вы хотите, чтобы они сооружали перекрестки дорог? — изумился Рейф. — Дорог куда?

Домино взяла палочку и нарисовала две пересекающиеся линии.

— Перекресток. — Потом обвела их окружностью. — И дороги, на которых он расположен.

Рейф рассматривал разделенный на четыре части круг.

— Очень ловко, ловушка для призраков. Я немедленно проинструктирую Керрана.

Когда рота вступила в гористый Озерный Край, Домино и Рейф нашли для себя отличную возможность поохотиться. Холмистая, изолированная от остального мира местность была хорошей почвой для выращивания винограда, мясного и молочного скота и для индустрии туризма, которая снова начала процветать теперь, когда эпические битвы с Калараном постепенно становились историей. Бандиты ценили этот район не столько за его богатства, сколько за многочисленные ущелья, овраги, лощины и пещеры, где они могли укрыться после длинного дня разбоев и грабежей.

Оба предводителя заставляли своих людей рассуждать так, будто это им надо скрываться, что было не слишком трудной задачей, поскольку в самые мрачные дни войны против Падшей Птицы-Солнца многие из них вынуждены были скрываться. Между двумя командами возникла ожесточенная конкуренция, и солдаты, которым доставались обязанности охранников, утешали свое рассвирепевшее «эго» тем, что держали пари по любому поводу, начиная с того, сколько бандитов будет поймано в тот или иной день, и кончая тем, сколько времени уйдет на повешение каждого из них.

Джорд продолжал свое личное соревнование со свитком, и его обычная легкомысленная манера поведения менялась, когда он принимался за работу. И все-таки, хотя он уже почти закончил,

его лицо, когда он рассматривал артефакт, выражало не удовольствие или удовлетворение завершением работы, а было весьма мрачным.

— Посмотри-ка, Домино, — сказал он ей однажды ночью, — хорошенько посмотри. Средний, стандартный артефакт — перстень, меч или амулет — тянется к тебе и подчиняет своему могуществу. Они сделаны из драгоценных металлов, усыпаны драгоценными камнями, и в них самих заключена способность активно воздействовать на реальность. Но этот свиток выглядит таким неприметным.

— Неприметным? — Домино указала на причудливый светящийся узор, который извилисто спускался вниз и превращался в рамку. — Это не назовешь неприметным.

— Наверное, «неприметный» не то слово, — согласился Джорд, — «утонченный» ближе к тому, что я имел в виду. В свитке одновременно и есть сила, и нет. Она в словах, в знании. Она в выборе одного слова из его синонимов, одного размера из других, столь же хороших, но почему-то неподходящих. Сила свитка Гвайкандер — в написанном слове, которое в своих изгибах и углах содержит мысли, мечты и надежды какого-то древнего писателя. Говорю тебе, Доми, иногда сила этих слов просто подавляет меня.

Домино сжала его руку:

— Поэт, твои слова выше понимания простого солдата, но, кажется, я понимаю. Надежно храни свиток, пока мы не доберемся до Озера; больше я ни о чем тебя не прошу.

Она поцеловала его.

— Мне надо идти. Хочешь пойти и посмотреть на повешение? Керран на этот раз построил действительно красивый круг, и я думаю, тебе надо немного развлечься. Ты слишком много работаешь.

— Ты очень добра ко мне, Домино, — ответил он, пряча свиток в футляр. — Отдых мне бы не помешал.

— Так пошли. Без меня они не начнут, но лучше поспешим. — Она взъерошила ему волосы. — Приятно, что ты будешь рядом. Мне только жаль, что я не могу держать тебя за руку, находясь при исполнении.

— Потом я это тебе компенсирую, — пообещал он.

Однажды, две ночи и две дюжины повешений спустя, Домино прикорнула, пока Джорд работал над переводом. В тот вечер офицеры ужинали в ловушке для привидений — что-то вроде утешения для инженера, поскольку ни один из отрядов не привел с собой бандитов.

— Керран сегодня превзошел самого себя, — произнесла она сонным голосом. — Я ужасно чувствовала себя из-за того, что мы никого не привели ему для повешения после того, как его бригада проделала такую работу, соорудив ловушку для привидений из камня, да еще с деревянными перекрытиями, одновременно служащими виселицами.

— Мне показалось особенно милым, что они зажгли чучела из соломы вместо трупов, чтобы мы могли поужинать при свете, — добавил Джорд, не поднимая головы от своей работы.

— Красиво и жутко, — согласилась Домино. — Почему ты нахмурился? У тебя будет лицо в морщинах, если не перестанешь хмуриться.

Он не улыбнулся в ответ на ее шутку, но поманил к себе:

— Домино, пожалуйста, подойди и взгляни на это. Ты мне нужна, чтобы освежить память, хотя маловероятно, чтобы кто-то из нас забыл ту ночь, когда был убит Каларан.

— Да уж, — отозвалась Домино, опускаясь на колени рядом с ним. — Мы все были там — я была среди тех, кого поставили охранять Агонамеринса, и грызла удила от нетерпения, пока Рэнго и Рисса использовали свои игрушки, чтобы лишить Каларана его волшебной силы и одолеть его. Мне очень не хочется плохо отзываться о принце, но мне кажется, дуэль не затянулась бы так надолго, если бы он позволил мне взяться за этот меч.

— Хвастунишка, — промурлыкал Джорд. — Далее, после того как они свалили Каларана, ты привела Агонамеринса, и он начал читать заклинание из свитка Гвайкандер. Я тогда закрыл глаза — слушал, как лилась речь Агонамеринса, читавшего по-термеански. Я припоминаю, что она оборвалась как-то очень внезапно.

— Да. — Домино кивнула. — Агонамеринсу стало плохо; вся эта ситуация была слишком большим напряжением для старика, но он продолжал читать. Наконец Каларан вздохнул, закатил глаза, казалось, он слабо улыбнулся, стал задыхаться и обмяк. Тут я отвлеклась, потому что Агонамеринс схватился за грудь и упал, как только закончил чтение. Сердце бедняги не выдержало.

— Как только закончил, — задумчиво повторил Джорд. — Ты уверена, что он дочитал свиток до конца?

— Ну, Каларан же умер, но я лично считаю, что это сделали перстень и меч. Заклинание должно было изгнать его дух — нам ни к чему был зомби-полубог. — Она улыбнулась. — В любом случае они в конце концов сожгли его тело. А после того как его голова была целую луну выставлена в центральной башне Храма, ее освежали и превратили в какую-то сложную волшебную систему раннего оповещения о возвращении Тьмы. Так что, если Агонамеринс и не закончил, у духа не осталось никакого милого ему пристанища.

— Гм, успокой меня, генерал. У меня насчет этого дурное предчувствие. — Джорд поднял свиток. — На свитке, ближе к концу, есть пара странных вмятин, примерно в том месте, где находились большие пальцы Агонамеринса, когда он разворачивал и читал свиток. Далее, если он держал его в этом месте и эти отметины оставлены его руками, когда он сжал свиток во время фатального сердечного приступа...

Домино посмотрела.

— Я не читаю на древнетермеанском, Джорд, но вижу, что здесь под отметинами еще осталась куча строчек.

— Если бы я прочел их вслух, — спросил Джорд, — ты бы могла узнать те звуки, на которых он прервал чтение?

— Может быть. Попробуй, и я тебе скажу.

Он начал читать голосом столь же тихим и потусторонним, как и у старого священника. Домино встала, чтобы вслушаться, глаза ее были закрыты, а рука лежала там, где должен был висеть меч.

— Вот оно, — произнесла она, послушав Джорда несколько минут. — Я отчетливо помню конец: «Кватендо эрбуд, алтонфасс дермейн аах!»

Джорд прищурился и заглянул в свиток.

— Последнее слово не «аах», Домино.

— Оно было последним, когда его читал Агонамеринс, — возразила она. — Он упал сразу же после этого, и эти слова запечатлелись в моей памяти.

— Тогда у нас неприятности. Если я правильно сделал перевод, то заклинание так и не было дочитано.

— Это же наверняка формальность, — запротестовала Домино. — Тело было уничтожено. Куда бы девался Каларан?

— Помнишь те предостережения Некротики насчет привидений? — спросил Джорд, осторожно

сворачивая свиток. — Мертвые тела не означают, что духи тоже мертвы, а Каларан был полубогом.

— Джорд, мне это не нравится. Если ты прав, то менее всего свитку подходит быть упрятанным в грот на дне озера. Мы должны немедленно возвращаться.

— Домино. — Джорд схватил ее, когда она уже повернулась, чтобы идти и поднимать лагерь. — Дух должен был куда-то пойти. Так как мы не слышали, чтобы во дворце появлялись привидения, по крайней мере, помимо обычных, то можно догадаться, что этот дух нашел себе новое пристанище.

— Ты хочешь сказать, он завладел кем-нибудь. — Домино кивнула. — И кем же, по-твоему?

Джорд задумчиво покусывал костяшки пальцев.

— Ну, я не очень-то сведущ в колдовстве, но я разговаривал с Некротикой о привидениях и догадываюсь, что здесь можно применить те же правила.

— Докладывай, солдат! — рявкнула Домино и тут же залилась краской. — Я хочу сказать...

— Не беспокойся, Домино. — Он сжал ее руку. — Я и в самом деле хожу вокруг да около. В основном призракам легче вселиться в человека, если он болен, ранен или ослаблен. И здесь у нас две подходящие кандидатуры.

— Рисса и Рэнго, — произнесла Домино. — Они не только были ранены, но и ослабели. И каждый из них представляет интерес для призрака — оба обладают властью.

— Рэнго довольно странно вел себя в последнее время, — высказал предположение Джорд, — как мне теперь кажется. Разослал всех в разные концы с этими мономагами, которых ты так любишь, и разбросал магические орудия, которые

нанесли поражение Каларану, по далеким и труднодоступным местам.

— Ведь были все же эти явления, — засомневалась Домино, — но если Рэнго — это Каларан, тогда он мог сам вызвать их, чтобы подстроить осуществление своего плана.

— Или усилить их, — согласился Джорд. — Думаю, нам не следует трактовать сомнения в пользу Рэнго.

— Согласна. Мы продолжим путь и оставим в гроте фальшивый свиток, чтобы потом заняться этим вселившимся призраком, — медленно произнесла Домино, с трудом заставляя себя отнестись с недоверием к принцу. — Если мы ошибаемся, можно потом извиниться перед Рэнго.

— И если это действительно Рэнго, — сказал Джорд, ободряюще улыбаясь ей, — он поймет и, может быть, даже наградит тебя медалью.

— Не думаю, чтобы Риссе это понравилось, — ответила Домино. — Может, нам удастся уговорить принца послать к ней кого-нибудь.

— Буду рад вызваться добровольцем, — коварно улыбнулся Джорд. — Но сперва мне потребуется попрактиковаться.

— О, значит, ты наконец-то покончил со свитком и можешь уделить мне немного времени?

— Если ты дашь мне шанс, — пообещал он.

В течение нескольких последующих дней они ехали под дождем, который превратил дорогу в вязкую трясиину. В конце концов фургоны застряли и вытащить их было невозможно.

— Мы уже близко, — сказала Домино, убирая с глаз мокрые волосы. — Разве не видишь, как счастлив Злюка? Думаю, больше мне не следует ждать. Рейф, прикажи людям разбить здесь лагерь, а я поведу маленький отряд вперед.

— Есть, генерал. Прошу разрешения сопровождать вас.

— Просьба удовлетворена, старый друг.

Она поскакала назад к фургону, в котором укрылся Джорд.

— Настало время, — заявила Домино. — Отдай мне свиток.

— Я поеду с тобой, Домино, — ответил он. — Ночное Небо уже оседлана и готова.

Не успела Домино ответить, как к ним пробрался по воде Пиггон.

— Я буду сопровождать вас, генерал, чтобы иметь возможность доложить принцу, когда дело будет сделано.

— Я...

— Я тоже хочу поехать, генерал, — пискнул Сет. — Пожалуйста!

Домино вздохнула, а Злюка фыркнул.

— Кто-нибудь вообще остается? — в конце концов удалось ей спросить.

— Большая часть, — сказала Биша, подходя к ним с кувшином горячего вина. — Некоторым людям хватает здравого смысла не бродить под дождем.

Но все это едва ли имело значение. Едва они покинули расположение роты, как Злюка пустился вскачь таким резким и быстрым галопом, что Домино почувствовала себя так, словно ее бросает на волнах штормового моря.

— Черт побери, Злюка! Ты же знаешь, что меня укачивает! — завопила она, сжимая челюсти, чувствуя, как переворачивается желудок, и примериваясь, как бы спрыгнуть.

При такой скорости Злюки даже Ночное Небо скоро осталась позади. Она услышала крик Джорда: «Домино, свиток!»

Затем металлический тубус, сверкая, пролетел сквозь дождевые струи. Крепко вцепившись одной рукой в гриву Злюки, она свободной рукой поймала цилиндр. Не снижая скорости, Злюка бросился в ледяные воды Озера. Домино крепко

прижала к груди тубус, и вода сомкнулась над ее головой.

Вода сильно отдавала привкусом форели, но Домино втянула ее в себя, испытывая благодарность к Злюке за то, что он умел сделать ее способной дышать под водой. Во время ее первого подобного погружения у нее был с собой заколдованный трезубец, который давал ей такую же способность, но более ограниченную. Верхом на Злюке она чувствовала себя морским созданием, видела очень четко и слышала калейдоскоп неестественных звуков, распространяющихся в воде.

Злюка рассмеялся, когда они плавно скользили на дно — это было не ржание, не фыркание, а почти человеческий смех. Домино покрепче вцепилась в белоснежную гриву и испытала шок, почувствовав, что фигура под ней меняется, тает, переливается в другую форму. И когда они твердо встали на песчаное дно озера, Домино обнаружила, что сжимает коленями очень стройную талию человекообразной фигуры.

Залившись краской, она разжала руки и, доверившись тому волшебству, которое защищало ее до сих пор, отступила назад, чтобы взглянуть получше. Волосы цвета белой морской пены и светло-зеленая кожа остались такими же, и еще прозрачные стеклянные глаза без зрачков. Но все остальное изменилось: Домино открыла рот, глядя на грациозного, обнаженного морского эльфа, поворачивающегося к ней лицом.

— Ты... Злюка, ты — девушка!

Злюка улыбнулась, открыв сильные, несколько напоминающие лошадиные, белые зубы:

— Да.

— Но ты же была жеребцом. — Домино снова почувствовала, что краснеет. — Я хочу сказать, я смотрела.

Злюка фыркнула:

— Думаешь, ты одна умеешь переодеваться? Уж море-то точно изменчиво. Но у тебя сейчас есть более насущные заботы, чем думать о том, что у меня есть — или чего нет — между ног.

— Правильно. — Домино подняла тубус. — Я должна вернуть это в грот.

Глаза цвета зеленого стекла внимательно посмотрели на нее.

— Грот охраняется, Домино.

— Да, я этого ожидала. Так было и раньше.

— Ты не удивилась тому, как быстро этот сторож обратился в бегство в тот раз? — уколола ее Злюка, накручивая белый локон на кончик пальца, ноготь которого украшала крохотная подковка.

— Нет. — Домино поморщилась при этом воспоминании. — Я стремглав нырнула на глубину, а потом изо всех сил поплыла в грот, держа в руках заколдованный трезубец, выкованный гномами специально для этой цели. Несмотря на чары, позволявшие мне дышать под водой, голова у меня раскалывалась, и красные искры плясали перед глазами. И все же я проявила героическое мужество и нанесла поражение той твари, которая была поставлена охранять свиток Гвайкандер.

— И еще у тебя была симпатичная попка и ладная фигурка под насквозь промокшей одеждой, — сказала Злюка. — Мама подумала, что ты просто очаровашка, и теперь она очень обижена, так как поняла, что ты ее одурачила.

— Я? — затрепыхалась Домино. — Я не пыталась...

— Неважно, — оборвала ее Злюка. — В тот раз гидра пустилась в бегство, пару раз огрызнувшись для проформы, а ты обнаружила, что тебя ждет заключенный в кристалл конь, чтобы вынести на поверхность и тебя, и твой приз.

— Кристалл, — пробормотала Домино, — лед. Он растаял.

— Расскажи это своему дружку, — сказала Злюка. — Я просто цитирую официальную версию. В прошлый раз все обошлось сравнительно просто для тебя. На этот раз тебе придется сражаться.

— Великолепно, — ответила Домино, теребя свиток Гвайкандер и подумывая, не бросить ли его прямо там, где она стоит. — Послушай, Злюка, ты все еще на моей стороне?

Эльфийская дева развела своими хрупкими руками:

— Ну конечно, Домино. Если бы это было не так, ты бы уже давно утонула.

— Великолепно. — Домино скрестила ноги и плавно опустилась на песок. — В прошлый раз карта местности выглядела примерно так.

Она подняла кусок острой, как бритва, ракушки и начала рисовать на песке.

— Дно озера понижается вот здесь и сужается, переходя в узкий канал. Нужный нам грот расположен у выхода из этого канала, и, конечно, я ожидаю встретить охрану здесь. В прошлый раз я вышла победителем.

— Да, ты набросилась со своим волшебным трезубцем, она пару раз огрызнулась и уплыла. Так?

— У этой твари было семь голов, — запротестовала Домино, — и они не пару раз огрызались, а больше. Одна голова даже разорвала мой рукав.

— Забудь об этом, генерал, — возразила Злюка, — на этот раз тебе придется иметь дело не с каким-нибудь геральдическим драконом. Морская Ведьма не шутит — на этот раз ты встретишься с настоящей Огненной Гидрой.

— Огненной? — с сомнением переспросила Домино. — В воде? Разве ты не знаешь? Огонь и вода несовместимы.

— Еще мы слышали, что лучший способ бороться с огнем — это огонь, — ответила Злюка, — и глупее я ничего не слышала. Получается только еще больше огня.

— Ладно, согласна, что иногда глупости срабатывают. Даже с твоей помощью я не уверена, что смогу справиться с семиглавым огнедышащим драконом.

— Гидрой, — поправила Злюка. — Они еще хуже, так как если отрубить одну голову, вырастет новая, если не прижечь обрубок шеи. Полагаю, ты не захватила с собой трезубец, а?

— Ну, это как посмотреть, — ответила Домино. — Видишь ли, я его оставила тут в прошлый раз. Запустила им в эту тварь, и поэтому у меня заканчивался воздух. Все, что мне удалось сделать, — это только схватить свиток и уплыть.

— Тогда он, вероятно, все еще здесь, — сказала Злюка. — Мама отвратительная домохозяйка. Ну, у меня есть план.

— Эй, Гидра! — крикнула Злюка в угольную черноту входа в канал. — У тебя из пасти гадостно воняет, из всех семи!

Скорчившаяся справа от отверстия Домино про себя неодобрительно застонала. Очевидно, Злюка в образе эльфийской девы тоже не отличалась утонченностью. Однако ее уловка, по видимому, сработала. К ним подплывало нечто еще более черное, чем лишённые света воды подземного, подводного канала. Она ощущала теплое течение, идущее оттуда, и привкус серы в воде.

Гидра вырвалась из отверстия, за ней тянулся хвост жемчужных пузырьков воздуха. Домино не очень четко разглядела драконьи головы, шеи с плавниками, множество малахитовых чешуек и прозрачный рыбий хвост. Хотя ей показалось, будто тут что-то не совсем правильно, она не медлила ни секунды.

Нырнув в только что освободившийся канал, она поплыла, ударяясь то о пол, то о потолок. Голова у нее кружилась от непривычного способа передвижения, и она чуть не прозевала грот. Повернула обратно и нырнула в альков, поросший кораллами. Крохотные белые язычки всего в дюйм длиной, извиваясь, тянулись к ней из живой стены.

Внезапно на нее навалилась клаустрофобия и заставила поспешно покинуть эту пещеру в пещере, пока ее стены не сомкнулись. Она чувствовала, как слабеет дыхание, словно вода, а не воздух врывается в легкие, грозя ее утопить. Содрогаясь, она сунула тубус со свитком в кривую трещину, как раз подходящую по размеру.

Пятясь назад и не пускаясь в бегство только из страха перед тем неизвестным, что наверняка готово пуститься за ней в погоню, она споткнулась о какой-то предмет, который подвернулся ей под сапог. Он был очень похож на ручку швабры, обросшую кораллами, но там, где он ударился о сапог, кусочки коралла отлетели, и бледный красный свет просочился в воду, словно кровь.

Несмотря на охватившую ее панику, Домино вспомнила и нагнулась, чтобы поднять с пола грота магический трезубец. Два-три резких удара о край входа в пещеру освободили его от окаменевших ракушек, и с каждым ударом все более яркий красный свет освещал ее путь, а в голове снова прояснилось.

Нечто пыталось ее запутать и заставить броситься наутек, и лишь самой себе она могла признаться, как близка была к этому. Теперь она снова владела собой и оружием, созданным для этой водной среды. Решительно оскалившись, Домино бросилась в канал. Будучи боевым товарищем Зюки, ей следовало бы надеяться, что та одержала верх над Гидрой; но будучи воином, чувствовала, что рвется в бой.

Выбравшись в мерцающую синюю воду, она увидела поразительную картину — Злюка удирала от Гидры.

Светло-зеленая эльфийская дева плыла со всей доступной ей скоростью, ловко изворачиваясь и уклоняясь от струй пламени, которыми плевалась в нее Гидра. И, несмотря на то что Злюка плыла с грацией и быстротой плотвички, она не могла устоять против физической мощи преследующего ее чудовища, которое разрезало воду могучими ударами рыбьего хвоста.

Домино сомневалась, что сможет вовремя догнать Злюку. Эльфийская дева плыла все медленнее, явно обессиленная этой яростной гонкой. Самое большее, на что могла надеяться генерал, — это отомстить за своего скакуна.

Спасение пришло с поверхности озера, не божественное и не чудесное, а в виде огромной скалы, которая свалилась вниз и метко пришила хвост Гидры к песчаному дну. Злюка стремглав радостно рванулась прочь и на глазах у изумленной Домино начала снова менять облик.

Человеческие черты исчезли полностью, и снова возник знакомый зеленый конь с гривой, подобной морской пене. Знакомый от плеч и выше, так как ниже торса у Злюки теперь появился рыбий хвост, покрытый стекловидной чешуей того же оттенка, что и насмешливые глаза, и заканчивающийся прозрачным белым плавником.

Домино покачала головой и заскрипела зубами, оглядывая то, что можно было назвать полем битвы. Белый песок, кажущийся бледно-розовым в свете ее трезубца, был усыпан валунами. То попадание, которое прижало хвост Гидры ко дну, явно было результатом везения и точного прицела. Как только чудовище освободится, они больше не смогут рассчитывать на помощь сверху.

Хотя внимание Гидры в основном было приковано к Злюке, и в еще большей степени к

своим попыткам вырваться, одна из голов все же заметила приближение Домино. Выдохнув в ее сторону струю почти жидкого огня, Гидра вытянула несколько шей, готовясь ее встретить.

Хладнокровно оценив ситуацию, Домино прыгнула с вершины валуна, оттолкнувшись со всей силой своих натренированных верховой ездой бедер. Превратившись в торпеду с трезубцем на конце, она пришила одну из голов Гидры ко дну озера. Выхватила саблю, нырнула под струи огня и снесла ближайшую к себе голову.

За ее спиной Злюка ввязалась в драку и начала молотить Гидру мощными передними копытами. Не знавшие подков края копыт были острыми, как бритва, и там, куда они опускались, появлялись раны в форме полумесяца, и из-под толстых зеленых чешуек Гидры сочилась кровь.

Теперь вода стала красной не только от света, излучаемого трезубцем. И все же Гидра быстро заживала нанесенные ей раны, как и предупреждала Злюка. Зная, что они не могут причинить ей настоящего вреда, Гидра могла сражаться, пока усталость не заставит одну из них потерять бдительность.

Размахивая саблей, Домино взвилась вверх. На верхней точке дуги прыжка она нанесла необычный удар, держа саблю обеими руками и целясь в центральную голову. Лезвие чисто перерубило чешую и плоть, заскрипело по кости, и когда она яростно дернула саблю на себя, та напроочь отрезала голову от шеи.

Булькающая, словно сбесившийся чайник, Гидра прицелилась в нее двумя головами сразу и яростно дохнула огнем. Извернувшись с ловкостью, которой мог позавидовать любой морской обитатель, Домино избежала прикосновения большей части языков пламени. И все равно спина ее туники превратилась в пепел, зато огонь надежно

прижег обрубок шеи только что отрубленной головы.

Трубный возглас восторга Злюки неожиданно оборвался и закончился смущенным покашливанием. Мелькающие копыта остановились, и что еще удивительнее, Гидра прекратила нападение. Замахнувшись было на следующую голову, Домино остановилась и медленно повернулась лицом к неожиданно появившемуся новому противнику.

По дну озера к ним двигалась женская фигура. Кожа на ее лице выглядела тонкой и нежной — будто морские водоросли, высушенные на солнце до состояния папиросной бумаги. В отличие от кожи Злюки, которая имела здоровый, равномерно-зеленый цвет, кожа этого создания была пятнисто-оливковой. Ее волосы, редкие и спутанные, покрытые разнообразными обрывками водорослей, тоже не указывали на общее здоровье. И все же, несмотря на это, угловатая женщина, шагающая по дну озера, столь явственно излучала жизненную и плодоносящую силу, что она ощущалась так же, как холодное прикосновение воды, кружащейся около нее водоворотом.

Вспомнив слова Злюки, Домино возблагодарила своих богов-покровителей за то, что она женщина, так как только одна мысль о том, какой услуги потребовала бы от нее Морская Ведьма в противном случае, могла вызвать бессилие того, чего у нее не было.

Боковым зрением Домино видела, что Злюка снова меняет форму, верхняя часть его/ее тела становится женской, а нижняя остается рыбьей, пока морской конек не превратился в русалку.

— Мама переделала Гидру, — прошептала Злюка, как только у нее снова появился человеческий рот. — Сперва у нее только и было, что толстые ноги. Я волновалась, не захлебнулась ли ты, когда мне пришлось отплыть слишком далеко, чтобы

делиться с тобой своей волшебной способностью дышать водой.

Морская Ведьма приложила согнутую ладонь к уху, имеющему форму настоящей раковины: неправильной, толстой раковины огромной устрицы.

— Шептаться невежливо, дитя, — произнесла она, уставившись на Злюку выпуклыми глазами, похожими на сияющие жемчужины. — Ты же получила хорошее воспитание.

Ухватившись за трезубец, Морская Ведьма одним движением выдернула его из шеи Гидры и песка без видимых усилий. Держа его в руке, она посмотрела на Домино, которая с некоторым смущением осознала, что продолжает стоять на спине Гидры.

— Домино Блейд, — произнесла Ведьма, без нужды делая упор на последнюю букву «о», — мы этого не потерпим, знаешь ли.

— Простите, мэз?

— Твоего проникновения сюда и нападения на мое создание. Бедная малышка всего лишь выполняла свою работу, а ты приходишь сюда и рубишь ей голову, и прижигаешь ее, и пугаешь несказанно.

Она погладила ближнюю к ней голову, которая попыталась лизнуть ее языком. Это движение могло бы напомнить котенка, если бы язык Гидры не скользил меж клыков, длиной в восемь дюймов.

— Она напала на Злюку, — объяснила Домино, спрыгнув вниз и становясь рядом со своим бывшим конем. — У меня не было выбора.

Морская Ведьма холодно посмотрела на русалку.

— Она безрассудно дразнила Гидру. Гидра очень сильная, но не слишком умна и довольно вспыльчива.

Домино про себя подумала, что вспыльчивость, очевидно, передается по наследству в семействе Морской Ведьмы.

— Все равно, — произнесла она вслух, — Злюка мой союзник, и я была права, поступая так.

— Ты преодолела массу трудностей, чтобы только положить в недоступное место нечто совершенно бесполезное, — размышляла вслух Морская Ведьма. — Я бы могла закрыть на это глаза ради развлечения, если бы ты не вывела Гидру из строя.

— Ты не можешь наказать нас за нападение на стража, мама, — возразила Злюка. — Ты за этим ее тут и поставила.

— Ну, — задумчиво произнесла Морская Ведьма, — собственно, я действительно надеялась, что она останется невредимой. Поэтому я и выбрала Гидру, создание, которое умеет не только регенерировать, но и при необходимости отращивать новые головы. Мне не нравится, когда моим созданиям причиняют вред. Теперь, что касается вопроса о наказании...

— Подожди! — решительно перебила Домино. — Думаю, что могу уладить дело по справедливости, но ты должна мне позволить ненадолго подняться на поверхность.

— О нет, — Морская Ведьма даже рассмеялась, — ты принимаешь меня за полную идиотку? Твое задание здесь выполнено. Ты воспользуешься этой возможностью и убежишь.

— Я же не дура, — холодно возразила Домино. — Даже если бы я сейчас удрала, твоя власть простирается гораздо дальше границ этого озера. Я предпочту погибнуть с честью, чем жить в страхе перед твоей неминуемой мезтью. Во-вторых, как ты уже намекнула, тебе известно о том, что этот свиток — поддельный. Стоит только послать гонца с этой новостью, и меня уничтожат так эффективно, как ты только можешь поже-

лать. В-третьих, Злюка в твоей власти, а как я уже сказала, я не брошу союзника — даже такого сварливого.

— Хорошая речь, — ответила Ведьма, — и признаюсь, мне любопытно. Ты можешь подняться, но не дальше, чем до той лодки со стеклянным дном, с которой твои люди сейчас наблюдают за нами с поверхности озера.

— Придется подождать, — предупредила Домино, — пока они пошлют за тем, что я попрошу.

— Ты вернешься сюда, — заявила Ведьма. — Они могут сбросить тебе сверток с грузилом.

Домино не стала испытывать терпение Ведьмы, когда всплыла на поверхность, и быстро продиктовала Рейфу список.

— Объясни хорошенько, чтобы Чейз понял, что мне нужны порошки или пилюли, а не жидкости, — сказала она. — А теперь мне надо возвращаться.

— Домино, — сказал Джорд и сжал ее руку, — пожалуйста, будь осторожна. То, что ты собираешься сделать, опасно.

— Это солдатская служба, любимый, — ответила она. — Я только рада, что ты в безопасности. Мне было бы еще спокойнее, если бы ты вернулся на берег. Кто знает, что сделает Морская Ведьма?

— Мое место рядом с тобой, — упрямо настаивал он, — и ты не заставишь Рейфа отправить меня на берег. Я нанял эту лодку.

Признавая свое поражение, Домино поцеловала руку Джорда и отсалютовала Рейфу. Нырять в глубину, она видела, как лодка, подпрыгивая, понеслась к берегу, словно подбитый водяной жук.

Морская Ведьма одобрительно поджала губы, когда Домино присоединилась к ним. Злюка снова приняла вид морского конька, как заподозрила Домино, не только чтобы избежать разговоров с

матерью, но и чтобы быть готовой к бегству или к бою.

Ведьма тасовала колоду вырезанных на раковинах карт.

— Я понимаю, что ты — не Крапчатый Гулик, но не желаешь ли сыграть, чтобы убить время?

Они успели несколько раз сыграть в «рыбу» и «старую деву», когда завернутый в брезент сверток спустился сверху на веревке.

— Прекрасная веревка, — заметила Морская Ведьма, когда Домино развязала пакет. — Тебе пришлось потрудиться.

Домино заворчала, разворачивая пакет, но не забыла о хороших манерах, отрезала несколько футов веревки и подарила хозяйке дома.

— А теперь, — произнесла Домино, — если вы прикажете Гидре проглотить эти пилюли, мы сможем приступить к делу.

— А что в них? — спросила Ведьма, прищуриваясь на большие таблетки.

— Главным образом маковый сироп, — ответила Домино. — Чейз его использует для усыпления лошадей, когда им нужна операция. Я попросила его прислать полдюжины — по одной на каждую голову.

— Но ты ведь не собираешься оперировать Гидру, правда? — выпуклые глаза Ведьмы открылись шире, чем Домино считала возможным, и даже у Зюки был изумленный вид.

— Собираюсь, в некотором роде.

— Сумасшедшая, — пробормотала Ведьма, но скормила Гидре пилюли.

Как только Гидра погрузилась в сон, настолько глубокий, что ее жабры едва шевелились, Домино взялась за тяжелый топор с двухсторонним изогнутым лезвием. Ради пробы она разрубила им тонкий стебель водоросли, который бесцельно плыл, уносимый слабым течением, и стебель раздвоился так легко, что его половинки

продолжали плыть бок о бок, словно все еще были одним растением.

— Острый, — с восхищением произнесла Морская Ведьма.

— Да, — ответила Домино и, не переводя дыхания, опустила топор, словно заправский дровосек, на поврежденную шею Гидры, точно над тем местом, где шея соединялась с толстым туловищем.

Изумленный вопль Ведьмы зазвенел у нее в ушах. Домино ловко увернулась от острых когтей Ведьмы и встала на колени возле истекающей кровью Гидры.

— Это больше не понадобится, — сказала она, бросая топор и берясь за шею. — Злюка, успокой мать. Я не делаю ее чудовищу ничего плохого.

Она ощутила движение воды в водовороте, когда морской конь поплыл на перехват Морской Ведьме. Все ее внимание сосредоточилось на обрубке шеи. Теперь кровь текла уже не так сильно. Присев на пятки, она внимательно смотрела, как не одна, а две головы стали расти из обрубка, все увеличиваясь в размерах, каждая на собственной тощей шее. Она быстро отступила назад, чтобы это увидела и Морская Ведьма.

— Вот, — произнесла она, невольно гордясь собой. — Я починила твою Гидру. Она даже лучше, чем была раньше.

— Ну, — поморщилась Ведьма, — эти головы ужасно тощие, а шеи больше похожи на утрей, чем на драконов, но... да, ты хорошо поработала.

— Значит, мы квиты? — спросила Домино. — Ты меня отпустишь с миром и оставишь при себе то, что знаешь о моих подозрениях относительно принца Рэнго?

— С одним условием, — ответила Ведьма, поглаживая головы спящего младенца. — Ты забереешь с собой Злюку. Видеть ее не могу.

— С удовольствием.

Домино вскочила на спину Злюки, ощущая странный изгиб там, где лошадиная спина переходила в рыбий хвост. Злюка без понуканий понесла ее к поверхности. Пока они плыли вверх, Домино чувствовала, как движения морского конька теряют плавность и прежнюю мощь. Лодка со стеклянным дном плыла за ними, пока они не вынырнули на мелководье, где Злюка снова превратилась в могучего коня.

Спешиваясь, Домино украдкой метнула взгляд под круп коня. Да, совершенно определенно, жеребец. Глаза цвета зеленого стекла злорадно сверкнули, но Домино уже отвернулась, приветствуя Джорда, Рейфа и остальных.

— Дело сделано, — сказала она, в основном ради Питтона.

— Мы видели, — ответил Джорд, щеки которого над бородкой слегка побледнели. — Ты вернулась и отрубила шею Гидре! Поразительно, как это Морская Ведьма не прикончила тебя на месте?!

— Она дала слово, что позволит мне попытаться вылечить это чудовище, — просто сказала Домино, — для некоторых созданий этого все еще достаточно.

Тем временем Рейф разглядывал Злюку, и на его обветренном лице было написано изумление.

— Я вижу, вам удалось сохранить коня. — Он широко ухмыльнулся. — Хорошо, что только немногие из нас видели то, что видели мы. Из него вышла очень привлекательная девица.

Злюка фыркнула и топнула копытом, проделав в дерне глубокую дырку.

— На твоем месте я бы об этом помалкивала, — перевела Домино. — Это может подорвать боевой дух. Рота готова выступить в поход утром?

— Да, генерал.

— Хорошо, поговори с Колумом насчет того, чтобы разгрузить фургоны. Мы поедем вдвое быстрее.

— Неприятности, генерал?

— Нет, Рейф, но мы немного задержались по дороге сюда, и я хочу наверстать это время на обратном пути.

— Что-нибудь еще, генерал?

Домино посмотрела на лужи вокруг своих ног и на небо, с которого все еще продолжал лить дождь.

— Я знаю, что это бесполезно, но как насчет полотенца?

Несмотря на сухие полотенца, горячее молоко с вином и пряностями и чай, Домино простыла так сильно, что несколько дней ехала верхом, словно в тумане.

Сет ухаживал за ней днем, а Джорд ночью. И чародеи, и Йор Чейз присылали снадобья, но они действовали медленно — возможно потому, что она отказывалась отдохнуть.

— Ненавижу болеть простудой, — заявила Домино, с благодарностью сжимая руку Сета и принимая у него горячий, сладкий мятный чай. — Из-за нее я не чувствую себя человеком.

— Переберись в фургон, — предложил Джорд. — Рейф может на несколько дней возглавить роту.

— Ты, наверное, шутишь, — ответила Домино и несколько раз чихнула. — Я — Домино Блейд!

— Ты — просто ненормальная, леди, — возразил Джорд, — но я не стану с тобой спорить, когда у тебя на лице такое выражение.

Домино только высокомерно на него посмотрела — и чихнула.

Когда Керран вечером явился к ней с докладом, она была так занята собственным жалким состоянием, что едва нашла в себе силы удивиться, почему это он докладывает ей, а не Рейфу. Не желая ставить Рейфа в неловкое положение, она

подождала, пока появится Сет со свежей чашкой горячего чая.

— Найди мне Рейфа, мне все равно, где ты его будешь искать, даже если тебе придется вытащить его из постели любовницы. — Она подавила необычайно сильный приступ чиха. — Если не сможешь его найти, узнай хотя бы, кто видел его в последний раз.

Рота устраивалась на ночлег, когда Сет наконец появился и отрапортовал:

— Никаких следов полковника, сэр, и насколько я смог узнать, его видели в последний раз направляющимся к каравану Колдовского Народа.

Домино с трудом заставила себя раскинуть мозгами. Колдовской Народ остался с ними даже после того, как они покинули Озеро. Они присылали делегатов с жалобой на возросшую скорость движения, но Домино сочла ниже своего достоинства им отвечать. Кроме этого, единственным ее контактом с ними были присланные в дар травяные чаи и засахаренные фрукты от Бабули и теплая накидка от Мэла.

Она устало выпила чай.

— Я должна пойти его поискать. Только допью это. Сет, можешь отыскать мне сухие носки и свежую тунику?

— Да, сэр.

От нее не укрылся обеспокоенный взгляд, которым они обменялись с Джордом, но она предпочла его не замечать. В данный момент ей хотелось только откинуться назад, ощущать тепло чая в горле и вдыхать душистый пар.

Когда Домино проснулась, в палатке было темно и только маленькая фигурка сжалась возле лампы, огонек которой был уменьшен до предела. Снаружи первые птицы шумно приветствовали фальшивый рассвет. Что примечательно, Джорда поблизости не оказалось.

— Сет? Что ты там делаешь и почему не спишь? — Она села, в ее голове чудесным образом совершенно прояснилось. — И где Джорд?

Мальчик повернул к ней лицо, несчастное до последней черточки.

— Он пошел туда вчера ночью, генерал, чтобы спросить у Колдовского Народа о полковнике Рейфе, и не вернулся. Когда я отправился его искать, то обнаружил, что Колдовской Народ уехал!

Домино не стала тратить время и сердиться на Джорда за то, что он так поступил. Он поэт, а не военный, и, конечно, от него нельзя требовать подчинения приказам. На мальчика она тоже не стала кричать. Его первой обязанностью было заботиться о ней, и, по ее представлениям, именно это он и делал.

— Найди мне капитана Керрана и сержанта Колума, — приказала она. — Скажи Злюке, чтобы поднимал свою зеленую задницу и скакал ко мне, — и не вздумай его вести на поводу. Потом возвращайся сюда.

— Есть, сэр! — мальчик со всех ног бросился прочь.

Домино надела доспехи, отказываясь уступить остаткам боли в мышцах. Керман Блейд настаивал, чтобы она была готова в любом состоянии, и иногда она его за это ненавидела. Теперь же, особенно по мере того как в ней крепло ужасное подозрение, она испытывала признательность к старому кавалеристу.

— Сет, — сказала она, когда мальчик снова нырнул в палатку, — у Джорда был с собой тубус со свитком, когда он пошел искать полковника Рейфа?

Мальчик пожевал розовую губку, пытаясь припомнить.

— Да, сэр, я уверен, что был, потому что я предложил ему взять с собой более серьезное

оружие, чем его охотничий нож, а он пошутил, что перо сильнее, чем меч. И похлопал себя по футляру с перьями, и я уверен, что при нем были тубусы для свитков.

Пристегнув саблю, Домино вышла из палатки к своим офицерам. Она быстро рассказала им о том, что обнаружил Сет, умолчав только о важности того, что унес с собой Джорд.

— Я намереваюсь их найти. Керран, ты будешь командовать основными силами роты. Колум, я хочу, чтобы ты занялся фургонами и Пиггоном — мономагом.

— Этим маленьким стервецом? — спросил квартирмейстер. — Могу я спросить — почему?

— Если Джорд и Рейф захвачены Колдовским Народом, — объяснила она, прибегая к полуправде, — Пиггон может оказаться с ними в сговоре, особенно учитывая то, что его магический талант как раз заключается в том, чтобы устанавливать связь. Наверное, он еще спит — как насчет того, чтобы заставить его спать и дальше?

— Есть, сэр! — Колум втянул живот и принял свирепый вид. Квартирмейстеру не часто перепдают опасные задания, а ведь всем известно, что не стоит будить спящего чародея.

— Генерал, вы собираетесь отправиться в одиночку? — спросил Керран.

Словно в ответ на этот вопрос, в этот момент раздался топот копыт по сырому мху. Вверх по склону прискакал Злюка, гоня перед собой Голубя, Ночное Небо и Пламя — коня Рейфа.

На их лоснящихся шкурах блестели капли росы; те капли, которые слетали со шкуры Злюки, вспыхивали, словно бриллианты.

— Нет, — ответила Домино, — со мной будет Злюка, и еще я возьму с собой коней для Джорда и Рейфа. Со мной все будет в порядке, а одна я доскачу быстрее.

— Генерал! — раздался из палатки тоненький голосок. — Можно мне поехать с вами, сэръ? Чтобы помочь — я могу присмотреть за лошадьми.

Сет стоял в проеме палатки, сжав край клапана входа так, что побелели косточки пальцев. Его тощая фигурка застыла, без слов говоря о том, что он ожидает отказа.

— Жаль мне того конокрада, который попытается украсть любую из этих лошадей, — ответила она, — тебе следует это знать. Нет, Сет.

— Есть, сэръ. — Он выпрямился еще больше, если это было возможно. — Можно мне поговорить с вами, сэръ? Наедине.

Тревога о Джорде и Рейфе подгоняла ее, но что-то заставило Домино последовать за пареньком в палатку.

— Генерал, — умоляющим голосом произнес Сет, — я должен поехать с вами. Я вам буду там нужен. Обещаю, что пригожусь.

— Сет, — она изо всех сил старалась не говорить покровительственным тоном, — мне надо ехать.

Мальчик глубоко вздохнул:

— Генерал, я слушал, когда Чокнутая Бабуля предсказывала вам будущее. Она сказала, что Каларан не смог заставить своих чародеев прочесть ваши мысли, потому что вы — девушка, а не мужчина. Генерал, не сердитесь на меня, но я — девочка.

Домино спросила себя, неужели любой из окружающих ее людей может оказаться не того рода, каким кажется на вид, но не стала задавать обычных вопросов. Было очевидно, почему Сет не сказала Доминику Блейду, что она девочка, когда полковник вытащил ее из пепелища и взял под свою защиту. Было также очевидно, почему маленькая девочка переоделась мальчиком, когда армии Каларана и принца пронеслись по стране.

Вместо вопросов она занялась самой неотложной задачей.

— Ты хочешь продолжать оставаться мальчиком?

— Да, сэр, по крайней мере пока. — Сет расправил, или расправила, свои плечи. — Можно мне поехать с вами?

— Сдаюсь, — ответила Домино, — только не встречай в мои стычки. Ты ничем не защищена, разве только тем, что тебя никто не будет ждать.

— Есть, сэр! — Сет постаралась не подпрыгнуть от радости. — Я готов.

Найти направление, в котором скрылись чародеи, было нетрудно, но Злюка задал такой темп, что остальные кони через несколько часов выдохлись бы.

— Помедленнее, — прошипела Домино, — дело слишком важное, чтобы рисковать из-за твоего желания порисоваться. В опасности не только жизни Джорда и Рейфа, но вдобавок у Джорда с собой свиток Гвайкандер.

Когда Злюка перешел на темп, который можно было назвать просто быстрым, а не сокрушительным, Домино его больше не стала бранить. Она знала, что конь может чувствовать влияние таких сил, которые она не замечает. Когда спустилась ночь, они заметили мигающие огоньки лагеря Колдовского Народа в долине неподалеку от дороги. Остановившись на поросшем деревьями бутре, Домино рассматривала лагерь в подзорную трубу.

— Они поставили палатки и фургоны в виде двойного кольца обороны с костром в центре. Отсюда я никак не смогу определить, где прячут Джорда и Рейфа. Тем не менее их не изжарили на ужин, а это уже кое-что.

— Позвольте мне проникнуть туда и разведать, сэр, — предложила Сет. — Они наверняка ждут вас.

Домино неохотно кивнула, давая согласие, и Сет скользнула в темноту. Звуки ночи вторили дыханию коней и хрусту, когда кто-то из них жевал траву под копытами. Прошел час, в лагере Колдовского Народа не наблюдалось никакой активности.

Потом из кустов вынырнула Сет, с круглыми испуганными глазами, но потом взяла себя в руки и вполне прилично отдала честь.

— Генерал, я их нашла, они живы. — Она замолчала и попыталась успокоиться. — Только я с ними не разговаривала. Они довольно крепко связаны в одной из палаток Мэла.

— А у Джорда... ты видела свиток? — спросила Домино, сдерживаясь, чтобы не засыпать ее массой недостойных вопросов.

— Нет, сэр, — ответила Сет, почему-то заливаясь краской. — Они раздеты почти до белья — при них нет никакого оружия или снаряжения.

Домино ребром подошвы расчистила на земле ровное место.

— Иди сюда и начерти мне план лагеря. И ничего не упусти.

Сет присела, вытаскала свой кинжал и, используя лезвие, изобразила на земле линии и бугорки.

— Палатки стоят довольно плотно двумя кругами. Между фургонами натянуты веревки-ловушки, и стоит охрана — не только люди, но и те существа, которые им помогают.

— Это нехорошо, — сказала Домино.

— И еще у них магические ограждения. Думаю, их устроил Мэл — они вроде как мокрые и искрятся. Я видела, как ворон пролетел через одно из них, и с него несколько футов капала блестящая тягучая жидкость.

— Это нехорошо.

— Похоже, не все чародеи одобряют этот заговор, — продолжала Сет. — Некоторые собираются небольшими кучками и ворчат.

Домино воспрянула духом.

— Но они, кажется, до смерти боятся предводителей — Мэла, Бабулю и Некротику. Из того, что мне удалось подслушать, даже те, кому не нравится, что ими командуют, боятся пострадать или быть исключенными при дележе возможной прибыли. Поэтому нам от них никакой помощи не дожидаться, по-моему.

— Это нехорошо.

— Я сперва не заметила, — призналась Сет, — но они разбили лагерь возле одной из наших ловушек для привидений. Может, это просто совпадение, но я слышала, как один разведчик докладывал полковнику Рейфу, когда мы выехали из Озерного Края, что многие из кругов разрушены.

— Это нехорошо.

Домино несколько минут грызла ноготь большого пальца, взвешивая полученные сведения. Потом повернулась к Сет:

— Нам придется подойти сегодня ночью с ротой, пока они нас не ждут. Во-первых, необходимо выгнать пленников. Во-вторых, надо вернуть свиток или, если не удастся, — тут она с трудом глотнула, — уничтожить его. В-третьих, надо наказать Колдовской Народ.

Сет кивнула с такой готовностью выполнить любое задание, что Домино почувствовала себя скотиной из-за того, что собиралась сейчас сказать.

— Тебе придется заняться освобождением Рейфа и Джорда, а потом сделать все, что сможешь, чтобы найти свиток. — Домино видела, как Сет судорожно проглотила слюну, осознав, что самые важные задачи возлагаются на нее. — Я обеспечу

тебе прикрытие, атакуя, так сказать, главные ворота.

— О! — Сет сгорбилась, и прядка соломенных волос упала ей на лицо, спрятав глаза. — Думаю, я справлюсь.

— Должна. — Домино оставалась непреклонной. — Нет никого другого, кто больше подходил бы для этой задачи. Когда мы разделимся, возьми всех коней, кроме Зюки, и припрячь в удобном месте. Когда выведешь мужчин из лагеря и позаботишься о свитке, вы должны убраться отсюда.

— А как же вы, генерал?

— У меня есть Зюка, — напомнила она, — и я собираюсь только пошуметь у них и уехать. Мы с вами встретимся потом.

Когда раздраженное блеяние верблюда предупредило их, что они уже у самого лагеря, Домина подала сигнал остановиться.

— Иди, — прошептала она со странным ощущением стеснения в горле, понимая, на что посылает ребенка. — Удачи тебе, Сет.

— Есть, сэр. Вам тоже, сэр.

Оставшись в одиночестве, Домино сжала коленями бока Зюки.

— Поехали, конь. Жизнь этой малышки зависит от нас — малышки, двух мужчин и, может быть, целого королевства. — Она провела рукой по волосам. — И зачем только папа захотел сделать из меня солдата?

Зюка прыданул ушами, но, очевидно, был слишком занят, стараясь добиться самой грациозной рыси, какой только возможно, и поэтому саркастического фырканья не последовало. Грива и хвост коня блестели в лунном свете, словно иней, а копыта и глаза отражали звезды. Несмотря на тревогу Домино о мужчинах, она позволила себе мгновение полюбоваться дьявольской красотой своего скакуна.

Предупрежденная Сет, она различала магические сторожевые нити вокруг лагеря. Сплетенные силовые линии блестели на утреннем солнце подобно следу улитки. Злюка перешел на трюсу и пронес ее в щель между двумя фургонами, перепрыгнув через заградительную веревку, будто ее там и не было.

Таща следом за собой радужные нити, они остановились у костра в центре. Тени превратились в мужчин и женщин, эльфов и гоблинов, кошек, собак, ежей и верблюдов. Домино подавила желание бросить взгляд в сторону палатки с пленными и только прямее села на спине Злюки и обвела толпу намеренно презрительным взглядом.

В воцарившейся тишине она услышала яростную перебранку, которую шепотом вели две знакомые фигуры.

— Она еще не должна была очнуться!

— Конечно, не должна была! Эта простуда в сочетании с моим чаем должна была ее одурманить.

— Твой чай! Моя накидка заговорена так, чтобы не пускать к ней здоровый сон и чтобы она чувствовала себя слишком усталой и не могла ясно соображать.

— Нет, я тебе говорила. Волшебный чай — лучшее средство добиться эффекта, поэтому я послала ей чудесный мятный и ромашковый чай.

— Нечего было вообще посылать чай! Моей накидки было достаточно.

— Нет, мы же решили, что она любит чай и скорее выпьет чай, чем завернется в какую-то уродливую накидку.

— Уродливую!

Бабуля и Мэл скатились до того, что начали обзывать друг дружку разными словами, и Домино едва удерживалась от смеха.

— Вы сами себя перехитрили, да? — спокойно спросила она.

Мэл и Бабуля внезапно оборвали спор и виновато посмотрели на нее.

— Так и есть, — повторила Домино, — одно или другое средство свалило бы меня с ног, но вместе вы меня исцелили. Ну, сейчас уже слишком поздно. Я здесь, и вам придется иметь дело со мной.

— О, мы справимся, — сухо произнес чей-то голос. — Эти глупцы привели тебя к нам быстрее, чем я рассчитывала, но у меня достаточно силы, чтобы разделаться с тобой.

Некротика выступила из яркого ореола вокруг костра. Ее спутанные седые волосы свисали прямыми сальными космами с костлявого черепа. Острые уши, придававшие большинству эльфов экзотическую красоту, выглядели на ней при свете костра демоническими рогами.

Домино с трудом глотнула.

— Ну привет, Некротика, — сказала она, изо всех сил стараясь говорить ровным голосом. — Сюрприза у тебя не получилось.

— Нет, получился, — возразила Некротика, — для тебя, Домино.

— Генерал Блейд, — поправила ее Домино. — По-моему, мы не пили на брудершафт.

— Прекрасно, — отмахнулась Некротика от этого замечания, пожимая плечами. — Какая разница, как ты хочешь называться. Для меня имеет значение, как ты умрешь.

— Я не собираюсь умирать, — ответила Домино и сжала коленями Злюку, пытаясь тронуться с места.

Странно, конь не отозвался на ее команду.

— Надеюсь, ты не собираешься уехать отсюда, — со смешком сказала Некротика. — Кажется, твоя странная лошадь задремала. Почему бы тебе не спешиться и не пойти пешком?

Домино хотела остаться на месте, но, к собственному ужасу, почувствовала, что слезает с коня.

— Прекрасно, генерал Блейд, — проворковала Некротика. — Теперь подойди к виселице. Там тебя ждут друзья, которым не терпится с тобой встретиться.

Домино, с трудом переставляя ноги, двинулась в направлении, указанном Некротикой. Она тайком проверила пальцы на руках и ногах, колени, лодыжки. Ничто не подчинялось ее командам. Каким-то образом Некротика догадалась, что она делает.

— Оставь это, генерал! — пронзительно крикнула она. — Ты не сможешь даже ухом пошевелить против моей воли.

— Я и так не умею шевелить ушами, — возразила Домино, — и я ведь могу говорить!

— О, я знаю. — В голосе Некротики звучала неприкрытая злоба. — Я оставила тебе голос, потому что хотела слышать твой вопль.

Пока Некротика вынуждала ее шагать к виселице, Домино решила, что есть свои преимущества в том, когда твоими мускулами управляет кто-то другой: так никто не видит, что ты дрожишь. Мэл и Бабуля связали ей руки за спиной, очевидно, не так уверенные в могуществе Некротики, как она сама.

— Как ты думала, сколько времени мы еще будем выпрашивать у вас остатки, генерал? — проципела Некротика. — Заставили нас менять травы и хлеб, колбасу и чай на орудия нашего ремесла. Это означает ограничение развития определенной отрасли промышленности, а насколько я знаю, принц Рэнго очень против этого возражает. И все же вы нам очень полезны, генерал, и я планирую сделать тебя лично еще более полезной.

Она подняла руки, подбоченилась, скрючила пальцы и, к изумлению Домино, начала петь. Ее тонкие губы округлились буквой О, и из них вырвался звук, похожий на вопль мартовского кота. Большинство стоящих вокруг них отшатнулись, зажав руками уши. Домино эта роскошь не была дозволена, и поэтому, замерев от ужаса, она смотрела, как тонкая струйка белого пара стекает с губ Некротики.

Эта струйка дыма загустела и превратилась в тягучее липкое вещество, потом вытянулась и приняла очертания, напоминающие продолговатые тела людей, которые были не шире соломинки в том месте, где стекали с губ Некротики, и вдвое расширились, обвиваясь вокруг ее вытянутых рук.

Закодированной Домино показалось, что она узнает некоторые лица и рваные мундиры тех бандитов, которых она приказала казнить.

Сделав из эктоплазмы петлю, Некротика перебрала один конец через ветку дерева.

— Мы сейчас тебя повесим, генерал, — без особой необходимости заявила она, — а потом получим в свое распоряжение твоё тело. Твоя душа мне не нужна, но некоторые из моих друзей претендуют на тела — твоё, полковника и твоего красивого друга.

— Запомни, я беру лошадь, — перебил ее Мэл.

По коже Домино побежали мурашки, когда петля легла вокруг ее шеи, и она почувствовала почти ласковое прикосновение холодных и влажных ручек. Повинуясь приказам Некротики, ее ноги поднялись по ступенькам, построенным ее собственными людьми. Через несколько минут она будет висеть на собственной виселице.

Интересно, оценит ли Джорд эту поэтическую справедливость? — промелькнуло у нее в голове.

— Генерал Блейд! — позвал высокий голос.

В ту же секунду она увидела оперенный конец стрелы, торчащий из горла Некротики, и эльфийка начала оседать на землю.

— Доми!

Джорд выбежал из полумрака, стремясь тотчас же освободить ее, но какой-то лохматый колдун и его столь же траченный молью черный кот бросились на него. Домино видела, как Рейф пробирается к ней, но кавалерийский офицер явно испытывал трудности, вынужденный сражаться пешим. Густой поток стрел указывал на присутствие поблизости Сет.

Когда Некротика упала, ноги Домино снова стали ей повиноваться, но так как она была связана, то не могла принять участие в схватке. Да и петля из эктоплазмы не потеряла своей прочности. Собственно говоря, Домино вдруг осознала, что петля все больше сжимается, и при этом влажные пальцы возбужденно шевелились на ее горле. Если чары, которые дали им жизнь, не разрушатся быстро, она задохнется в петле собственного производства независимо от того, выбьет ли кто-нибудь из-под нее табуретку или нет.

Придя в отчаяние от перспективы столь унижительной смерти, Домино сосредоточила свою ненависть и отчаяние на труп Некротики. Они так близки были к победе. А теперь не только она погибнет, но и ее войско, и Каларана некому будет остановить.

Поле ее зрения сужалось по мере того, как душащие ее руки все больше перекрывали доступ воздуха. Стук крови в ушах заглушал шум потасовки. Домино поняла, что смерть близка, когда начались галлюцинации. Труп Некротики поднялся с земли, на кончике торчащей стрелы не было крови, огненные глаза горели ярче прежнего, скрюченные пальцы тянулись к ней.

— Если ты уже мертва, то быть убитой всего лишь причиняет небольшие неудобства, — прохрипела Некротика, — и скоро ты это узнаешь, генерал Блейд.

Некротика двинулась нетвердой походкой к Домино, явно не желая ждать, пока жертва погибнет от удушья. Видя тянущиеся к ней скрюченные пальцы, Домино из последних сил набрала сколько могла воздуха. Напрягая мышцы шеи и подавшись назад, насколько позволили скудные размеры подставки, она бросилась на свою мучительницу. Веревка из эктоплазмы остановила ее на середине прыжка, но не смогла сломать ее крепкую шею. Она отлетела назад и сумела оттолкнуться от чего-то подвернувшегося сзади — очевидно, то был человек, так как раздался крик, и что-то хрустнуло под ее каблуками, — а потом полетела вперед с еще большей скоростью.

На этот раз она с силой врезалась в Некротикку. Один ее сапог еще глубже вогнал стрелу, так что она прошла между шейными позвонками. Второй ударил в лицо, вмятая крючковатый нос между глаз.

Домино так сильно напрягалась, пытаясь сопротивляться сдавливающим шею рукам, что почти потеряла сознание и едва почувствовала, что ее связанные руки освободились. Подняв онемевшие руки с силой, которую им могла придать только близость смерти, Домино ухватилась за веревку выше петли и повисла на руках.

Ей стало легче дышать, и даже ощущение душаших ее рук на горле слегка ослабело, но ее ждала новая пытка. Те же самые крохотные ручки теперь пытались оторвать ее руки от веревки, и им помогали мириады тупых зубов, которые грызли и щипали ее медленно и больно.

Домино устояла даже тогда, когда капли ее собственной крови стали стекать по рукам вниз, немилосердно щекоча. Перебирая руками, она

вскарабкалась по мстительной веревке вверх и наконец села верхом на ветку. Ее упорные противники не сложили оружия, поэтому она вытаскивала окровавленными пальцами свой охотничий нож и полоснула по веревке. Сперва это не возымело никакого действия, но постепенно вниз стал сыпаться поток миниатюрных вытянутых тел. В первый раз за целую вечность вздохнув свободно, она посмотрела вниз, чтобы определить, чем она может помочь.

Домино могла гордиться своими людьми. Джорд размахивал по сторонам своим футляром для перьев, держа его двумя руками, и наседали на бродячего мага, который пытался отвечать ему взмахами своего посоха. Джорд предусмотрительно держался вне досягаемости посоха и несомненно одерживал верх в битве.

Рейф где-то раздобыл верблюда и с его высоты разил любого, кто подходил поближе, и многих из тех, кто не подходил. Сет перестала стрелять из лука, но Домино заметила ее между палатками и фургонами — она перерезала веревки и выдергивала из колес чеки.

Кое-кто из Колдовского Народа переметнулся на сторону противника, но, быстро оглядев дерущихся, Домино не могла с уверенностью сказать, что это было сделано намеренно. Один долговязый человек, одетый в разноцветные лохмотья, с дикой скоростью бегал по кругу, валя с ног всех, кто попадался ему под ноги. Поблизости от него крутились семь вихрей, похожих на торнадо, налетая и на друзей, и на врагов.

Цепляясь за остатки веревки из эктоплазмы, Домино соскользнула на землю. Выхватив из ножен саблю, она с радостью бросилась через поле боя туда, где стоял Злюка, все еще замороженный. Мелкие участники сражения бросались перед ней врассыпную с проворством, которое ей льстило, но Мэл продолжал восседать на зеленом

коне с видом собственника, пока Домино не вскочила на круп позади него и не приставила лезвие к его глотке.

— Ты мне, наверное, не поверишь, если я скажу, что охранял его для тебя, а? — спросил он.

— Нет, — прорычала Домино. — Освободи его от своих чар.

— Злюка заключен в облегающую оболочку, соответствующую форме тела, — ответил Мэл, — и не я ее сделал, поэтому не могу ее разрушить. Если бы мог, то уже украл бы эту лошадь.

Домино в этом сомневалась, однако оставила свои сомнения при себе и соскользнула на землю, стащив за собой Мэла.

— Ты слышал, Злюка? — спросила она. — Соответствующую форме тела.

Ответ последовал немедленно и доставил ей удовольствие.

Задняя часть Злюки стала аморфной, а затем приобрела форму рыбьего хвоста. Теперь стал ясно виден силовой пузырь, держащий коня, его поблескивающая оболочка менялась, приспособливаясь к новой форме.

Далее Злюка стала менять верхнюю половину тела. Тяжелая голова жеребца и мускулистый торс превратились в тело весьма пышногрудой русалки. Ее белые волосы были очень мило подстрижены и уложены по последней эльфийской моде, а талия получилась стройной, так как Злюка перекачала всю имеющуюся в ее распоряжении массу в огромные груди, и магическое силовое поле прорвалось под их напором. Злюка упала на землю, колотя хвостом по грязи.

— Очень изобретательно, — прокомментировала Домино. — А теперь, будь добра, меняйся обратно.

— Завидуешь? — осведомилась русалка, затрепетав длинными снежно-белыми ресницами.

— Вот еще, — ответила Домино, — но не могу же я скакать верхом на русалке, и потом, слишком многие из моих солдат лишатся сна, пытаясь придумать способ это проделать.

Игривая улыбка Злюки испарилась, и она поспешно снова превратилась в зеленого жеребца.

Заметив, что Мэл собирается убежать, Домино рывкнула:

— Не двигайся с места, колдун. Хочу задать тебе пару вопросов.

Мэл презрительно огрызнулся:

— Почему это я должен на них отвечать?

— Ну, — ответила она, — хотя бы потому, что один из моих людей стоит у тебя за спиной.

Джорд наклонил свой сильно пострадавший футляр для перьев, и на плечи Мэла выплеснулась струйка синей чернильной крови.

— Я здесь, генерал, — весело сказал он, — и бой почти выигран. Рейф и Сет окружают пленных с помощью одного зеленого парнишки.

— И?.. — спросила Домино.

— Мы еще не нашли его, Доми, — ответил он, встревоженно глядя на нее своими фиолетовыми глазами.

— Мэл, — произнесла Домино со спокойствием, которого не ощущала, — любой твой совет будет полезным — сейчас.

Чародей задрожал, расслышав скрип наждака, который прозвучал в ее голосе, несмотря на ее попытку держать себя в руках; он пристально рассматривал струйку текущих по его руке чернил.

— Я не позволю вам раскрасить меня, генерал, — ответил он, — не то чтобы я хотел довести до конца планы Некротики, но я просто не знаю, что вам нужно.

— Генерал! — К ним поспешно подошел Рейф, за ним следом топал верблюд. — Мы очистили поле боя и взяли в плен тех, кто сопротивлялся.

Некротика все еще кажется мертвой, но, лишившись ее помощи, привидения втянулись обратно в ловушку.

Домино ласково ему улыбнулась:

— Прекрасно. После освободим тех, кто сражался на нашей стороне, сделав им предупреждение.

— Для остальных соорудить виселицы? — спросил Рейф.

Домино ощутила внезапное и острое отвращение к казни через повешение.

— Нет, — задумчиво ответила она, — мы их обезглавим; установите плаху внутри ловушки для привидений. Поищите, нельзя ли мобилизовать палача из Колдовского Народа. Он сможет получить плату в виде частей тела.

Домино снова повернулась к Мэлу:

— Я хочу знать, где тубус со свитком, который был у Джорда, когда вы взяли его в плен?

Мэл уставился на нее и упрямо молчал. Домино уже начала подумывать, не попробовать ли допросить Бабулю, когда к ним подбежала Сет.

— Полковник Рейф просил вам передать, что тот вращающийся парень согласился поработать топором, а вместо платы требует дать ему первому выбрать пальцы и пару рук. Он спрашивает, нельзя ли ему собрать их у живых приговоренных — так они обладают большим могуществом.

Домино медленно вытаскила из ножен саблю.

— В другом случае я бы сказала «нет», но сейчас, возможно, сделаю исключение.

Мэл вытаращил глаза и быстро выпалил:

— Некротика не позволяла никому ни до чего дотрагиваться, пока не проверит ценность имущества. Она свалила добычу в палатку и поставила Герба ее охранять.

— Который это Герб?

— Гоблин, — ответил Мэл, не отрывая взгляда от сабли. — Он — гербалист, знаток трав.

— У него зеленый большой палец, да? — хихикнула Домино.

Сет прочистила горло.

— Герб нам помогал, генерал. Он клянется, что не видел свитка, и я ему верю.

— Прекрасно, но я разорву на части любого, кто перейдет мне дорогу в поисках... — Слова замерли у нее на губах. — Что за черт?

Под виселицей лохматый щенок теребил некий цилиндрический предмет. Длинные висячие уши щенка все время попадались ему под лапы, зад в коричневых и белых пятнах торчал вверх, а хвостик яростно вилял.

— Это один из животных Вернона, — подсказал Мэл, — очень способный, но едва ли...

Домино, не обращая на него внимания, зашагала к щенку. Увидев ее, щенок игриво тьякнул и завиял хвостом еще сильнее, если это только возможно. Когда Домино нагнулась, чтобы отобрать футляр со свитком, он выхватил его и, отбежав на несколько шагов, положил на землю. Домино бросилась за ним, и снова щенок схватил футляр и убежал.

— Этот маленький негодяй играет со мной! — с изумлением произнесла она. — Позовите его хозяина.

— А он мертв, — ответила Сет, — на него сел верблюд.

— Это была его собственная верблюдица, — печально произнес Мэл, — только она его никогда не любила.

— Здорово. — Домино присела на корточки, изо всех сил стараясь выглядеть не опасной. — Сюда, щенок! Иди ко мне, парень! Отдай мне эту палочку.

Щенок тьякнул, игриво зарычал. Домино встала на четвереньки и почти подползла к щенку на достаточное расстояние, чтобы схватить свиток, как щенок снова схватил его и убежал.

— Проклятье! — выругалась она, присаживаясь на корточки. — Отдай!

Щенок проигнорировал ее приказание, и Домино покраснела, услышав за спиной приглушенный смех. Она нахмурилась, оглянулась через плечо, и хихиканье прекратилось.

— Сэр, — сказала Сет, — если я добуду для вас свиток, можно мне оставить себе щенка?

Домино рассердилась:

— Солдаты не торгуют своими услугами, Сет. Ты же солдат моей роты, не так ли?

— Да, сэр, — не отступила Сет, — но у них бывает военная добыча, а я никогда не просила у вас ни золота, ни лошадей, ни женщин, ни чего-то еще.

— Это правда. — Домино спрятала довольную улыбку. — Добудь мне этот футляр со свитком, и щенок твой, но ты будешь его выгуливать, кормить и все остальное.

— Да, сэр!

Щенок наблюдал за ней, виляя хвостиком все быстрее, пока Сет подбиралась к нему поближе, но как только она оказалась на расстоянии протянутой руки, он схватил футляр и отбежал на несколько шагов. Сет напустила на себя равнодушный вид, подобрала с земли палочку, несколько раз подбросила ее в воздух и снова поймала.

После нескольких бросков щенок стал зачарованно следить за ее движениями. Сет не обращала на него внимания, пока он не начал скулить у ее ног, а потом бросила палочку. Щенок кинулся вслед за ней, путаясь в собственных ушах и твякая от восторга. Не успел он вернуться обратно, как Сет подхватила тубус со свитком и бросила его Домино.

— Весь в щенячьих слюнях! — выругалась Домино. — Ну, щенок твой, Сет, но, если он будет мочиться на мою постель, я отдам тебя под трибунал.

— Есть, сэр! Спасибо, сэр! — Сет сняла свой пояс и сделала поводок для щенка. — Что дальше, сэр?

— Ну, нам надо заняться казнями, а к тому времени рота должна подойти к нам. Поэтому давай уберемся из этого месива и начнем устраивать лагерь.

— Есть, сэр. — Сет не выглядела такой счастливой, каким должен выглядеть любой ребенок, только что получивший щенка.

Домино внимательно на нее посмотрела:

— Ты хочешь что-то сказать?

— Да, сэр. — Она бросила взгляд на Мэла. — Но не здесь.

Домино вздохнула и жестом приказала Мэлу идти в палатку для пленных. Когда он отошел на достаточное расстояние и не мог их слышать, она посмотрела на девочку:

— Говори, солдат.

— Разве обязательно нужно убивать их, генерал? Я хочу сказать, мы их знаем, и я думаю, что они раскаиваются.

— Война часто означает убийство людей, знаешь ли, Сет, — ответила Домино, — и одного раскаяния недостаточно.

— И все же, генерал, — умоляюще произнесла Сет, — мне это и в самом деле не нравится.

Домино подавила рычание.

— Я приму к сведению твой совет. А теперь займись своим делом. Иди и пришли ко мне полковника.

Домино засунула футляр со свитком за пояс, раздраженная тем, что не ощущает торжества. Появился Рейф, за ним тащилась верблюдица. На этот раз на животном висели разнообразные лагерные предметы и вдобавок несколько вещей из личной амуниции Рейфа.

— Черт возьми, Рейф, ты что, никуда не ходишь без этого животного?

— Она ходит за мной следом; поэтому с тем же успехом можно ее использовать, а меня укачивает, если я еду на ней верхом слишком долго. — Он пожал плечами. — Если позволите мне высказаться, генерал, похоже, что у вас паршивое настроение.

— Вовсе у меня не паршивое настроение, — резко возразила она.

— Как угодно генералу, — почтительно ответил Рейф. Наверняка это верблюдица хмыкнула, но Домино прищурилась и пристально посмотрела на полковника, на всякий случай.

— Каковы будут приказания генерала?

— Сколько у нас пленных?

— Восемь, если не считать разнообразных животных. Четверо других помогали нам, в том числе и Герб, гоблин, и я обещал им условную амнистию. Остальные мертвы — даже Некротика, кажется, остается мертвой, но Джорд предупредил насчет нее, и мы следим за ней на предмет чего-нибудь необычного.

— Эти восемь надежно заперты? — спросила Домино с большим колебанием, чем ей хотелось.

— Да, сэр, а плаха и палач готовы и ждут ваших приказаний, — он посмотрел на нее. — Каковы будут ваши приказания?

Домино запустила обе руки в волосы, страшно недовольная своей нерешительностью.

— Рейф, нам обязательно их казнить? Они действительно действовали против нас, но они до того похожи на шутов, что просто смешны. Я чувствую, что убивать их нехорошо.

Рейф склонил голову набок и задумался.

— Понимаю, что вы хотите сказать. Они даже не поняли, что именно попало к ним в руки. Не волнуйтесь, я никому не скажу, Домино, но вы бы так не встревожились, если бы Джорд потерял просто свои стихи.

Она с благодарностью улыбнулась:

— Но мы не можем оставить их безнаказанными. Что нам делать?

— Наказание для восьми бродячих магов, — задумчиво проговорил Рейф. — Наверное, мы могли бы послать их совершить героический поход.

— Или, — произнесла Домино, и в ее глазах зажегся коварный зеленый огонек, — мы могли бы записать их в нашу роту, со всеми вытекающими отсюда обязанностями и ограничениями.

Рейф ухмыльнулся:

— Да, бродягам это должно быть ненавистно. Пойду и предложу им возможность записаться в армию — с вашего позволения, сэръ.

Домино потянулась.

— Да, мне такое решение нравится. Когда появится сержант Колум, пусть новобранцам выдадут форму.

В тот вечер когда они с Джордом отдыхали, Домино позволила себе признаться в последних сомнениях.

— Сохранить свиток Гвайкандер недостаточно, — объяснила она Джорду, — нам необходима возможность применить его против Каларана, а мне почему-то не верится, что он собирается стоять смирно, пока ты будешь читать над ним текст магического заклинания.

— Ты могла бы прижать его к полу, — предложил Джорд, показывая, как именно, — и тогда я бы прочел свиток.

— Могла бы, — согласилась Домино, высвобождаясь, — Рэнго не так уж силен. Но сомневаюсь, что нам удастся подобраться к нему так близко, когда он один. Обычно в последнее время рядом с ним всегда находятся один-два гвардейца.

— Нам нужна такая ситуация, когда мое чтение вслух не покажется странным, — сказал

Джорд, — я мог бы организовать поэтический вечер с чтением стихов.

— На древнетермеанском? — Домино покачала головой. — Сомневаюсь. Каларан никогда не был глупцом.

— Древнетермеанский язык используется не часто, Доми, только во время торжественных церемоний и тому подобного.

— Церемоний, — повторила Домино. — Например, во время бракосочетания и коронации.

— Здорово придумано, Доми. — Он чмокнул ее в нос. — Только меня вряд ли попросят проводить обряд бракосочетания. Верховный жрец стар, но не так дряхл, чтобы не заметить, что ему подменили текст. Осмелимся ли мы посвятить его в наши планы?

— Нет, — решительно ответила Домино, — в Храме могут оказаться подкупленные люди. Я могла бы доверить эту информацию очень немногим людям — к несчастью, они сейчас разбросаны по разным уголкам королевства.

— И вероятно, не случайно, — заметил Джорд, — с ними трудно будет связаться.

— Трудно, — с улыбкой возразила она, — но не невозможно. Похоже, Каларан перестарался, отправив с нами Пигтона. Нам надо заставить его передать для нас сообщение. Придумаем какой-нибудь невинный предлог, например, что мы готовим сюрприз для жениха и невесты.

Джорд с восхищением покачал головой:

— Какая ты молодец, Домино. И кстати, не кажется ли тебе, что сейчас уже поздно думать о делах?

— О делах Каларана, — согласилась она, прижимая его к себе.

— Доми, — прохрипел он, — ты мне ребра сломаешь.

На следующее утро Домино постаралась отловить Пигтона.

— Что ты думаешь насчет наших новых рекрутов? — спросила она его, дружелюбно улыбаясь. — Должна признать, что твоя служба у нас навела меня на мысль подкрепить роту силой магии.

Пиггон расцвел.

— Мне кажется, вы мудро поступили. Мы двигаемся даже быстрее теперь, когда вы их призывали. Я известил принца о предполагаемой дате нашего прибытия и полагаю, что дата коронации будет назначена в соответствии с этим.

Домино удержала на лице улыбку.

— Чудесно! Конечно, поскольку мы с Джэнси состоим в свите невесты, то с окончательными деталями придется подождать нашего возвращения.

— Действительно. — Пиггон кивнул. — Я говорил на днях со Сквиллом, и он сказал, что Джэнси выражала некоторую озабоченность тем, что разлучена с принцессой в столь важное время. Крапчатый, конечно, будет шафером жениха. Подозреваю, что даже этот очень странный Гар Квитник должен сыграть свою роль.

— Может, он займется жертвоприношениями, — предположила Домино. — У него и правда несколько странный взгляд на смерть.

— Взгляд художника, — согласился Пиггон, слегка содрогнувшись, — я разговаривал об этом со Спайдо.

— Гм-м, — отозвалась Домино, стараясь говорить небрежно, — так ты беседуешь с остальными?

— Иногда, — ответил Пиггон. — У нас гораздо больше общего друг с другом, чем, например, у меня с вашими солдатами.

Домино придала лицу еще более приветливое выражение и заставила Злюку подъехать поближе к лошади Пиггона, так что теперь они ехали почти прижавшись боками.

— Пиггон, ты умеешь хранить тайны?

На лице мономага отразилась борьба любопытства с его обычной презрительной заносчивостью.

— Если это не заставит меня нарушить верность принцу Рэнго, — сказал он, — но вы, конечно, не захотите причинить вред принцу.

— Никогда, — заверила его Домино. — Моя верность принцу Рэнго никогда не подвергалась сомнению. Но я должна взять с тебя клятву, что ты не расскажешь ни Риссе, ни Рэнго то, что я сейчас тебе доверю.

— Ну... Раз вы говорите, что не собираетесь причинить вреда принцу, я согласен.

— Прекрасно! — Домино нагнулась поближе. — Как я уже говорила, мы с Джэнси состоим в свите невесты. По традиции нам положено устроить для нее сюрприз.

— Как может традиция быть сюрпризом? — удивился Пиггон.

— Не спрашивай у меня, — ответила Домино, — я до сих пор пытаюсь понять женщин.

— Вы и каждый из мужчин, когда-либо рожденных на свет, — согласился Пиггон.

— Ну, этот сюрприз поручен мне, и я все время ломаю себе голову над тем, как связаться с Джэнси и договориться о встрече, чтобы все распланировать.

— Вы хотите, чтобы я связался со Сквиллом и передал ему ваше послание, — ответил Пиггон, довольно кивая.

— Именно, и раз уж мы об этом заговорили, мы должны напомнить Крапчатому и Гару об их аналогичном долге. — Она пожала плечами. — Когда я была Домиником, руководить всем этим было моей обязанностью. Возможно, они забыли, что я теперь по другую сторону.

— Очень мудро, генерал, — важно согласился Пиггон. — Набросайте ваши послания, и я с радостью передам их.

— Ты можешь установить прямую связь? — спросила Домино. — Так как другие мономаги, возможно, не так умеют хранить тайны, как ты.

Пиггон подумал.

— Это потребует большего расхода энергии, но я могу это сделать.

— Прекрасно. — Домино выпрямилась и четко отдала ему честь. — Я напишу послания сегодня вечером.

Послание, которое составили они с Джордом, гласило: «Нам необходимо встретиться наедине, чтобы спланировать бракосочетание и коронацию. Полагаю, "Ониксовый Орел" нам подойдет. Можете ли сообщить примерную дату вашего возвращения? Пожалуйста, не уведомляйте Риссу и Рэнго, так как важно, чтобы это был сюрприз».

— Я не совсем довольна, — сказала Домино, просматривая законченный текст, — но самое существенное тут изложено, а назначение «Ониксового Орла» местом встречи должно послужить предостережением, так как во время Войны мы пользовались им для составления планов, а «Пьяного Херувима» держали для игры.

— Писать более подробно рискованно, — напомнил ей Джорд, — так как мы вынуждены в качестве посредника использовать одного из людей Каларана.

— Знаю, милый, знаю.

Пиггон послал сообщения в тот же вечер и сразу же после этого пришел в палатку Домино и доложил.

— Я получил ответы, — сказал он с гордым поклоном, который не вполне скрыл его смущение при виде их с Джордом в полуодетом состоянии. — Джэнси Гейн и Стиллер Гулик встретятся с вами в указанном месте и оповестят заранее о своем прибытии. Мне не удалось связаться ни с

Гаром, ни со Спайдо. Однако, если они все еще находятся в Джелфейте, мое послание не может до них дойти.

Домино кивнула:

— Благодарю, Пиггон. Ты хорошо послужил принцу Рэнго. А теперь нам остается только ждать и надеяться, что после возвращения в Калтус у нас будет достаточно времени, чтобы все продумать.

ФИНАЛ

Рассвет в день бракосочетания и коронации переливался зеленью и золотом. Золото изливали лучи восходящего солнца, зелень струили трио комет, медленно и величаво описывающих дугу по синему небу. В дворцовых палатах, в окружении щебечущих служанок, одевавших ее к праздничной церемонии, генерал Домино Блейд размышляла о том, что до сих пор ничто из задуманного не проходило в строгом соответствии с намеченным планом.

По возвращении в Калтус она разместила свои войска, доложила принцу Рэнго и зашла в «Ониксовый Орел» проверить, кто еще вернулся обратно. Джэнси оставила весточку — но они и так виделись на следующих одна за другой примерках платьев для свадебной церемонии.

Крапчатый опоздал. Когда он все-таки появился в столице, то признался, что увлекся игрой в покер с драконом Шмирновым, откуда Ибблу, гному, пришлось его в буквальном смысле слова вытаскивать. Гар Квитник не появился вовсе, и насколько Домино удалось выведать у принца Рэнго, и он, и Спайдо вот уже некоторое время не давали о себе знать.

Единственным положительным моментом было то, что принцесса Рисса с готовностью выслушала их подозрения. Джэнси прощупала ее с прямой «деликатностью» своего остро отточенного топора, и принцесса призналась, что у нее тоже возникли определенные подозрения за те несколько недель, что они провели врозь.

Домино послушно села, чтобы позволить одной из женщин сделать что-нибудь артистичное из ее коротко стриженных волос. Из соседней комнаты до нее доносился голос Джэнси, на все лады осыпающей проклятиями служанку, которая вынимала бигуди из ее русых локонов. Выражения отличались особой изобретательностью — несомненно, сказывалось влияние Сомбризио.

Пожалев, что в ее распоряжении нет могущества ни Сомбризио, ни Молебоя, Домино стала думать о Джорде. Они с Крапчатым к этому моменту как раз должны были привести в исполнение первые пункты их плана. Им помогал этот переметнувшийся священник, Лемма Таудей, поэтому она не слишком беспокоилась. Так ли уж трудно справиться с одним престарелым Верховным жрецом?

Стоящие у ризницы Димского Собора Стиллер Гулик и Джорд Индер прислушивались, ожидая от Лемма Таудея сигнала, что путь свободен.

— Да пребудет с вами благословение всех Богов, Богинь и Полубожеств Света, ваше святейшество, — услышали они его приветствие, обращенное к Верховному жрецу.

Фенелес, новый Верховный жрец, славился своими странностями, одной из которых было желание в одиночестве облачаться перед церемонией и проводить несколько минут в размышлениях перед любым религиозным богослужением, которое он совершал. Но, даже зная о его

эксцентричности, товарищи по оружию были поражены прозвучавшим ответом.

— Хорошим этот день будет для меня, незваный глупец, — прорычал сдержанный голос, — но для тебя он означает смерть!

Они ворвались в ризницу и увидели пожилого человека со свежесбритой головой, стоящего над скорчившимся телом Леммла. Из ноздрей священника текла кровь. Пожилой человек был частично облачен в парадные одежды Верховного жреца, а на его груди покоился оправленный в золото амулет — звездная россыпь бриллиантов в центре узора, изображающего солнечную вспышку.

— Удан Канн! — Стиллер выругался, и его лицо тут же покрылось бледными пятнами.

— Ты меня знаешь, несчастный, — прошипел Удан Канн. — Неважно, это знание лишь ускорит твою смерть.

Стиллер выхватил из ножен свой меч и бросился на мастера хингу. Удан Канн выгнул торс с гибкостью очень дорогой проститутки и уклонился от удара. Затем он легонько дотронулся до руки Стиллера, отчего воин отлетел в сторону.

Джорд собрался уже было броситься в бой, когда в его ушах раздался скрипучий голос Калла Маланика.

— Отойди, поэт, — проговорил эльф. — Домино никогда не простит нас, если мы позволим тебя убить.

Эльф поднял свой лук с серебряной тетивой и выпустил стрелы из кованного эльфами золота, которые всегда без промаха разили наповал всех злодеев, в которых летели. Две стрелы устремились в цель — стопроцентная гарантия гибели, — и все же Удан Канн поймал обе стрелы прямо в воздухе.

Он, словно дротики, метнул их обратно в пораженного эльфа. Одна расщепила серебря-

ную тетиву, превратив ее в сверкающие кольца, вторая пришила длинный носок сапога эльфа к полу.

— Через несколько секунд я займусь тобой, — рассмеялся Удан Канн.

— Я еще не сказал своего слова! — воскликнул Стиллер Гулик, снова бросаясь на него с поднятым мечом, грозя перерубить надвое позвоночник убийцы.

Удан Канн даже не обернулся, а изогнувшись, ткнул Крапчатого пальцами в глаза.

— Два очка! — Он захихикал. — Или ты не играешь в кости?

— Это украшение, которое на вас надето, — произнес Джорд Индер, — это Анакрон, амулет, который Гар Квитник должен был вернуть в Джелфейт!

Удан Канн отпрянул, словно от удара, затем схватил одной рукой амулет, а свободной рукой снова перехватил у самой груди стрелу, пущенную из заново натянутого лука Каллы.

— Да, это Анакрон. Пария подвел вас, как и меня. В обоих случаях его одержимость совершенством своего искусства не позволила ему подняться до требований поставленной задачи!

— Черт бы побрал Гара Квитника! — выругался Крапчатый Гулик, с трудом поднимаясь на ноги.

— Никогда не доверял Гару Квитнику, — согласился Калла и потянулся за следующей стрелой.

Удан Канн содрогнулся, потом еще раз схватился своими гибкими руками за грудь. Его бесчувственные глаза вылезли из орбит. Падая на колени, он простонал:

— Гар, сын мой, я был несправедлив к тебе, когда назвал тебя Парией, — хрипел он, и голос его становился все слабее. — Какое прекрасное применение прикосновения запоздалой смерти!

Воистину мне следовало назвать тебя хингу-Грашаншао!

Издав последний стон от боли, разрывавшей ему грудь, Удан Канн повалился на землю и принял смерть, которая была последним экзаменом его лучшего ученика.

— Ну, полагаю, Гар в конце концов сделал свое дело, — произнес Крапчатый Гулик, глядя на мертвого убийцу с уважением, и пятна на его лице слегка побледнели. — Священник еще жив?

Джорд проверил тело священника.

— Да, слава Богам Света. Наверное, Удан Канн собирался сперва с ним позабавиться.

— Интересно, почему Гар позволил ему уйти с амулетом? — размышляя вслух, Калла вытирал кровь с лица священника и начал оказывать ему первую помощь. — Совершенно очевидно, что он мог его убить.

Джорд встал на колени рядом с Удан Канном и стал снимать с него торжественное облачение.

— Я думаю, у него возникли подозрения, и он позволил Удан Канну вернуться, чтобы предупредить нас.

— Он мог бы вернуться и сам, — заметил Стиллер. — Так было бы гораздо безопаснее, черт побери.

— Правда, — согласился Джорд, — но мне кажется, он не знал, что Каларан завладел телом принца Рэнго, а знал только, что Падшая Птица-Солнце все еще как-то действует. Гар не смел рисковать — ведь если бы Удан Канн не вернулся, это послужило бы предупреждением его хозяину.

— Наверное, в этом есть смысл — для мастера хингу, — ответил Стиллер. — Надеюсь, что Гар жив, где бы он ни был.

— Сомневаюсь, — ответил Джорд. — Легенда гласит, что Анакрон возвращается к своему прежнему хранителю, когда первый убит. И все же он остался на груди Удан Канна.

— Тогда, наверное, это означает, что Гар мертв, хотя я бы рискнул на него поставить, — печально произнес Стиллер. — Он был перебежчиком, но на нашу сторону.

Калла Малланик смахнул со скамьи какое-то тряпье и поднял было Леммла на руки, но отшатнулся в изумлении.

— Пресвятые яйца! — воскликнул он. — Я нашел Верховного жреца, и он дышит!

— Наверное, Каларан не хотел слишком уж портить отношения с церковными кругами без особой на то необходимости, — сказал Стиллер. — Давай я займусь им. А для тебя у меня есть опасное задание.

— Хочешь, чтобы я залез на карниз и поработал снайпером? — спросил эльф.

— Нет.

— Пойти посмотреть, не прячутся ли в кустах другие убийцы-хингу?

— Нет.

— Отнести секретное послание принцессе?

— Нет.

— Тогда что?

— Я хочу, чтобы ты надел костюм Гара Квитника и был готов занять его место в свадебной процессии.

— А чем это опасно?

— А ты подумал, какие чувства испытает Гар, если примчится сюда, проделав весь этот путь из Джелфейта, и обнаружит, что ты занял его место?

— А! — Калла мрачно начал надевать наряд шафера. — Погоди, мне показалось, ты сказал, что он мертв, так почему же ты беспокоишься?

— А еще я сказал, что готов рискнуть поставить на него, — ответил Стиллер. — Торопись, уже начинает играть музыка.

Трубы заиграли начало торжественного марша королевского дома Регодия, когда карета принцессы

Риссы подъехала к ступеням Димского Собора. Дейзи, элегантно одетая и страшно гордая своей новой ролью дамы-распорядительницы, приказала лакею открыть дверцу кареты.

— Я с раннего детства участвовала в боях, — вслух подумала Домино, — и никогда не боялась. Почему же мне страшно сейчас?

— Может быть, потому, что под тобой нет коня, — хихикнула Джэнси, потом смягчилась. — Сиф, я приняла участие в бою еще до рождения — моя мать была женщиной-воином, как и я, — и я тоже нервничаю. Как ты, Рисса?

Принцесса подняла глаза от огромного букета из белых роз, цветов яблони, тюльпанов и перекати-поля, который держала на коленях.

— Нервничаю. А кто бы не нервничал, зная то, что известно нам, подозревая то, что подозреваем мы? Мне лишь хотелось, чтобы нам не надо было делать все это при таком стечении народа.

— Ты же знаешь, почему нам пришлось так поступить, — напомнила ей Домино. — Каларан не станет сидеть и спокойно воспринимать экзорцизм. Наша единственная надежда на то, что он не заметит, что Джорд читает не обряд бракосочетания, а заклинание из свитка Гвайкандер. Джорд выучил наизусть столько, сколько смог, чтобы не пришлось слишком явно читать со свитка, но...

— Здесь много «но», — перебила ее Джэнси. — Больше нам ничего рассчитать не удастся. А теперь пора в бой, и помолимся вашим Богам Света и моим любящим битвы Богам Севера.

— Аминь, — выдохнула Рисса. — Аминь.

Они торжественно двинулись в Димский Собор под приветственные крики публики, которая напирала на гвардейцев в парадных мундирах, стараясь осыпать принцессу и ее подружек цветами, канареечным кормом, засахаренным минда-

лем, мелкими монетами и воздушным пшеничным печеньем.

— Символы плодородия, — объяснила Джэнси озадаченной принцессе.

— Черт возьми, — выругалась Домино.

Когда они вошли в Собор, из ризницы выступили принц Рэнго, Стиллер Гулик и Калла Малла-ник. Стиллер нес большой поднос с только что изготовленными коронами Фолтейна. У Каллы был немного меньший поднос с четырьмя красивыми кинжалами. За ними медленно двигался Верховный жрец, неся в руках тяжелую, переплетенную в кожу Книгу Богослужений.

— Это Джорд? — шепнула Джэнси.

— Не знаю, — ответила Домино.

— Тихо, — сказала принцесса Рисса.

Первой по проходу двинулась вперед Сет. Голову девочки венчала диадема из бутонов розовых роз, она несла корзинку с сухими лепестками роз и разбрасывала их по проходу.

— Иди медленно, медленно, птичка моя, — настаивала ее Дейзи. — Теперь вы, капитан Иббл.

Гном был наряжен в бриджи по колено и курточку в тон с белой сорочкой. На ногах были сандалии, открытые спереди, и он пыхтел большой трубкой, набитой самым лучшим табаком. На шелковой подушечке в его руках покоились тщательно уложенные обручальные кольца.

— Взгляните на хранителя колец! — почтительно произнесла Дейзи. — Разве он не великолепен?

Иббл метнул на нее похотливый взгляд и пошел по проходу, на заранее оговоренном расстоянии от Сет.

— Теперь вы, генерал Блейд, — сказала Дейзи, — а Джэнси в нескольких шагах позади.

Музыка марша взмыла до триумфального крещендо, когда невеста наконец двинулась вперед по проходу. Те, кто купил билеты, осыпали

участников свадебной церемонии дождем лепестков. Гости, сидящие на скамьях вдоль прохода, улыбались и махали руками, чуть не лопааясь от той особой гордости, которая бывает только у участников свадебной церемонии очень важных лиц.

Злюка, в облике зеленой эльфийской девы, стояла рядом с Рейфом и его женой в ряду, отведенном для товарищей по оружию, вместе с Пигтоном и Рольфусом, уцелевшими колдунцами; еще несколько воинов из роты Домино сидели там же. Героические походы исключительно тяжело сказались на численности их компании.

Когда Рисса достигла святилища и встала рядом с Рэнго, все присутствующие повернулись, как один, и встали к ним лицом. Оркестр доиграл несколько последних тактов марша и смолк.

— Дорогие жители Фолтейна, — раздался скрипучий голос из-под накидки с вуалью Верховного жреца, — мы собрались здесь, чтобы соединить двух людей священными узами брака и отпраздновать коронацию новых короля и королевы.

Собравшиеся с энтузиазмом зааплодировали. Джэнси бросила взгляд на Домино, словно спрашивая: «Это Джорд?» Домино пожала плечами.

Она попыталась поймать взгляд Стиллера, рассчитывая, что тот подаст ей какой-нибудь знак, и увидела, что он внимательно рассматривает гвардию принца со слегка насмешливым выражением на обычно бесстрастном лице. У него перед ней было преимущество — он мог видеть людей в боковых проходах и в задней части Собора. Домино, не вытягивая смешно шею, могла видеть только стоящих в святилище.

Сперва казалось, что все в порядке. Вооруженные солдаты стояли выстроившись в ряд, одетые, как обычно, в черно-зеленую форму. У некоторых из них вид был скучающий, что вполне понятно, так как Верховный жрец на древнетермеанском начал нараспев читать обряд. Другие

стояли, расправив плечи, в напряжении, гордясь тем, что несут почетный караул в самый важный для их принца день. Третьи держали руку на рукоятки меча, готовые к действию.

Домино остановила свой взгляд на лицах мужчин и стала рассматривать их, а не мундиры и позы. И поняла, что не узнает ни одного из них. Правда, она командовала кавалерией, а не пехотой, но их боевые операции часто проводились совместно, несомненно, она бы узнала хотя бы одно лицо среди избранной элиты.

Она снова бросила взгляд на Крапчатого. Его лицо было покрыто бледными пятнами. Их глаза встретились, и она слегка наклонила голову. К несчастью, ни Джэнси, ни Калла Малланик не принадлежали к числу воинов Фолтейна, поэтому для них все военные были на одно лицо. Когда начнутся неприятности, а теперь она точно знала, что это произойдет, они не поймут, что преимущество не на их стороне.

Верховный жрец продолжал читать монотонным голосом. Собравшиеся ждали, внимая в тишине. Свита новобрачных стояла по стойке «смирно».

Затем принц Рэнго вдруг заерзал, что шокировало всех. Переступил с ноги на ногу. Прочистил горло. Верховный жрец продолжал свое монотонное чтение, может, только чуть быстрее.

Беспокойство принца Рэнго передалось его стражникам. Те, кто сучал, выпрямились; кто стоял наготове, схватились за рукоятки мечей. В особом секторе, выделенном для священнослужителей, несколько пожилых священников подались вперед, прислушиваясь к словам, которые слетали с губ Верховного жреца. Их бритые лбы морщились в недоумении, когда они начинали понимать, что до их слуха доносятся слова отнюдь не свадебного обряда.

— Сиф! — шепнула Джэнси. — Будет драка, а мой топор далеко!

— Кинжалы, — пробормотала Домино, бросая взгляд на поднос, который держал Калла.

— Подождите! — провозгласил принц Рэнго своим самым благородным тоном. — Что это за чепуха? Кто подменил текст свадебной церемонии на эту бессмыслицу?

— Дорогой, — протянула принцесса Рисса, — я и не знала, что ты понимаешь древнетермеанский язык...

Рэнго/Каларан застыл, осознав, что его слова идут вразрез с ролью принца. Трудно было поверить, что принц-воин стал усердным администратором, но совершенно невероятно, чтобы он внезапно приобрел глубокие познания в давно уже мертвом языке.

— Любовь моя, — произнес он медовым голосом, — я не раз перечитывал текст церемонии в ожидании этого славного дня. Мне просто показалось, что я услышал некоторые расхождения. Кто посмел изменить церемонию?

Рисса решительным жестом выхватила череп Каларана из-под своего букета. Стиллер вытащил свой меч. Калла, положив поднос, вынул свой лук из-под алтарного покрывала. Домино и Джэнси шагнули вперед, чтобы охранять принцессу.

— Церемония была изменена по моему приказу, — заявила принцесса Рисса и швырнула череп на мраморный пол. — У нас есть несколько вопросов...

Череп развалился на побелевшие от солнца костяные осколки, и на виду оказались маленькие фигурки Демона Тьмы и Посланца Света. Из Посланца Света вверх поднялся туман и превратился в бледную, полупрозрачную фигуру с чертами лица принца Рэнго. Принц из тумана яростно уставился на принца во плоти. Его синие глаза сверкали.

— Ты завладел моим телом и моей невестой, Каларан, — прозвенел его голос. — Сейчас произойдет обратное!

— Предательство! Черная магия! — завопил Каларан. — Стража!

В Соборе воцарилась паника. Гости кричали, а стражники обнажили мечи и двинулись к святилищу. Из рядов, где сидели соратники, на помощь бросились Рейф и Злюка. В руках у Рейфа был меч, а у Зюки странной формы сверток — подарок на свадьбу.

Понимая, откуда исходит реальная угроза, Каларан, пошатываясь, двинулся к Джорду. Принцесса Рисса схватила его за руку, чтобы остановить.

— Сука! — выругался он.

— Демон! — ответила принцесса.

Иббл положил кольца и сунул Джэнси и Домино по кинжалу. Дева-щитоносица и генерал кавалерии плечом к плечу встали на пути приближающихся стражников принца. Крапчатый отпрыгнул, чтобы встретить нападающих сзади.

— Вы собираетесь напасть на своих соратников по оружию, — закричал Каларан, — убивать воинов, которые всего лишь выполняют свой долг?

Крапчатый замер в нерешительности. Домино, стоящая за спиной принцессы, тоже остановилась.

Одна и та же мысль пронеслась в головах обоих: могут ли они убивать людей, которые только выполняют клятву, данную своему принцу, защищать его?

Но Джэнси Гейн не остановилась.

— К черту! — произнесла она, метнув свой букет в физиономию одного стражника и всадив кинжал в другого. — Я — наемница!

— Деньги и добыча! — вырвался из глотки Каллы Маланика древний клич эльфийских наемников, и он начал с невероятной скоростью пускаться

одну за другой стрелы из заново натянутого лука с серебряной тетивой. — Умрите красиво, вы, жалкие недоноски!

Двое стражников принца исполнили его приказ и покатались по полу, хватаясь за торчащие из глазниц стрелы, а потом свалились через ограждение на скамьи для священнослужителей, залил весь первый ряд кровью.

— Прекрасно! — воскликнула Джэнси. — Давай, Домино, действуй по программе! Разве на тебе не форма Гвардии принцессы?

Домино опустила глаза на свое светло-зеленое, все в кружевах платье подружки невесты. Медленная улыбка осветила ее лицо, и она выхватила меч из руки одного из стражников.

— За Риссу! — вскричала она, вонзая меч в живот его бывшего владельца. — За Риссу!

Крапчатый, в свою очередь, прыгнул на стражника, который замахнулся на бегу, намереваясь обезглавить Джорда.

— Это была самооборона, — объяснил он, стукнув воина головой об пол и отбирая у него меч. — Ты представляешь, что бы сделала со мной Домино, если бы Джорда ранили?

Швырнув Риссу на пол во внезапном приливе злобных сил, Каларан потянулся к Джорду, но тут принц Рэнго загородил ему дорогу. Каларан попытался оттолкнуть его в сторону и с отчаянием увидел, что рука узурпированного им тела сливается с тенью его законного владельца и Рэнго теперь контролирует его движения.

— Я тебя разоружил, правда? — Принц Рэнго засмеялся.

Лежа на полу, принцесса Рисса застонала от боли.

— Рэнго, это было ужасно!

— Спасибо, дорогая, — ответил туманный принц.

Джэнси некогда было смеяться шуткам. У нее вырвали в схватке кинжал, а к мечу, который она взяла у одной из своих жертв, она не привыкла. Трое стражников оттеснили ее на несколько шагов в сторону от принцессы и упорно теснили.

Злюка пробилась к Домино. Она снова сменила образ и превратилась в грудастую бледно-зеленую кентавриху. Без колебаний Домино схватилась за красивые нежные плечи кентаврихи и вскочила на нее верхом. В ту же секунду Злюка бросила Джэнси свой свадебный подарок.

— Дева-воин, — крикнула кентавриха, — Кастратор!

Стражники на мгновение отступили, прикрывая руками свои интимные места, так как подумали, что этот титул относится к Джэнси. Она точным движением поймала сверток и сорвала обертку с бородатого топора.

— Клянусь черно-белыми волосами Хел, — возликовала Джэнси, — вот теперь мы повеселимся, черт побери!

Даже Иббл и Сет приняли участие в последовавшей за этим битве — хранитель колец и девушка-цветочница встали спина к спине с кинжалами в руках. Бойня получилась страшная. Свадебные гости застыли в ужасе, каждый понимал, что если побежит, то может стать следующей жертвой.

Во время всего этого Джорд продолжал читать, хотя и хрипел все сильнее, напрягая голос и силясь перекричать шум. Соединенный одной рукой с принцем Рэнго, Каларан плюнул в Джорда, его плевок превратился в огненный шар и полетел в поэта, разрастаясь на лету до чудовищных размеров и грозя поглотить и поэта, и свиток.

Рисса вскрикнула и нанесла Каларану яростный удар по почкам, но она ничем не могла

помочь Джорду. Огонь пожрал и Книгу Богослужений, и одеяния Верховного жреца. Затем с груди Джорда сорвалась вспышка света. Огонь полностью погас, и поэт остался стоять совершенно голым, прижимая к себе древний свиток Гвайкандер.

— Амулет Анакрон! — ахнул Каларан. — И свиток! Хоть один из вас сделал то, что ему было приказано?

Стиллер прохрипел с того места, где только что свалил очередного стражника принца:

— Хорошо, что Домино проявила инициативу, а за присутствие Анакрона тебе некого благодарить, кроме самого себя. Его принес в Калтус Удан Канн.

— Удан Канн! — Падшая Птица-Солнце просветлел.

— Не очень-то радуйся, жалкий божок, — прибавил Калла Малланик, — Удан Канна убил Гар Квитник прикосновением запоздалой смерти. Ты остался один.

— Будь проклят Гар Квитник! — выругался Каларан. — И будьте прокляты вы все! Анакрон не сможет защитить вас всех!

Он снова плюнул, на этот раз целясь в Каллу Малланика. Эльф ловко отскочил в сторону, но Ибблу и Сет, которые сражались за его спиной, не так повезло. Главный удар огненного шара принял на себя гном. Остатки осыпали дождем девочку.

— Ах ты, ублюдок! — закричал принц Рэнго, когда две маленькие фигурки повалились на пол. — Ну, с меня хватит!

Он схватил полубога и стал трясти, словно хотел выпрясти его из украденного им тела. С апломбом, который мог выработаться у него только во время публичных выступлений с чтением стихов, обнаженный и обожженный, Джорд продолжал читать.

«Кватендо эрбуд, алтонфасс дермейн! Аканетендо, рамма! Тендо сун, пан джен да ма! Ройю га хаф!»

Стоящая на полу крохотная фигурка Демона Тьмы засияла межзвездной чернотой. Затем так же, как когда-то Каларан завладел телом принца, эта фигурка завладела бессмертной сущностью полубога.

Бой прекратился, когда Джорд закончил читать нараспев, и все сражающиеся осознали, что главная битва выиграна. Принц Рэнго подхватил Риссу и поставил на ноги как раз в тот момент, когда она уже собралась еще раз стукнуть его по почкам. Она посмотрела ему в глаза и улыбнулась.

— Это мой принц! — провозгласила она громким и ясным голосом.

Спонтанный взрыв аплодисментов донесся из рядов гостей — хотя все были слишком хорошо воспитаны, чтобы вслух задать вопрос, относится ли их восторг к возвращению принца или к тому факту, что теперь гости осознали, что их не зарежут в качестве свадебного жертвоприношения.

Домино соскочила со спины Злюки и поспешила в святилище, но даже не взглянула на Джорда. Вместо этого она бросилась к двум обгоревшим кучкам на мраморном полу у алтаря. Калла Малланик печально покачал своей аристократической головой и попытался ее остановить.

— Их уже нет, — сказал он. — Ты больше ничего не можешь сделать.

— Может быть, — ответила Домино, отталкивая его. — Джорд, неси сюда этот чертов амулет.

Поэт поспешно подошел, и его красивой формы задница вызвала восхищенные замечания у публики. Он снял через голову Анакрон и прижал его к груди Сет.

— Правильно, — тихо произнес он, — амулет имеет силу излечивать.

— Но не воскрешать, — с беспокойством произнесла Домино. — Единственная надежда, что еще не слишком поздно!

Сияние, гораздо более чистое, чем огонь Падшей Птицы-Солнца, распространилось от амулета и окутало обгоревшую девочку. Полное молчание воцарилось в Димском Соборе, которое сменилось радостными криками, когда Сет села, стяхивая с себя обгоревшие остатки нарядного платья.

Домино прижала девочку к сердцу, а Рисса опустила на колени и отхватила кинжалом десять футов своего вышитого кружевного шлейфа, чтобы ее прикрыть.

— Спасибо, ваше высочество, — прошептала девочка, с изумлением глядя вниз на амулет, — и спасибо тебе, Анакрон.

— Иббл! — крикнул Стиллер. — Приложи амулет к Ибблу, Домино.

Но когда Домино потянулась к сияющему амулету, он задрожал, померк и пропал.

— Он исчез! — воскликнула принцесса. — Но куда он улетел?

— Обрато в Джелфейт, готов биться об заклад, — сказал Стиллер, глядя вниз на тело своего спутника. — Наверное, Гар Квитник все же не погиб, и только пребывание Джелфейта вне времени задержало возвращение амулета к нему.

— Какая ирония, — отозвался Джорд, стягивая штаны и мундир с только что убитого стражника. — Гар жив, но навсегда для нас потерян, а амулет улетел к нему и отнял у нас еще и Иббла.

— Ну не совсем, — раздался знакомый голос из маленькой обгоревшей кучки на полу, — мы, гномы, довольно прочные, знаете ли. Особенно хорошо защищены от огня. Если бы это было не так, не многого бы мы стоили, как кузнецы.

Второй взрыв аплодисментов раздался в Соборе, на этот раз он был приправлен искренним хохотом после заявления гнома. Стиллер нагнулся и обнял друга.

— Отряхнись и найди себе пару штанов, — сказал он. — Нам еще надо довести до конца свадьбу и коронацию!

— Погодите! — прошепел женский голос, и Дейзи поспешно вышла из глубины Собора. — Не можете же вы всерьез желать продолжать церемонию, когда повсюду лежат трупы, а половина гостей и участников брачной церемонии забрызганы кровью!

Рисса посмотрела на Рэнго, и принц кивнул ей, обнимая за талию. Потом принцесса сказала:

— Можем и продолжим! После всего, что мы пережили, свадьбу нельзя откладывать. — Она взглянула на пожилую женщину и слегка смягчилась. — Хорошо, устроим небольшой перерыв, чтобы убрать трупы.

— А что делать с этим, Рисса? — спросила Джэнси, поднимая с пола фигурку Демона Тьмы.

— Можешь его пока подержать? — спросила Рисса. — Надо еще хорошенько подумать, как от него избавиться.

После того как трупы были убраны, со скамьи в святилище подняли Леммла Таудея и Фенелеса. Одевшись в запасные парадные одежды, Верховный жрец вышел вперед и начал свадебный обряд, а Леммл занял почетное место рядом с ним. Книга Богослужений пропала, но ритуал сохранился в памяти, а если он стал несколько короче, то это только к лучшему.

Новобрачные, принц и принцесса, опустились на колени перед Верховным жрецом, чтобы он возложил на них короны, сделав королем и королевой Фолтейна. Их верные товарищи стояли позади них полукрутом, и их израненные и испачканные кровью лица сияли от гордости.

Только Иббл стоял отдельно от всех, держа в широких ладонях гнома подушечку с коронами. Он рассматривал эти короны, пока Верховный жрец нараспев читал молитву, призывающую новых правителей быть справедливыми, мудрыми и отважными, управляя своим королевством. Когда Верховный жрец протянул руку за короной короля, чтобы возложить ее на голову Рэнго, гном остановил его:

— Гм, вы действительно хотите того, о чем только что говорили в своей молитве?

Верховный жрец озадаченно воззрился на него:

— Конечно, хочу, Иббл. Ты думаешь, что мы желаем для Фолтейна такого правителя, как Каларан?

Гном пожал плечами:

— Я только хотел убедиться, что это не только для проформы сказано. Никогда не знаешь, когда имеешь дело с вами, людьми. Помню, когда Стиллер учил дракона играть в покер...

— Иббл, — перебил его Стиллер, — ты хочешь что-то сказать?

— Конечно, Стиллер, — ответил Иббл, — я рассматривал эти короны, вы ведь знаете, что гномы — великие искусники в ремеслах, так?

— Так.

— Ну пусть Калла тоже выскажет свое мнение, но я бы сказал, что эти короны заколдованы и превращены в устройства для контроля за поведением. Нет смысла гадать, кто будет его контролировать.

— Каларан! — ахнул принц Рэнго.

Калла Малланик, осматривавший короны, выпрямился и кивнул в знак согласия.

— Да, ваше высочество, позволю себе высказать догадку, что так как Падшая Птица-Солнце бессмертен, он имел относительно вашего королевства планы, далеко выходящие за рамки про-

должительности жизни человека. При помощи этих корон он мог бы управлять новым королем после вашей смерти.

— И королевой, пока она еще жива! — с ужасом воскликнула Джэнси. — Блестящие волосы Сиф, это отвратительно!

Едва слышные проклятия послышались из корсажа ее платья, куда она спрятала фигурку с заключенным в нее полубогом.

— Если на эти короны наложено заклятие, — сказал принц Рэнго, — тогда пусть коронация продолжается, но коронуйте нас без корон!

— Я не против, — сказала Рисса и слегка содрогнулась, бросив взгляд на предназначенную ей корону и подумав о том, каковы могли быть намерения Каларана, — мне никогда не нравились короны. Они ужасно неудобные.

После этого коронация была доведена до конца без особых приключений. Когда собравшиеся поднялись с мест, чтобы приветствовать новоиспеченных короля и королеву, Димский Собор задрожал и стал расплываться. Зрение каждого из находящихся в нем замутилось, а когда вновь прояснилось, они обнаружили, что стоят внутри круглого строения, такого же большого, как и исчезнувший Собор, но лишенного крыши, под открытым небом.

А по этому небу описывали все более хаотичные петли три зеленые кометы.

— Что это? — спросил король Рэнго.

— Какая-то арена, — высказал предположение Стиллер, — или стадион.

Они оглянулись кругом. Теперь собравшиеся сидели по кругу; те, кто прежде находился на первом этаже, сидели на маленьких твердых сиденьях, а те, кто находился на балконе, на деревянных открытых трибунах. Участники королевской свадебной свиты стояли на холмике посреди широкого травяного поля, на котором сплошными

линиями, белой краской был нарисован ромб. Там, где раньше находились ризницы, стояли маленькие навесы.

— Кажется, я знаю, что случилось, — сказал Джорд Индер. — Каларан не лгал, когда говорил, что присутствие стольких волшебных артефактов может вызвать смещение пространства и времени. Странные явления пошли на убыль, когда мы отправились в поход, но все же в Калтусе их оставалось еще много. Теперь же мы снова собрали в одном месте несколько магических артефактов большой силы.

— Свиток! — сказала Домино, поднимая его с травы.

— Короны! — прибавил Иббл, глядя на них сверху.

— Демон Тьмы, — произнесла Джэнси, вытаскивая его из-за корсажа, — или Плененная Падшая Птица-Солнце, если хотите.

— Ослабевшая ткань реальности не может вынести их присутствия, — согласился Калла Маланик, — и я прямо боюсь высказать свое предположение о том, как с этим бороться.

— Героический поход! — простонал Стиллер, и его лицо стало покрываться пятнами.

— Три похода, — поправил Калла.

— Думаю, я могла бы отвезти свиток обратно на Озера, — сказала Домино. — На этот раз понастоящему. Теперь это не должно быть так уж трудно. Бандитов осталось немного.

— Если эти короны не такие могущественные, как остальные артефакты, я мог бы проиграть их в покер, — высказался Стиллер. — Я обещал Шмирнову вернуться после свадьбы.

— А вот с Демоном Тьмы будет посложнее, — сказала королева Рисса. — Джэнси?

— С удовольствием избавлюсь от этого старого негодяя, — отозвалась Джэнси, — и мне не слыш-

ком-то хочется болтаться тут в твой медовый месяц. Калла, ты со мной?

— Если только меня не заставят записаться в солдаты, — пообещал эльф. — Королевство награждает своих героев гораздо лучше, чем платит своим солдатам.

— Позвольте мне присоединиться к вам, — попросил Иббл, — я почувствую себя гораздо лучше, если мы заключим эту проклятую штуку в какую-нибудь из волшебных скал гномов, когда набредем на нее. Статуэтка может кого-нибудь соблазнить, но кто пожелает иметь кусок уродливой скалы?

— Значит, договорились, — заявил король Рэнго, — только реальности придется потерпеть это напряжение еще немного, пока вы все будете принимать участие в свадебном пире. Посмотрите, слуги уже начали разносить освежающие напитки.

Одетые в белые брюки и рубашки, с подносами, висящими на шеях, по рядам и трибунам ходили слуги и раздавали гостям бумажные стаканчики с напитками и пакетики арахиса и воздушной кукурузы.

Дейзи привела несколько слуг к королевской свите.

— Погода такая чудесная, что я приказала поставить для вас столы прямо здесь, на лужайке, — сказала она. — Только боюсь, должна вам сказать, что вино испортилось — у нас остался только этот сладкий, тягучий коричневый напиток, и еще полно льда.

Свадебная свита застонала, но новый король сделал пробный глоток из своего стаканчика.

— Сладко, — сказал он, — но мне даже нравится.

Рисса рассмеялась и прижала его к себе.

— Догадываюсь, что Каларан от тебя получил эту ужасную привычку. Мне следовало знать!

Менестрели ударили в барабаны и задули во флейты, зазвучали легкие танцевальные мелодии, а военный оркестр заглушал их веселыми маршами. Время от времени вклинивалось усиленное звучание струнных и басов из невидимого мира над ними. Новоявленные король и королева протянули руки своим друзьям.

— Пошли, — сказала королева Рисса, — давайте станем в круг и станцуем, чтобы отпраздновать начало новых дел.

Пока они кружились на ровной травяной лужайке, над их головами три кометы завершили свой извилистый путь и, столкнувшись, все вместе взорвались, усыпав небеса россыпью звездной пыли, яркой даже при дневном свете. И даже гигантская ящерица, щелкающая зубами на рассыпающиеся искры, не могла погасить их блеск.

ДЭВИД ДРЕЙК

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я стал поклонником Роджера Желязны с тех пор, как прочел «Розу для Экклезиаста» в первом издании в 1963 году. Я отправился на первую конвенцию НФ в 1974 году отчасти потому, что Роджер был на ней почетным гостем, и мне хотелось с ним познакомиться и сказать ему, как здорово он пишет.

И наконец, как раз накануне безвременной и внезапной кончины Роджера, я имел удовольствие работать вместе с ним над этой книгой. Издательство «Баен Букс» попросило меня рассказать о том, как все это было. Работа Роджера сама является ему памятником; от меня ему ничего не нужно. Но поскольку существует традиция, что друзья и близкие покойного бросают горсть земли на его могилу, вы можете считать это моей горстью.

На конвенциях НФ заключается гораздо меньше деловых соглашений, чем меня всерьез уверяли, когда я был еще молодым писателем, но иногда это действительно случается. Один из

таких случаев произошел в тот раз, когда Джим Баен устроил превосходный обед для десятка друзей и авторов, приехавших на Международную конвенцию по «фэнтези». Джим издавал книги Роджера с начала 70-х годов, когда был еще издателем журналов «Если» и «Гэлэкси». Я с восторгом встретился на этом обеде с Роджером, но предполагал, что мы оба приглашены в качестве старых друзей Джима.

Это было правдой... но, как объяснил за обедом Роджер, существовал еще и некий проект. Он задумал создать общий мир, рассказать о нескольких обратных героических походах, целью которых было бы вернуть четыре магических талисмана в места их укрытий после того, как Силы Добра одержали победу над Злым Волшебником.

Роджер собирался написать пролог и заключение, а также набросал некоторые детали этих походов. Он привлек нескольких друзей к написанию трех из четырех историй: Джейн Линдсколд (присутствовала на том обеде), Майка Стакпола и Боба Асприна. Уговорил Билла Фосетта (нашего с Джимом общего друга, также присутствовавшего на обеде) взять на себя деловую сторону — никто больше его не заслуживал доверия. И перед обедом договорился с Джимом об издании этой книги.

Таким образом, в проекте оставался один явный пробел. Под взглядами всех присутствующих Билл громко сказал мне: «Эй, Дэвид. Как ты думаешь, кого мы сможем уговорить написать эту недостающую главу?»

Я тут же предложил писательницу, сидящую напротив меня за столом. Она так же быстро отказалась, сказав, что слишком занята.

Я тоже, но главное в случае с «Долго и счастливо» для меня было в том, что требовалось

написать причудливую смешную вещь в жанре «фэнтези» с серьезным стержнем — такую вещь, которая у Роджера Желязны получалась лучше, чем у кого-либо другого в этой области, а я ничего подобного никогда не писал. И не был уверен, что справлюсь с этой работой. Обычно с этим все в порядке — я учусь, пробуя что-то новое, и это означает, что иногда я с треском проваливаюсь. Но мне не хотелось ударить лицом в грязь перед Роджером Желязны, писателем, который был моим идиолом многие десятилетия, даже если это была его идея — дать мне попробовать.

И все-таки я попытался. Роджер прислал мне начальные отрывки (которые я нашел очень веселыми) и несколько страниц с сюжетом для моей части. Я использовал в качестве модели стиля собственное произведение Роджера «Фурии». Это очень смешная история на первый взгляд, но стоит копнуть чуть глубже, и она заставляет сжаться сердце. На мой взгляд, это одно из лучших фантастических произведений из всех, когда-либо созданных.

Свою историю я написал; другие написали свои; а Роджер с энтузиазмом завершил книгу в целом и остался очень доволен. Он позвонил мне в начале мая, чтобы спросить, приеду ли я вместе с ним и другими авторами «Долго и счастливо» на Международную конвенцию фэнтези-95 в Балтимор (город, в котором он начал свою карьеру писателя). Во время этого разговора он сказал, что считает мою часть смешной, и прибавил, что восхищается тем, что сделали все писатели из его замысла, особенно Джейн.

Мне бы хотелось, чтобы это послесловие писал Роджер.

Мне бы хотелось снова приехать на встречу с Роджером в Балтимор.

Мне бы хотелось читать новую чудесную фантастику Роджера Желязны.

Он дал мне и нашему направлению так много, и грех жаловаться, что его уже нет и он не может дать нам больше. Но мне все равно его недостает.

Содержание

<i>После победы, роман</i> <i>перевод с английского Н. Ибрагимовой</i>	
<i>Роджер Желязны</i> Прелюдия первая	7
<i>Майкл А. Стакпол</i> Искусство и наука: История Гара Квитника	30
<i>Роджер Желязны</i> Прелюдия вторая	119
<i>Дэвид Дрейк</i> Очень грозное оружие	125
<i>Роджер Желязны</i> Прелюдия третья	205
<i>Роберт Линн Асприн</i> Требуется хранитель	212
<i>Роджер Желязны</i> Прелюдия четвертая	249
<i>Джейн Лингсколд</i> История Домино	258
<i>Роджер Желязны</i> Финал	348
<i>Дэвид Дрейк</i> Послесловие	371

✓

«Тьма опустится на Галактику. И продлится тридцать тысяч лет. — Селдон обвел собравшихся взглядом. — Я могу сократить этот срок до девяносто девяти лет».

Айзек Азимов

«Хроники Академии»

Лучший научно-фантастический сериал всех времен и народов — такого звания удостоена «Академия».

Пять томов запутанных интриг и непрекращающихся авантур, сотни лет истории и роковые мгновения: решающие судьбы Галактики — это «Академия».

- «Прелюдия к Академии»
- «На пути к Академии»
- «Академия»
- «Академия и Империя»
- «Вторая Академия»
- «Край Академии»
- «Академия и Земля»

ВСЕ ЭТО

«Академия»!

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

Миры Уильяма Тенна

Пятнадцать лет его карьеры оставили великолепное наследство. Блистательные рассказы этого мастера юмористической фантастики вошли в золотой фонд жанра.

Теперь в свет вышло самое полное собрание его работ на русском языке — два тома лучших рассказов Уильяма Тенна.

Том 1

«Из всех возможных миров»

«Человеческий аспект»

«Деревянная звезда»

Том 2

«Корень квадратный из человека»

«Огненная вода»

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ

Миры Пирса Энтони

Издательство «Полярис» представляет один из лучших сериалов в истории мировой фантастики — «Воплощения бессмертия» Пирса Энтони. Все семь романов — «На коне блед: Смерть», «С песочными часами: Время», «С запутанным клубком: Судьба», «Мечом кровавым: Война», «Будучи зеленой матушкой: Природа», «Из любви ко злу: Тьма», «И вечность: Свет» — увидят свет в серии «Миры Пирса Энтони».

Имя Пирса Энтони, одного из самых популярных и плодотворных авторов НФ и «фэнтези», известно всем любителям фантастики в нашей стране. Из-под его пера вышли такие циклы, как «Ксанти» и «Голубой адепт», такие романы, как «Макроскоп» и «Сос-Веревка». Но до сих пор ни один его сериал не был издан на русском языке полностью, и лучшие его вещи до сих пор оставались в тени.

А между тем уже ранние книги Энтони открывали вдумчивого и смелого мыслителя, стремящегося открывать новые земли. На грани 60-х и 70-х Энтони ворвался в литературу несколькими интереснейшими романами: «Хтон», блистательный юмористический роман «Дантист с плюсом» и знаменитый «Макроскоп». А в 1977-м Энтони начинает серии «Скопление» и «Ксанти», которые вывели его в первые ряды американских фантастов.

Теперь писатель ищет новые идеи, новые сюжеты. Но его популярность остается неизменной. Уже пятнадцать лет флоридский затворник Пирс Энтони остается самым любимым фэна-ми писателем-фантастом.

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

Миры Харлана Эллисона

ВПЕРВЫЕ в России!

Величайший американский прозаик второй половины XX века представляет свои избранные произведения в 3 томах!

**Двадцать пять высших литературных премий в разных жанрах,
одиннадцать высших премий в фантастике,
престижнейшие награды мира —
таков облик Харлана Эллисона.**

В трехтомник вошло около сотни лучших рассказов, одобренных автором, а также

**ОТКРЫТОЕ ОБРАЩЕНИЕ
автора
К РОССИЙСКИМ ЧИТАТЕЛЯМ!**

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

---

*«Прежде мы открывали новые миры,
заселяли их. Теперь мы только обгладываем
кости мертвой Федерации».*

Миры Г. Бима Пайпера

Его сравнивали с АЗИМОВЫМ и ХАЙНЛАЙНОМ.

Его славе завидовали все современники.

Его имя гремело среди любителей фантастики.

Его карьеру прервала безвременная смерть.

*Генри Бим Пайпер создал фантастический
эпос, способный сравниться с «Академией», и самых
очаровательных инопланетян в истории фантастики.
Теперь любимый писатель патриарха американской
фантастики Джона Кэмпбелла приходит в Россию.*

Том 1
Маленький
пушистик
Пушистик
разумный

Том 2
Пушистики и
другие
Космический
викинг
Рассказы

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

Миры Рэя Брэдбери

*Это имя не требует
пояснений.*

Семь томов собрания его сочинений — лишь скромный дар признательности его таланту, несмотря на то что более полного издания на русском языке еще не бывало. Все лучшие вещи Рэя Брэдбери теперь выпущены в свет издательством «Полярис»

Том 1

*Марсианские хроники
Человек в картинках*

Том 2

*451° по Фаренгейту
Золотые яблоки Солнца*

Том 3

*Вино из одуванчиков
Октябрьская страна*

Том 4

*Нескончаемый дождь
Лекарство от меланхолии
Р — значит ракета*

Том 5

*Надвигается беда
Механизмы радости*

Том 6

*Тело электрическое пою!
К — значит космос*

Том 7

*Канун Всех Святых
Лорелея красной мглы
Стопп огненный*

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ

Миры Кима Стенли Робинсона

Он ворвался в фантастику, как вихрь. Он взлетел к вершинам славы за один год. Он стал основателем нового направления — гуманистической НФ.

Самый выдающийся гуманист НФ представлен тремя романами знаменитой Калифорнийской трилогии.

Том 1 Дикий берег

Том 2 Золотое побережье

Том 3 У кромки океана

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

ЕСЛИ

**ЕДИНСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ В РОССИИ**

*Всем,
кто любит
фантастику!*

Журнал «Если» был основан в 1991 году, а с 1993 года распространяется преимущественно по подписке.

Ценители жанра найдут в «Если» лучшие образцы новейшей зарубежной фантастики. Залог тому — наше сотрудничество с двумя ведущими американскими НФ-журналами — Asimov's и Analog, критико-библиографическим изданием Locus, а кроме того, тесные контакты с крупнейшими литературными агентствами и ведущими зарубежными писателями.

«Если» внимательно следит за развитием отечественной фантастики. Ряд произведений российских авторов, напечатанных в нашем журнале, получили престижные премии.

В разделах критики и библиографии читателей ждут очерки, посвященные истории жанра, статьи о новейших течениях НФ и фэнтези, рец.зии на новые книги, литературные портреты, встречи с писателями, новости фэндомы.

Журнал выходит в удобном формате, с использованием современного дизайна, европейской бумаги, зарубежной полиграфии. Большой популярностью у читателей пользуется красочный раздел «Видеодром» — все о фантастическом кино.

Переписка с читателями сделала «Если» заочным клубом любителей фантастики и местом встреч поклонников жанра.

**«ЕСЛИ» — ЭТО 300 СТРАНИЦ
НОВЕЙШЕЙ ФАНТАСТИКИ!**

Подписка на журнал проводится по объединенному каталогу «ПОДПИСКА-98» (I том, раздел «Журналы»).

ИНДЕКС ЖУРНАЛА — 73118

Каталожная цена подписки на журнал — 48 тысяч рублей на полугодие плюс стоимость почтовых услуг.

Каталог есть в каждом почтовом отделении России.

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Собрание фантастических произведений

Том двадцать девятый

Ответственный за выпуск *Е. Чупов*

Редактор *В. Баканов*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Ж. Голубева, А. Хиршфелде*

Оператор компьютерной верстки *Н. Амосова*

Оформление форзаца: *А. Кириллов*

Оформление шмуцтитолов: *В. Ковалев*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 9.10.97. Формат 84×108^{1/16}.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20,16. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 1476.

ООО издательство «Полярис»

101000, Москва, Главпочтамт, а/я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997